

АНДРЕЙ
ПОСНЯКОВ

ВЕЩИЙ КНЯЗЬ

ЛАДОЖСКИЙ ЯРЛ

ВЛАСТЕЛИН РУСИ

ЗОВ ЧЕРНОВОГА

ЩИТ НА ВРАТАХ

БФ-коллекция

Андрей Посняков

**Вещий князь: Ладожский
ярл. Властелин Руси. Зов
Чернобога. Щит на воротах**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Посняков А. А.

Вещий князь: Ладожский ярл. Властелин Руси. Зов Чернобога.
Щит на воротах / А. А. Посняков — «Издательство АСТ»,
2023 — (БФ-коллекция)

ISBN 978-5-17-154276-4

Сорвав попытки черного друида узурпировать власть в Киеве, молодой ярл Хельги отправляется в Ладогу. Князь Рюрик назначил его своим наместником в этом важном торговом и ремесленном центре северных славянских земель. Непросто складываются отношения между местным населением и пришлым варягом. К тому же в дальних лесах происходят убийства невинных людей, и пылают усадьбы на порубежье – это пытаются опорочить Хельги его заклятые враги...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-154276-4

© Посняков А. А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Ладожский ярл	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	45
Глава 5	59
Глава 6	72
Глава 7	82
Глава 8	94
Глава 9	107
Глава 10	114
Глава 11	122
Глава 12	135
Глава 13	145
Глава 14	154
Глава 15	159
Глава 16	166
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Андрей Посняков
Вещий князь: Ладожский ярл. Властелин
Руси. Зов Чернобога. Щит на вратах

Серия «БФ-коллекция»

© Андрей Посняков, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Ладожский ярл

Глава 1 Запах смерти

*Привык по дебрям он скитаться,
И лыжи добрые под ним;
Но начал часто спотыкаться,
Жестоким голодом томим.*

Дмитрий Давыдов. «Тунгус»

Февраль 865 г. Восточное Приладожье

Выбравшись из оврага, Дивьян осмотрелся – и занес же леший! И как он этот овраг не заметил? Ведь всю же округу знал как свои пять пальцев с самого раннего детства. И вот – на тебе! Называется – спрямил путь, скатился с горушки. Больно уж не хотелось объезжать урочище, но и по болотцу, Палицкий Мох прозываемому, тоже вкруголя тащиться не очень хотелось, вот и... Дивьян досадливо сплюнул и на всякий случай потрогал широкий нож, висевший на поясе в кожаных ножнах, – мало ли зверь какой? Места тут глухие, дикие, до родной усадьбы почти полдня пути на закат солнца, если не очень спешить. А как тут спешить – урочищами да оврагами? Ну, по лыжне-то, конечно, можно и пораньше вернуться, если не замело лыжню. Не должно бы – денек сегодня неплохой зачинался. Запрокинув голову, Дивьян посмотрел в небо, ярко-голубое, высокое, с редкими прожилками облаков, подсвеченных солнцем. Тихо было в лесу, темные ели стояли, усыпанные снегом. Снега нынче выпало много, не как в прошлый год – едва-едва до колена – вот и урожай был плох, ни полба не уродилась, ни ячмень, ни лен, пришлось старому Конди – деду Дивьяна, главе давно поредевшего весянского рода – расширять к зиме охотничьи угодья, хорошо хоть было куда – от усадьбы и до глубокого озера на востоке – никакого жилья, а до озера того – два дня топать. Вот и Дивьян эти места – ну, не сказать, чтоб вообще не знал – знал, конечно, но так, плоховато. Никогда раньше у Черной реки не ставил силков старый Конди, а вот в эту зиму пришлось. С утра пораньше Дивьян и отправился их проверять, а кому еще? Сам Конди не пойдет – ноги почти не ходят, старый уже, несмотря что с виду крепок, кряжист, разлапист – и в самом деле, чем-то похож на конди – так весяне называли медведя. Кроме старика, в роду из мужиков один Дивьян остался, остальные сгинули назад тому третье лето, когда изничтожали в ляхтегских болотах неведомо как забредшую в те места шайку жестокосердных колбегов. Колбегов тогда всех изничтожили, но те дрались отчаянно – почти все мужчины в роду Конди полегли в Ляхтеге, только он сам остался да тяжело раненный Кайв – отец Дивьяна. Кайв до зимы не дожил – умер, сгорел в лихоманке, что вспыхнула от глубоких ран, Дивьян тогда едва десятое лето видел. С тех пор два мужика в роду остались – он да старик Конди, остальные, не считая уж совсем малых Калива с Малгом, все бабы. Сестры – Вайса, Либедза, Шуйга – девки смешливые, уж на что старая Вазг их шпыняет, а им все одно – смех да хохот. Вот и вчера так же, со смехом, уговаривали Вазг отпустить их поутру с Дивьяном. Не уговорили, куда там – замахала старуха клюкой, заплевалась – а кто завтра прясль будет? А корзины плести? А белье стирать в проруби? Не говоря уже о том, чтоб со скотиной управиться – стадо у Конди большое – коровы, бычки, нетель. Работы хватало на

всех, даже малые Калив с Малгом – и те нет-нет да и покормят бычков сеном, смешные такие, глупые – и ребята, и бычки.

Дивьян усмехнулся, представив, как, смешно переваливаясь в снегу, тащат Калив с Малгом малую кадку. Малая-то малая, да для них и та – тяжесть, почти неподъемная, а ведь ничего, упираются, тащат, только сопят громко. Мужики... Вообще, в роду Конди почему-то почти одни девки рождались, взять хоть самого Конди или покойного Кайва. Семь сестер у Дивьяна – все старшие, четыре, правда, в младенчестве померли, вот три осталось – скоро выдавать замуж, известно – девки в роду чужие, все одно к мужу уйдут. Другое дело парни... Вот как родился у Кайва от второй жены парень – для всех в роду радость была великая, так и назвали – Дивьяном – от слова «дивья» – «хорошо, замечательно». А уж потом, через восемь лет после рождения Дивьяна, появились и Калив с Малгом. Так что ничего, жить можно. Девки, правда, уже давно на сторону смотрят, женихов приглядывают – говорят, в Куневичах на усадьбах работающих парней много... Не раз и не два замечал Дивьян, взгрустнув, нет-нет да и посмотрят девчонки в закатную сторону, туда, где за болотами и лесом – Куневичи. Посмотрят да, переглянувшись, вздохнут. Конди со старухой Вагз их понимали, знали: уж летом обязательно надобно девкам замуж – в самую пору вошли. Работниц, правда, в дому поубавится, так ведь и с куневичскими породниться неплохо, хотя роднились, говорят, и раньше – с кем тут еще родниться-то? А хорошо будет как-нибудь в Куневичи податься – навестить новых родичей, да на девок взглянуть, не на своих, что замуж выйдут, на других, на куневичских... В соседнем Наволоке, что, как и Куневичи, на Капше-реке, тоже, говорят, хороши девки. Демьян зарделся вдруг, оглянулся зачем-то, словно опасался – не подслушал ли кто его нескромные мысли? Что-то белое вдруг шмыгнуло в сугробе под елкой. Заяц! Дивьян вмиг сдернул с плеча лук, шагнул вперед осторожненько... И провалился в глубокий снег чуть не по пояс! Лыжи-то в овраге остались. Отличные лыжи, широкие, беличьим мехом – чтоб с горы в обрат не скользили – подбитые.

Помяная лешего, парень полез обратно в овраг. Зарылся в снег с головой, скинул и меховые рукавицы-дянки, сыскал-таки, нашупал лыжи. Вот они... вот одна, вот другая – сломана. Ничего, поясом перевязать – до усадьбы дойти можно. Не так быстро, правда, как рассчитывал, да уж хоть так. Дивьян потянулся было к поясу, потом треснул себя ладонью по лбу, снял с плеча котомку, вытащил завязки, подвязал лыжину – ничего, идти можно. Как раз на обратном пути, меж озерами, глухарь в силки попался, жирный, то-то вкусно будет варево, не забыть бы только его взять, да не добрался б какой зверь – лиса вряд ли достанет, а вот куница вполне может допрыгнуть. Потому поспешать надо!

Выбравшись из урочища, парень поднялся на залитый солнцем холм, откуда открывался вид на всю округу. Дивьян прищурился, приложил ко лбу ладонь ребром. Вон там, на восходе, – лес, урочище, болотце, вон и Черная река – узенькая, заметенная голубым снегом полоска, к югу от нее река пошире – Паша, по ней ездят за данью важные люди из самой Ладоги, в граде том, говорят, домов больше, чем с полста, – Дивьян, правда, тому не верил, кто ж поверит-то? Это ж надо так врать – полста домов! А людей в них тогда сколько? Это где ж на всех напаешься угодий? Нет, врут, поди, люди про Ладогу... Отрок снова взглянул на юг, пряча глаза от солнца, – уж больно красивый вид открывался там! Смешанный лес, окутанный блистающим золотом снега, березовая рощица, свисающие с берегов заросли ивы – от того холма, где находился Дивьян, местность полого спускалась к реке, и сменявшие друг друга деревья – елки, березы, ивы – были хорошо видны. А за ними сверкала на солнце река. Ослепительно белая, с темно-синими вкраплениями теней, она казалась широкой дорогой, зовущей в неведомые дали, каковой на самом деле и была. По ней можно было добраться почти до самой Ладоги, града, о котором рассказывали всяческие небылицы... Вот бы самому посмотреть! Побывать там хотя б один разочек – вдруг не врут люди, и впрямь там полста домов? Уж тогда разговоров хватит до конца жизни. Дивьян опять усмехнулся и вздрогнул. Показалось, будто на белой

ленте реки появились черные точки. Люди? Охотники с хуторов, что на Паше-реке? Или – хуже – жестокосердные колбеги вновь пришли за добычей? Дивьян потер веки снегом, снова взглянул... Нет, показалось. Так бывает, когда долго смотришь на снег – появляются в глазах какие-то черточки, точки, кружочки. Вот как сейчас... Показалось...

Отрок почесал затылок, вздохматив густые темно-русые волосы, третьего дня аккуратно подстриженные в кружок сестрицей Шуйгой. Лицо у Дивьяна круглое, румяное, нос – любопытный – вздернутый кверху, глаза узковатые или даже скорее прищуренные, непонятного зеленовато-серого цвета. Да и все в роду Конди такие, круглоголовые да румяные, и сам старик, и девчонки; только вот статью Дивьян не в своих уродился – те все ширококостные, кряжистые, а он в костях тонок, худ даже, и роста невысокого. Правда, в роду все невысоки были.

Почесал Дивьян голову, улыбнулся чему-то – может быть, солнцу, яркому и по-весеннему радостному, может, пронзительно-синему небу с белыми облаками, а может, и укутанным сверкающим снегом деревьям, красивым, словно в тех дивных сказках, что рассказывала ему мать, когда еще была жива. Так, неизвестно чему улыбаясь, и стоял отрок на пологой вершине холма, залитой блестящим солнечным золотом, смотрел в даль, на ближний лес, зеленый и снежный, на темно-голубой – дальний, на небо – высокое, синее, на облака, похожие на волшебные горы. Стоял так, смотрел... И вдруг, в который раз уже, озаботился чем-то, словно что-то было не совсем в порядке, словно не хватало чего-то... Лыжи? Вот они. За плечами – котомка, лук, колчан на десяток стрел, на поясе нож. Теплая куртка из медвежьей шкуры, штаны, на ногах – лосиные постолы с обмотками из толстой шерсти. Все вроде на месте... Добыча? Так зайца же упустил, а до глухаря еще топать и топать. Главное, не забыть бы... Не забыть бы... Шапка! Дивьян схватился за голову. Ну, конечно же, там, в овраге, и потерял, где ж еще-то? Хорошая шапка, круглая, теплая, из бобровых шкур. Негоже такую шапку в лесу оставлять, хоть и тепло вроде бы. Делать нечего – неохота, а все ж вернуться придется. Как же без шапки-то? Вдруг да вернутся морозы, да и вообще...

Так вот, пока за шапкой ходил, пока с силками возился, потом еще заяц на пути встретился, уж его-то враз поразил стрелой – и провозился Дивьян почти до вечера. Когда завиднелось по левую руку небольшое лесное озерко – не то чтоб уже стемнело, однако и не день уже был: и солнце не так глаза слепило, и тени стали длиннее, и в небе облаков поприбавилось. Да и воздух вокруг словно бы стал гуще, синее. Однако недолго и до дома осталось. Вон оно, озерко – малое, лесное, а впереди – озеро чуть побольше, длинное, а за ним, за холмом – тоже уже виднеется! – озеро большое, глубокое, там такие шуки водятся – с человеческий рост. Сам-то Дивьян таких не видал, но старик Конди рассказывал. Врал, наверное. А может, и не врал – озеро-то глубоким было, мало ли, кто там у самого дна водится? Вот меж теми озерами, большим и длинным, на склоне холма, пряталась за лесочком усадьба. Поди, разложили уже очаг, пекут на угольях рыбу – старик собирался сегодня к проруби с мальыми. Уж всяко поймал что-нибудь, рыбы во всех трех озерах – что травы летом. Лещ, форель, щука. Щука, правда, Дивьяну не нравилась – костиста уж больно, как и окунь. То ли дело форель – но та не в озерах, больше в ручьях да мелких речках водится...

Почувствовав, как собирается во рту слюна, отрок прибавил шаг. Можно было б, конечно, перекусить вяленным лосиным мясом да черствой лепешкой – да к чему? Когда – чуть ходу – и вот она, белорыбица, ешь – не хочу!

Вот уже и затерялось за холмом малое озерко, лыжня круто пошла вниз – тянулась дальше через длинное озеро. Вон и мостки уж видать, и проруби... Там, за зарослями ольхи, и усадьба, с озера не видать, низко. А дым должен уже быть виден... Да и рыбой что-то не пахнет, и собаки не бегут, не лают, встречая, радостно...

Чувствуя смутную тревогу, Дивьян снял лыжи и быстро побежал вверх по расхоженной тропе. Вот и ольха, заснеженная, густая, за ней уже виден и дом, окруженный посеревшим от времени частоколом. Распахнутые ворота – как же, ждут, наверное, – вот только где собаки?

А может, старик на ближнюю охоту пошел? Тогда ясно – прихватил собак с собою, то-то ему, Дивьяну, не разрешил взять... Леший вас всех задери!

Споткнувшись о брошенную кадку, отрок полетел лицом в снег. Вылившаяся из кадки вода уже подмерзла – как раз на этом льду он и поскользнулся у самых ворот, вот смеху-то сейчас будет... Дивьян поспешно поднялся на ноги, стряхнул снег и, подобрав выпавшие лыжи, вошел во двор... И замер там, прямо в воротах, не в силах еще осмыслить увиденное!

Прямо на него, страшно и строго, смотрели головы малых – Калива и Малга. Одинаковые, круглые, светлоглазые. Именно – головы... Отрезанные от туловищ и насаженные на воткнутые в снег шесты. Тела валялись в сугробе рядом... рядом со старым Конди. Голова старика была пробита, черная кровь уже запеклась на снегу, а широко раскрытые глаза смотрели в небо. Тут же, напротив Конди, валялись и проткнутые стрелами собаки. Так вот почему не лаяли... Холодея от ужаса, Дивьян вошел в дом, чуть не споткнувшись о распластанный на пороге труп старухи Вазг. Было уже темно, и отрок от углей в очаге возжег светец... И вскрикнул, увидев сестер, пришипленных к стенам узкими кривыми ножами! Двоих – Вайсу с Либедзой. У каждой под обнаженной грудью запеклась кровь. Там, где сердце. Младшая из сестер, Шуйга, обнаженная, лежала в углу на спине, на ворохе сорванной с нее же одежды, густо пропитавшейся кровью. Горло девушки было перерезано от уха до уха. Густой пряно-сладковатый запах стоял в доме, запах крови и смерти.

«Колбеги...» – молнией пронеслось в голове Дивьяна, и ноги его перестали держать тело...

Совсем рядом, в лесу, послышался тоскливый вой волка.

– Успеет до темноты? – придержав коня, молодой варяг в богатом темно-голубом плаще нетерпеливо обернулся к развалившемуся в низких санях погонщику – худощемому простоватому парню, длинному, словно жердь, оттого и прозвище – Жердяй.

– Должны успеть. – Жердяй быстро подобрался и, подгоняя лошадь, чмокнул губами. – Недалеко уж.

Пожав плечами, варяг погнал коня вперед, где, у запорошенной глубоким снегом излучины, дожидались его всадники в кольчугах и с копьями. Дружина...

– Где заночуем, ярл? – Один из воинов – светлоглазый, с небольшой бородкой, щегольски заплетенной в косички, – выехал навстречу предводителю. – Я предлагаю в лесу. Говорят, здесь видели кюльфингов.

– Кюльфингов? – Ярл усмехнулся. – И кто ж тебе об этом сказал, уважаемый Снорри? Не Жердяй ли? Слышал, вы вчера долго о чем-то шептались у костра.

– Жердяй рассказывал о местных колдунах, – заметно смутился Снорри. – Думаю, что тут все волки – оборотни. Слышишь, как воют?

Ярл покачал головой, остановился рядом с дружиной, ожидая, когда по замерзшей реке подтянется обоз – десяток саней, запряженных крепкими низкорослыми лошадами. Кто-то из дружинников заметил, что о кюльфингах лучше спросить знающего мужика Трофима Онучу, что, как самый опытный и бедовый, ехал в последних санях.

– Колбеги? – переспросил он, придержав лошадь. Плотненький, крепко сбитый, в плаще из волчьей шкуры, Трофим напоминал небольшой стожок сена. Голени его были смешно перевязаны двойными обмотками-онучами, отчего Трофим и получил свое прозвище.

– Бывали тут и они. – Он махнул рукой и зашевелил губами, что-то подсчитывая. – Года три прошло с последнего раза. Ну, о том старый Конди лучше расскажет, у него от колбегов все сыновья полегли... Эй, Жердяй! – Трофим Онуча вдруг замахал руками. – Сворачивай, сворачивай! Куды ж тебя несет-то, жердину?!

– Что такое? – вскинул глаза ярл.

– Так вон, вон, повертка! – Трофим показал кнутом на пологий, поросший кустами мыс, блестящий в лучах заходящего солнца. – Узковата, правда, да зато напрямиком к усадьбе. К ночи будем.

Ярл задумчиво поскреб бородку. Не очень-то хотелось ему тащиться лесом, куда лучше по реке – и широко, и удобно, да и быстро – ни деревьев, ни кустов, ни бурелома – одна наезженная колея – своя же, тут, по Паше-реке, к Пашозерскому погосту и ехали, утомились, в глубоком снегу путь пробивая, да вот зато теперь – в обрат – уж как хорошо! Удобная была дорога.

– А что, по реке никак нельзя попасть к этому Конди? – поинтересовался ярл.

Трофим Онуча кивнул:

– Можно. По Шуйге-реке до озера, а еще и до нее сколько... С полдня точно будет. А тут... Чтоб тебе, князь, понятней было – две ромейские мили.

– Всего-то? – удивился ярл. – Так чего ж тогда мы тут стоим? Сворачиваем.

Дорога стала трудней. Не шибко наезженная колея вилась меж лесистых холмов и урочищ, кое-где среди упавших деревьев был прорублен путь, в иных местах приходилось рубить самим – хорошо, мужиков в обозе хватало, а уж обращаться с топором да секирой – каждый был обучен. Уже заметно стемнело, и скрывшееся за черными деревьями солнце посылало прощальный привет тусклыми рубиновыми лучами.

– Как бы не заплутать в лесу-то! – оттаскивая в сторону упавшую лесину, шепнул Онуче Жердяй.

– Не бойсь, ужо не заплутаем, – ухмыльнулся Трофим. – Вон на деревьях метки. Вишь – тут ветка пригнута, тут – кора стесана, а там – и вообще вершины на сосенке нет.

– Где? – Кинув лесину, Жердяй завертел головой. – А, теперь вижу. Стало быть – нынче в тепле заночуем! – Он обрадованно потер ладони. – А хорошо б и баньку, верно, дядько Онуча?

– А девку тебе под бочок не нат? – глухо засмеялся Трофим. – А то попроси князя, может, и сосватает тебе кого.

– Скажешь тоже, дядько, – уныло отозвался Жердяй. – Будто у князя других дел нету.

Расчистили дорогу, и обоз тронулся дальше.

Ярл ехал впереди, выслав перед собой двух гридей – младших дружинников – разведывать путь. С обеих сторон колею – местами совсем пропадающую, еле видную – обступал густой смешанный лес: ели, осины, сосны, заросли ольхи и орешника, лишь иногда деревья расступались, давая простор скрытым сейчас снегом болотам, а за болотами вновь начинался лес.

– Чем-то напоминает лес у Радужного ручья, верно, Хельги? – незаметно подъехав, произнес Снорри. – Еще бы горы – и совсем как у нас... – Он вздохнул, вспомнив далекую родину – Норд Вегр – «Северный путь» – страну лесов, гор и фьордов.

– Как у нас... – машинально отметил ярл и тоже вздохнул. Все ж таки воспоминания детства и ранней юности сильны в каждом. Хотя вроде и ничего такого не было там, в Халогаланде, что тянуло бы, притягивало бы мысли: семью – законную жену Сельму и маленькую Сигрид, дочь, – Хельги-ярл еще в прошлое лето перевез в Альдегьюборг – Ладугу, полноправным наместником которой он теперь являлся, верно служа великому князю Рюрику – конунгу Рюрику Ютландцу, женатому на Еффинде, сестре молодого ярла. Но не только потому, что Хельги-ярл приходился родственником, Рюрик оставил на него Альдегьюборг и округу, а сам уехал вверх по Волхову-реке и основал там хорошо укрепленное городище, нет, не только поэтому. Несмотря на молодость, давно уже славился Хельги-ярл как знаменитый воин, и даже не столько воин, сколько хевдинг – воинский предводитель – умелый и опытный, бесстрашный и осторожный, надежный и верный. Как раз такому и можно поручить богатый Альдегьюборг, не так давно отстроившийся после пожара. Под надежным присмотром теперь град, а вся округа – пожалована в вотчину Хельги, и вся дань с нее – его дань. Пусть, правда, и не так много людишек в местных лесах, да и дань невелика, не в этом суть – в чести! Немногие имеют власть над целой округой, по площади примерно равной всему Халогаланду вместе с Трендалагом. А

Хельги-ярл такую власть имел. И знал четко: будет спокойствие – будет и дань, и уважение, и почет. Он старался быть хорошим правителем, как того требовали понятия чести. Правда, вот, опыта пока не было. Что ж... У многих легендарных правителей Инглингов тоже не было такого опыта. А какой опыт был у того же Хаскульда, когда он начинал княжить в Кенугарде-Киеве? Но ведь княжит. И не только он... Дирмунд, Дир... Черное колдовское отродье, возмечтавшее о власти над миром. Киев, да и вся здешняя земля от озера Нево на севере и до теплого моря на юге – это лишь ступень к власти. Важная, следует отметить, ступень. Изгнанный из Ирландии друид Форгайл Коэл – с помощью черного колдовства и волшебного камня Лиа Фаль нацепивший личину непутевого Дирмунда Заики – тоже хорошо знал это. А ведь было время, когда он пытался заменить своей черной душой душу Хельги. Не вышло! Благодаря кузнецу Велунду и тому, чьи мысли ярл давно уже привык считать своими. Хельги не знал ничего о том, кто исподволь вторгается в его мозг, ведал только одно – это тоже противник друида. И играет на стороне ярла. Сам не замечая того, Хельги жил и действовал так, как подсказывала ему чужая душа – да полноте, чужая ли уже? – так, как жил бы и действовал человек далекого мира – питерский рок-музыкант Игорь Акимцев, чье тело вот уже около трех месяцев лежало в коме в частной клинике доктора Норденшельда, а душа... душа все больше роднилась с северным ярлом. Три месяца прошло для Акимцева с их первой «встречи» еще в Бильрестской усадьбе, три месяца – а для Хельги – больше девяти лет... И молодой ярл четко сознавал, для чего все это, – он единственный, кто может остановить путь черного друида к власти над миром! Ибо только он, Хельги – вернее, Тот, Другой, – не подвластен злым чарам злобного кельтского жреца. И только он может... Он – Хельги-ярл! И не только может, но и должен, как сказала когда-то Магн дуль Бресал – молодая ирландская жрица, сумасшедшая Магн – как ее называли в Норвегии... Не в той, где родился Хельги, а в той, где лежал Акимцев...

Хельги помотал головой, следя, как темные силуэты всадников поднимаются на пологую вершину поросшего редколесьем холма. Он понял вдруг, почему исчезла из Альдегьюборга красавица Ладислава, юная девушка с чистыми васильковыми глазами, на долю которой выпало так много всего. Ведь сам же он, Хельги, перевез в город семью, не мог не перевезти – фьорды Халогаланда, пользуясь отсутствием сильного конунга, терзали набегами все, кому не лень, а много ли сможет сделать против разбойников женщина, даже такая, как Сельма? К тому же, как впоследствии узнал ярл, подняли головы и старые его враги – жадюга Скьольд Альвсен, брат которого, рыжий беспредельщик Бьярни, был когда-то убит Хельги на поединке; и Свейн Копитель Коров. Оба зарились на землю Бильрест-усадьбы, но и не только на нее – их алчные корявые лапы тянулись уже и к дальнему Снольди-Хольму, родовой усадьбе Сельмы! Уже таились по дальним хуторам подкармливаемые Скьольдом бродячие шайки, уже посматривали на усадьбу Сельмы... Как узнал потом Хельги, возглавлял врагов давний его соперник, красавчик Фриддлейв, сын Свейна Копителя Коров... А ведь Фриддлейв когда-то посматривал на Сельму... В общем, молодой ярл вернулся вовремя. С верным Снорри они забрали все, что могло поместиться на двух драккарах и кнорре. Сельма была счастлива, хоть иногда и плакала – грустно было расставаться с родной стороной. Хельги хорошо помнил, как встретила его супруга. Их драккары были приняты за суда врагов! Воины – какие уж были – стояли на стенах, ими командовала сама Сельма – высокая, в короткой серебристой кольчуге, с развевающимися на ветру волосами, она казалась валькирией, сошедшей с небес по приказу самого Одина. Грозная и неприступная, с плотно сжатыми губами и двумя мечами в руках... Она вскрикнула и побледнела, узнав Хельги, и тот внес ее в дом на руках. Сняв кольчугу с туникой, положил на ложе, лаская взглядом белое, как морская пена, тело... Широко распахнув глаза – темно-голубые, как воды фьорда, – молодая женщина призывно протянула руки... Такая родная, любимая...

Хельги часто спрашивал себе – любил ли он Ладиславу так же, как жену? И не мог ответить... И все чаще думал о юной девушке с глазами как васильки, с которой было связано так

много... Ладислава, Ладия... Ярл искал ее после возвращения из Халогаланда. Искал напрасно – девушки не было в городе, а ее родственник – кузнец Онфим Лось – пожал крутыми плечами, ответил лишь, что девчонка подалась куда-то в леса, к дальним родичам, зачем так поступила – не сказала.

– Ей бы замуж, – вздыхал кузнец. – Да, видно, не захотела, ушла. Своевольная стала девка, упертая. Ну, да в нашем роду все такие...

Хельги тогда вдруг почувствовал облегчение. Ну, была бы Ладислава – и что? А вошла б она в его дом? Законы викингов позволяли знатным людям иметь несколько жен. Дозволяли... Только вот Хельги почему-то не хотел поступать так. Почему? Любимая должна быть одна... А если две вместе – и рядом – это как-то нехорошо... Нехорошо не по меркам Хельги, а по меркам Того, Другого... И ярл не мог рассуждать иначе!

Значит, наверное, и к лучшему, что Ладислава исчезла, ушла, неизвестно куда. Даже не оставила знака – а ведь оставила бы, если б захотела.

Ярл сглотнул слюну. Он вдруг понял, что терзало его последнее время. Мысль о Ладиславе... Вернее – мысли...

Густой лес с обеих сторон постепенно стал реже, а потом и совсем исчез. Из-за кустов высветлилась длинная пустая поляна – заснеженное озеро.

– Эй, дядько Трофим! – озаботился Жердяй. – А выдержит лед-то? Трофим Онуча усмехнулся в усы:

– Выдержит, паря, не сомневайся. Не таких выдерживал.

Сначала на лед вышла дружина, за воинами потянулся обоз – девять саней, шесть из которых уже были загружены данью – медом и воском, мехами, мясом и рыбой – остальные четыре еще нужно было загрузить. Впереди, над холмами и лесом, заползали темные тучки, закрывая желтые, выкатившиеся было на небо звезды. Теплело, видно, к метели или уж, по крайней мере, к обильному снегопаду, такому, что замечает все стежки-дорожки так, что ни пешему не пройти, ни конному не проехать. Плохо это, что снег. Не шел бы лучше. Ну, может, не такой и сильный будет? Трофим Онуча с тревогой посмотрел на небо и подогнал лошадь. Сани его были нагружены полностью. Хорошо Жердяю – у того пока пусты. Если будет такой снег – хорошо б и перегрузить часть всего на пустые, надо будет сказать князю. Трофим вдруг улыбнулся – первый раз он встречал знатного варяга, который бы прислушивался к чужим советам, даже к советам смердов. И, по мнению Трофима, правильно делал, что прислушивался. В чужой-то земле прежним умом не проживешь – надобно и местных слушать. Редко такое бывало, чтоб слушали. Но бывало все-таки. Вот и сейчас послушал князь, и хорошо, что послушал, – эвон, пилили бы в пургу по реке да по озеру, за тридевять земель киселя хлебали б. А так... Вон, уже и прорубь, и тропинка. Скоро, совсем скоро – усадьба.

Она внезапно выглянула из-за лесочка темнеющим на снежном склоне холма частоколом. За частоколом маячили приземистые строения, уныло поскрипывали на ветру распахнутые настежь ворота. Ждал, что ли, кого Конди? Собаки не лаяли – может, и вправду ждал?

Чтобы зря не пугать хозяев, Хельги остановил дружину. Отправил вперед Трофима – иди, мол, взгляни да предупреди, чтоб встречали. Сам при этом усмехнулся в усы – не может такого быть, чтоб столько людей не заметили местные. Тогда почему не вышли навстречу? Чего худое замыслили? Супротив тяжело вооруженной дружины? Самоубийцы...

Трофим Онуча выбежал из ворот с жалобным стоном.

– Там... Там... – размахивал он руками.

– Да что там? Говори толком?

– Убиты... Все убиты... И сам Конди-старик, и все... – Трофим покачал головой. – Эвон, идите, смотрите сами.

Очутившись в усадьбе, ярл велел зажечь факелы. В их дрожащем свете осмотрел с бесстрастным лицом валявшиеся на дворе трупы, отрезанные детские головы на шестах, замученных в доме дев.

– Баловались с ними, – осмотрев девок, сглотнул слюну кто-то из дружины. – Видно, колбеги. Говорят, они и раньше такое творили.

Хельги не слушал. Велел только, чтоб зажгли побольше факелов. Все хотелось увидеть, не упустить никакой малости – и сделать выводы. Колбеги – не колбеги – кто-то же сделал это? А за сделанное – должны ответить. Ответить и по закону, и по обычаю.

– Может, мстил кто? – высказал предположение Снорри.

Ярл задумчиво покачал головой. Он и сам так поначалу подумал, но... Что значит месть? Мстят ведь не человеку – роду. Здесь – как раз похоже на то, судя по всему – вырезан весь род Конди. Только зачем было вырезать всех? Ведь достаточно убить самого авторитетного – Конди – и дело с концом. Зачем убивать детей и женщин? Для страха? Или – чтоб не осталось тех, кто смог бы мстить впоследствии? Может быть... Но эти отрезанные головы, истерзанные тела, кровь... целые лужи крови – слишком много для обычной родовой мести. И что тоже интересно, никто не поджег дом! Не полыхала усадьба на весь лес, стояла себе, целехонька, словно ждала кого.

– Вынесите из дому убитых, – наконец распорядился ярл. – И пусть загоняют во двор возы – заночуем здесь.

Никого не удивило это распоряжение – ночевать среди трупов. И дело вовсе не в грубости нравов. В лесу, среди волков, что – лучше, что ли?

Выйдя во двор, Хельги прислушался к волчьему вою. Похоже, стая шла за обозом и раньше, только близко серые бестии не подходили – боялись. А вот теперь осмелели. Справная была усадьба – во всем чувствовалась крепкая рука хозяина. Добротный, срубленный из толстых бревен дом. Не землянка, изба – попробуй-ка в земле проживи зиму, просторный хлев с убитой скотиной – ее прирезали, но взяли не все мясо – тоже еще одна загадка. Овин, амбары. Кое-что из припасов исчезло. Ярл подозвал Трофима Онучу – бывалого мужика – поручил подсчитать тщательно, что именно взяли. Трофим кивнул, побежал к амбару, за ним, не отставая, смешно мерил двор шагами длинный неуклюжий Жердяй. Оглядываясь, Трофим что-то бурчал ему, видимо поучал.

– Зайди-ко в дом, ярл, – тихо попросил появившийся во дворе Снорри.

Хельги последовал за ним – что там такого выискал молодой воин?

– Смотри, – войдя в избу, Снорри кивнул на молодую девушку у самого очага. Оттаскивая, ее перевернули спиной вверх... Белые, разрубленные мечом ребра, вытащенные наружу легкие... Знакомое дело...

– Кровавый орел, – эхом откликнулся Снорри. – Нидинги!

– Откуда здесь люди фьордов? – удивленно обернулся к нему ярл.

Молодой викинг невесело улыбнулся:

– Оттуда же, откуда и мы.

– Но какой смысл? – Хельги все не мог поверить. – Не пойму, кому из конунгов понадобилась вдруг столь нищенская добыча, за которой надобно еще и переться неведомо куда, да не на корабле – пешком, на санях – драккар по здешним рекам не пройдет и в летнее время. Нет, вряд ли это викинги...

– Кюльфинги! – вдруг предположил Снорри. – Недаром и местные про них говорили.

Кюльфинги – «дубинщики» – неведомое, грозное племя одетых в медвежьи шкуры воинов, вооруженных дубинами и топорами. Местные называли их – колбеги. А вот это, пожалуй, больше похоже на правду. Но среди них явно затесался и кто-то из варягов-викингов – об этом красноречиво говорил «кровавый орел». Но почему они не сожгли усадьбу? Непонятно...

Дружинники расстилали на окровавленном полу свеженарублен-ные сосновые ветки. Запахло смолой и дымом от разожженного очага. Хельги уселся на вытертую от крови лавку, с любопытством осматривая помещение. В общем-то ничего необычного – очаг из круглых камней, островерхая крыша с отверстием для выхода дыма, вдоль стен – широкие, накрытые сукном и шкурами лавки. Пара больших сундуков с одеждой и нехитрой утварью – деревянной посудой да плетеными из лыка туесами, под одной из лавок – плотницкий инструмент: долото, лучковая пила, топоры.

– На них напали внезапно, – опускаясь рядом на лавку, высказал предположение Снорри. – Они даже не успели оказать сопротивление!

– Да, – согласно кивнул ярл. – Видно, пришельцев здесь хорошо знали... Или, по крайней мере, хотя бы одного из них. К тому же... – Он наклонился вдруг к самому уху молодого варяга. – Ты заметил, как убили женщин?

Тот удивленно поднял глаза:

– Обыкновенно убили. Перерезали горла...

– Нет, – Хельги усмехнулся. – Горло перерезали уже потом, сначала их поразили в сердце... оставив такие маленькие дырочки, какие вряд ли бывают от копий...

– Тонкий кинжал? Стрела?

– Может быть... Но очень похоже и на другое. – Ярл прищурился от разъедающего глаза дыма. – На то, как убивал свои жертвы друид! Ты помнишь?

– Тонкий железный прут!

– Именно.

– Но откуда...

– Пока не знаю, Снорри. – Ярл тяжело вздохнул. – Это всего лишь предположение. И очень хотелось бы, чтобы оно оказалось ошибочным.

Улеглись спать поздно ночью – ярл и Снорри – на лавках, остальные – вповалку на сосновых ветках. Ярko горело в очаге жаркое пламя, брызжа горячей смолой, потрескивали дрова, и едкий дым стелился по стенам, медленно поднимаясь к потолку. Составлявшие почти половину дружины варяги уснули сразу – были привычны к картинам кровавой бойни. Не было таковое в новинку и славянским дружинникам, а вот что касается простых возчиков... У Жердяя, к примеру, зуб на зуб не попадал от страха, да и Трофим Онуча тоже чувствовал себя не лучшим образом, хотя и не показывал виду. Обсуждали случившееся шепотом, косясь на спящих варягов. Месть, говорят... Да не было таких врагов у старого Конди, чтоб так страшно мстить! Колбеги? Давненько они тут не появлялись, а если б и появились, так и скот бы увели, и в доме подобрали бы все до последней нитки, и в амбарах. Да и девок не стали бы убивать – это ж какой товар! Нет, не колбеги это и не соседи весяне. Тогда – кто же?

Те же вопросы мучили и ополоумевшего от навалившегося горя Дивьяна. Парень почти бежал по заснеженной лесной тропке. Нет, не уйдут враги, кто бы они ни были! Колбеги? Да, скорее всего, это колбеги – так рассуждал отрок, ничегошеньки об этом племени не зная. Но зачем знать? Разве ж не они убили отца и двоюродных братьев? Разве ж не они чуть было не прикончили старого Конди? Вот и теперь явились в здешние леса с кровью! Ничего... Никуда не денутся...

Не чувствуя усталости, шел по следам врагов Дивьян. Поторапливался – с неба уже валил снег крупными белыми хлопьями, еще немного – и заметет следы, ищи тогда недругов – век найщешься! Тяжело дыша, отрок глядел на снег, примечая: вот – копыта коня, вот – чей-то сапог, а вот – лыжи. Это хорошо, что они на лошадях. Оно, конечно, пешему конного не догнать, да зато коней издали учуять можно. И по навозу свежему, и по волкам, что шли следом, – ишь развылись, твари! Ненависть гнала Дивьяна вперед по заметенному снегом лесу. Волки выли где-то впереди, поспешая за людьми и конями, странно, что они не остались пола-

комиться человечинкой на усадьбе. Может, спугнул кто? Или это какая-то другая стая? Тут, в лесах, волков было множество. Нет зверя страшнее этого хищника, нет лютее его, хитрей и выносливее. А быстр – иногда и рассмотреть не успеешь, как шмыгнет у самых ворот серая тень, глядь-поглядь – и нет собаки, а то и двух сразу, как уж бывало не раз. Опасен зверь, умен – добычу может преследовать днями, выжидая удобный момент, а как выждет – все! Вцепится острейшими зубами в горло, порвет, тут налетит и вся стая – повалит несчастную жертву на землю и примутся жрать, терзая еще теплое тело, так что к утру останутся лишь рожки да ножки, вернее, копытца. Ничем не брезгают волки – ни мышью полевой, ни птицей, ни человеком.

От ненависти совсем утратил осторожность Дивьян, одним только и жил – не потерять бы следы, не упустить бы, совсем и не думал про волков, а надо было...

Он заметил их поздно, слишком поздно, чтоб убежать, да и куда здесь бежать-то? Была, правда, когда-то поблизости, около болота под названием Чистый Мох, охотничья заимка – да цела ли? А если и цела – что с того? Все одно на своих двоих не убежишь от стаи.

Вот, кажется, что-то сверкнуло в снегу! Дивьян замедлил шаг, поднял – уточка. Бронзовая подвеска-уточка, из тех, что так любили носить замученные сестрицы. Значит, он на верном пути! А там, за холмом, уж не ржут ли кони?

Дивьян поднял глаза – прямо перед ним вспыхнули в ночи желтые искорки. Звезды? Искорки приближались, вот уже слышно стало дыханье, резко пахнуло зверем... Волки!

Не раздумывая, Дивьян бросил в сторону шапку, сам же отпрыгнул к ближайшей сосне и, в кровь обдирая руки, быстро полез наверх. На сосенке этой и просидел до утра несчастный отрок – не замерз, не особо-то и холодно было, да и употел, бегая. Однако ж хоть и не холодно, да к утру остыл. Подумал было спуститься – попрыгать, согреться – так бы и сделал, коли глуп был, да вот только не был совсем уж глупцом Дивьян и повадки волчьи знал хорошо. Не отпустят они его, пока не найдут новой, более предпочтительной жертвы. Оставят нескольких – сторожить, а вся стая будет ходить неподалеку кругами, охотясь на всякую мелочь, да выжидать – не свалился ли глупец человек с сосенки? А он ведь обязательно свалится – не от холода, так от голода.

Что-то спорхнуло с соседней елки, шумно трепеща крылами. Тетерев! Упитанный, тяжелый, мясистый. Такого б в котел, да с кореньями разными, да с просяной кашей! Хотя, конечно, и без каши обойтись можно – был бы тетерев. Ощипать да на вертел! Или еще лучше – закатать в глину, да в земельку его, сердечного, а сверху костерок разжечь, любо-дорого мясо выйдет: сочное, мягкое, вкусное... Дивьян вдруг остро почувствовал, что проголодался. Сколько он уже не ел – со вчерашнего дня? Эх, забыл в избе котомку, вот дурень. Зато стрел прихватил с избытком... Оно, конечно, неплохо, да ведь во... Волки... А что, если...

Наладив стрелу, отрок осторожно спустился к нижним веткам... Ага! Вот они, голубчики, в кусточках таятся. Для охотничьей-то, птичьей, стрелы далековато. Можно, конечно, и в глаз засадить... нет, все одно далеко. А в хребет иль в лоб – что толку, шкура там толстая, можно и не пробить. Лучше в брюхо иль в бок хотя бы... Выманить бы как-нибудь тварей. Чего б им бросить-то? Дивьян пошарил за пазухой – ничего подходящего, кроме подобранной шейной подвески – уточки. Ну, на нее вряд ли волки польстятся. Надо что-то другое, чтоб живым человеком пахло. Хоть, право слово, полушубок снимай, шапку-то давно выбросил. Шапку-то выбросил, а рукавицы? Пожалуй, можно одной пожертвовать – чего ж еще придумать-то?

Привлекая внимание сидящих в засаде волков, Дивьян залиvisto свистнул и швырнул рядом с сосной рукавицу. Прижав уши, хищники тут же бросились к ней – совсем еще молодые щенки-однолетки... Быстро пропела стрела, и один из волков, заскулив, повалился на бок, окрашивая снег алой дымящейся кровью. Напарник раненого – красивый, поджарый зверь с тонкими лапами и черновато-серой холкой – озадаченно потыкал носом умирающего товарища. Дивьян увидел, как раздулись у него ноздри, как блеснули глаза... миг – и обезумевший от вида

пищи зверь принялся слизывать со снега кровь... Лежащий на боку, слабо рыча, следил за ним, хорошо представляя, что последует дальше. Силы уже покидали его, быстро бьющееся сердце ритмично выталкивало на снег очередные порции крови. Здоровый волк наконец оторвался от снега, облизнулся, повел в воздухе кровавой мордой и, улучив момент, с рычанием впился в горло своему несчастному сотоварищу. Тот забился, засучил лапами и вдруг затих, напоследок хлестнув хвостом по низким еловым веткам. Спohватившись, Дивьян вогнал стрелу и во второго. Зверь, только что мнивший себя победителем, скуля, покатился по снегу... Тут подоспела вся стая, на радостях потерявшая всякую осторожность. Дивьян, впрочем, не очень интересовался ими – давно уже со всех ног мчался прочь, слыша, как истово бьется сердце. Иногда останавливался, прислушиваясь – не гонится ли стая? Нет, покуда не гнались. Ну, это дело быстрое – следовало как можно скорее отыскать новое убежище – места вокруг тянулись знакомые. Справа – высокий холм с лысой вершиной, слева болото, а за ним... ага – озеро Койвуй, вот он куда забрел-то, оказывается! Если это – озеро Койвуй, то дальше, за ним, еще несколько небольших озерц, имеющих все вместе одно название – Светленькие, за ними еще одно озеро – Глубокое, а там и болото Чистый Мох, ужас до чего там много бывает морошки да клюквы, жаль, зима сейчас. Вот там-то, между озерами и болотом, – заброшенная заимка. Ей мало кто пользуется – Куневичи не так далеко, да и от усадьбы Конди близко. Там и можно переждать, укрыться на время.

Уклоняясь от ветки, Дивьян неожиданно вдруг подумал: а что потом? Ну, укроется он в заимке, ну, пересидит волков, а дальше? Ведь никого у него теперь нет – один из всего рода остался! Один... Отрок смахнул со щек слезы. Не дело мужчины – плакать.

Мстить нужно, мстить! Знать бы только – кому? Да и вообще... Мечь – это понятно. А потом как жить? В усадьбе убитого Конди? Этого только не хватало – чтоб призраки являлись по ночам, всякий раз норовя утащить в свое царство? Дивьян передернул плечами. Нет. Лучше уж податься в Куневичи к дальним родичам, примут, чай, не чужие. Рассказать о случившемся – может, и посоветуют что. Отрок улыбнулся – похоже, он наконец-то начал хоть что-то сообщать. Да, родичи – это то, что надо. Вряд ли он уже догонит убийц – время-то потеряно, да и снег – ишь как повалил, как бы с пути не сбиться!

Низкие серые тучи плотно накрывали дальние деревья, да и ближние тоже уже было плоховато видать, а позади снова завывли волки. Видно, не очень-то насытились подстреленными собратьями. Дивьян прибавил шагу, стараясь не свернуть в сторону, как и бывает частенько в лесу, когда нет ясно видимого направления. И озера-то уже не видно – один снег, так и сыплет, змей, так и сыплет. Хорошо еще ветра нет – не пурга, хотя, с другой стороны, ветер-то мог бы и тучи развеять, а так... Отрок махнул рукой – вокруг одно серое нудное марево, и снег, белый, тягучий, заволакивающий... Чу! Вроде кричал кто-то?

Дивьян насторожился, прислушался... Нет, крик больше не повторился. Тонкий был крик, детский или девичий. Впрочем, может, и заячий, он похоже кричит. Да, скорее всего, заяц. Ну кто будет тут в этакий снег шастать? Разве что убийцы... Нет, уж те давно отсель ушли, не стоит и ловить. Ловить? Кто бы кого поймал, интересно?

Задумавшись, Дивьян едва не прошел заимку. Маленькая, неприметная, вросшая в землю избенка, скорее даже полуземлянка, только с наложенным полусгнившим полом. И очагом – да, да, был и очаг, вполне сохранился, осыпался только. Дело за малым – натаскать дров да запромыслить какую-нибудь дичь – на то и стрелы. Волкам, главное, в лапы не попасться. Отрок осторожно выглянул наружу – леший их знает, где эти волки? Вроде поблизости не видать, да ведь могут и затаиться, потом набросятся разом – мяу сказать не успеешь. Ну, да делать нечего – с голоду помирать да с холоду – последнее дело. Наломав с ближайшей сушины веток, Дивьян быстро сложил их в очаге, отвязал от пояса мешочек с кресалом и сухим трутом, зимой – первейшая вещь, без которой ни один охотник из дому не выйдет. Миг – и затепли-

лось в очаге веселое пламя. Отрок улыбнулся, в первый раз за прошедшее время. А сколько его прошло, времени-то? И суток нет с того момента, как... Ну, что делать, слезами горю не поможешь. Надо выжить, надо найти родичей, хотя бы для того, чтоб отомстить неизвестным нелюдям, колбеги они там или кто другой.

Вздыхнув, Дивьян бросил взгляд на разгоравшееся пламя и, прихватив лук, вышел, плотно захлопнув за собой поросшую сизым мхом дверь.

На улице чуть развиднелось – и снег уже валил меньше, и небо посветлело, казалось даже, сквозь плотные тучи проглянула вдруг веселая просинь, вот и хорошо, теперь уж волков изда-лека обнаружить можно. А может, бросить все да идти в Куневичи? К полуночи бы добрался... может быть, если бы не волки. Да и темень... темнеет-то рано, зима все-таки. Нет, не дойти сегодня, да и не нужно – очаг уже разожжен, теперь дело за пищей. А вот как раз и она!

Прямо под ногами юного охотника вспорхнул из сугроба рябчик. Толстый такой, пестренький, красивый. Дивьян, знамо дело, не стал теряться – всадил стрелу влет, любо-дорого посмотреть. Прежде чем поднять добычу, по привычке осмотрелся – ага! Мелькнули за дальними кустами стремительные серые тени. Вот они, голубчики, никуда не делись. Что ж, надобно поспешить... Выпотрошить птицу можно будет и в заимке. Быстро схватив рябчика, отрок со всех ног бросился к хижине, чувствуя, как, завывая, мчатся за ним волки... Ну, мчитесь, мчитесь, серые дурни...

Захлопнув дверь перед оскаленной волчьей пастью, Дивьян обернулся поискать в хворосте толстую, подходящую для засова ветку. Оглянулся и... И вдруг почувствовал у своей шеи острие кинжала.

– Брось лук на пол, – злым свистящим шепотом приказал владелец кинжала. – Брось, говорю. Иначе я перережу тебе горло!

Выполнив требуемое, Дивьян почувствовал вдруг тот же самый запах, что стоял в воздухе обесчещенной кровавым убийством усадьбы. Так пахла недавно свернувшаяся кровь – то был страшный запах смерти.

Глава 2

Кровавый след

*Раз повстречался я с девицей:
Зарница на щеках,
Огонь небесный под ресницей,
Рубины на устах.*

Дмитрий Давыдов. «Амулет»

Февраль-март 865 г. Восточное Приладожье

Наутро, едва рассвело, Хельги-ярл велел сложить костер. Большой, чтобы поместились все погибшие и их вещи. Младшие дружинники и обозные расчистили от снега место: два круга, один – для костра, другой – для погребения. Согласно обычаям веси, именно так следовало поступать с умершими, а ярл, как и все варяги, не любил нарушать чужие обычаи и дразнить без нужды местных богов. Он специально не погнал дружину дальше, на Куневичские погосты, бросить мертвецов без погребения – поистине, на такое были способны только нидинги! Конечно же, убитых следовало похоронить, чтобы души их не бродили неприкаянно по здешним лесам, не завывали бы, не хватали людей и не мешали живым жить.

Хворост и дрова натаскали быстро – сусин хватало поблизости. В центре будущего костра положили хозяина – старика Конди, рядом с ним малолетних детей – их головы сняли с шестов – и чуть подалеже женщин, накрытых грубым, выбеленным на солнце холстом, который нашелся в одном из сундуков усадьбы. У левой руки старика разместили оружие – лук, топоры и широкий охотничий нож – все, что нашлось в доме; по правую руку – соху-двузубку и лошадиную упряжь, украшенную бронзовыми бляшками. Каждой из женщин надели на шею бусы – аккуратно собрали рассыпанные по полу шарики, старались, чтоб хватило на всех. Хоть и не богаты получились бусы – монисто и жемчуг если и были, так их, верно, забрали убийцы – да все ж ладно. Пошарив в сундуках, нашли веретена, пряслица, несколько подвесок-уточек – и это пошло в дело. Не забыли и о животных – собаки-то, чай, пригодятся хозяину в загробном мире – положили в ногах. Ну, вот, кажется, и все...

Хельги внимательно оглядел внутреннее убранство избы. Посуда... Кивнул дружинникам, и те унесли к костру деревянные миски. Прялки – резные, с куделью – положили на хвост и их, пусть добрые девы и на том свете предаются своим занятиям.

– Кто знает их молитвы? – Ярл обернулся к дружине, видя в глазах воинов полное одобрение его действий. Молодец, князь, хоть и варяг! Не бросил мертвецов, торопясь, все сотворил по-людски, как надо.

– Я немножко знаю, – выступил вперед Трофим Онуча, забубнил что-то под нос, что-то про солнце красное, про месяц серебряный, про журавля-птицу... Потом про ветер начал:

Со восточной со сторонушки
Подымалися да ветры буйные.
Со громами да со гремучими,
С моленьями да со палючими,
Пала, пала с небеси звезда!
Пала, пала с небеси звезда!

Закончив со звездами, Трофим снова забубнил что-то непонятное.

Побубнил-побубнил, оглянулся на князя:

– Зажигайте!

Ярл махнул воинам.

Девять факелов разом наклонились к кострищу. Ярko вспыхнули смолистые ветки, и вознеслось к небесам оранжевое жаркое пламя.

– Пала, пала с небеси звезда!

Ярко горел костер, парил вокруг согребенный в кучи снег, и вооруженные воины в кольчугах и шлемах стояли с бесстрастными лицами, лишь кто-то из обозных невзначай всхлипнул, жалко стало. Ладно старики – тем так и так помирать скоро, но вот девки – молодые, красивые, стройные – да детушки малые. За что ж им-то такая участь?

– Пала, пала с небеси звезда.

Трещали в костре дрова, поднимался над усадьбой густой черный дым, налетевший ветер гнал его к югу, к озеру и дальше, к реке...

Когда костер погас, сожженные останки хозяев осторожно перенесли в сторону, на освобожденную от снега поляну. Сложили рядом да насыпали сверху невысокий холм из мерзлой земли – найдутся родичи, так нарастят могилку, а нет, так зарастет курган густой травой-муравой, чертополохом, иван-чаем да папоротником, не видно будет, что и могила... ну, да то не ярла теперь забота и не людей его верных.

– Пала, пала с небеси звезда...

Помянули погребенных житом да квасом, что нашелся в амбаре, помолились богам – каждый своим – да в путь. Вновь съехали на Пашу-реку, снег шел, падал мягко, застилая колею, будто леший ступал лапами. Жердяй все оборачивался – тягостно было на душе, погано... Да и не у него одного.

Хрустел под копытами снег, поскрипывали полозья, едущие впереди воины внимательно осматривали путь – белую ленту реки обступал, словно сдавливал, лес, подходя иногда настолько близко, что казалось: вот-вот и исчезнет река, скроется из виду дорога, поглощенная корявыми тяжелыми ветками.

После полудня заметили прорубь. Две женщины в овчинных полушубках и глухо повязанных платках полоскали белье. Лиц их не было видно, красные от холодной воды руки напинали гусиные лапы. Услышав лошадиное ржание, обе тревожно подняли головы – старуха и молодлица – заглядывались на берег – не кликнуть ли мужиков? Молодлица прищурила глаза, всмотрелась... Выплеснувшийся из-за облака луч солнца вспыхнул на шлемах воинов, заиграл на наконечниках копий, на круглых умбонах щитов... Женщины облегченно вздохнули. Свои! Кому ж тут еще оружнему взяться, как не ладожскому наместнику, князю Хельгу-Олегу?

Бросив белье, обе поклонились:

– Здрав будь, князь-батюшка!

Поклонился и ярл – знал, не рабыни то, свободные жены:

– И вас пусть берегут боги. Келагаст-людин здоров ли?

– Здрав, хвала берегиням. На охоту ушел, вас-то к обеду еще ждали.

– Задержались, – коротко ответил ярл, поворачивая коня к пологому берегу.

Келагастова усадьба была погостом – местом, куда свозилась дань с ближайших хуторов, к моменту появления Хельги с дружиной все было уже приготовлено, ждало в амбарах, только вот ярл решил тогда все на обратном пути забрать, чтоб не тащить лишний груз в пашозер-скую сторону, теперь вот – забирал. Усадьба Келагаста – просторная, в полдесятка изб и амбаров – располагалась на пологом холме среди высоких, рвущихся к небу сосен. За частоколом – частью старым, а частью уже и новым, из смолистых бревен – побрехивали собаки, в распахнутые ворота, навстречу показавшемуся из-за ольховых зарослей обозу, с радостным гомоном бежали дети, смешно переваливаясь в сугробах. Еще бы им не радоваться! Люди, кони, оружие

– этакое-то развлечение! Взрослые стояли молча, сурово. Смотрели выжидательно, тербя в руках снятые шапки, – княжий наместник за данью впервые – как-то все будет?

Въехав за частокол, дружина спешила. Серебром блеснули на солнце кольчуги, загорелись щиты – алым и густо-синим, заиграли золотым шитьем плащи. Кони – ах, какие кони, какие красавцы, вороные, каурые, белые, словно первый выпавший снег, – нетерпеливо перебирали ногами. Позвякивала сбруя, украшенная у кого тщательно начищенной, пылавшей в солнечных лучах медью, а у кого и серебром-золотом, разноцветные чепраки соперничали по красоте с плащами всадников. Разглядев дружину, тут уж и не только ребята удивленно пооткрывала рты. Не показывая вида, Хельги-ярл был очень доволен произведенным впечатлением. Он давно уже – с тех пор как били в голове барабаны и чужая душа сливалась в одно целое с его разумом – научился перенимать многое у других, независимо от звания, и не стеснялся этого делать. Вот и на этот раз, отправляясь в полюдь за данью, приказал дружинникам надеть самое лучшее. И взять лучших коней – двое саней везли для них овес и сено. Хорошо запомнил ярл беседу с киевским отроком Порубором о том, что по одежке встречают, да и не только встречают... Хорошая одежда и вести себя заставляет соответствующим образом, и уважение вызывает. Посмотрев на все это великолепие, на коней, на серебристые кольчуги, на дорогие плащи, любой уважительно кивнет – не шпыни какие-нибудь явились заданью, не голь-шмоль перекатная, кои сегодня есть, а завтра нет, а княжи солидные люди, которые, по всему видать, не одной этой данью живут-пробавляются – потому и лишнего не возьмут, и зря заедаться не станут. Однако свое заберут, и перечить им не след – вон оружие-то да кольчуги на что?

Спешившись, Хельги-ярл неторопливо подошел к крыльцу самой большой избы и, сняв с головы остроконечный, ярко блеснувший шлем, поклонился седобородым дедам, вышедшим ему навстречу. Выказывал уважение хозяевам, а как же иначе? Вежливость только рабы считают признаком слабости, а здесь были свободные люди. Не захотят платить – уйдут в леса, ищи их там потом, выковыривай! И так-то платили время от времени... потому, наверное, хитрый Рюрик так легко и расстался с этой лесной землей, передав право сбора дани молодому ярлу.

Поднимаясь по широким ступенькам крыльца, ярл обернулся к Снорри. Тот кивнул, приложив руку к сердцу, мол, не беспокойся, расхолаживаться особо не будем. Часть воинов зашла вслед за ярлом в избу, а часть осталась у лошадей, пара даже выехала за ворота – на стражу, мало ли что может случиться, места-то глухие. Снорри тоже не уходил со двора, его синий плащ мелькал то у ворот, то за амбарами, то у колодца с высоким шестом-журавлем. Двое дружинников встали у коновязи, оперев в снег острые концы щитов. Собравшиеся вокруг мальчишки смотрели на них круглыми от восторга глазами, и нельзя сказать, чтоб молодым воям не льстило такое внимание.

– Посматривайте, – проходя мимо, шепотом бросил им Снорри. – Скоро вернется их бонд, Келагаст, с охотниками. Встретьте уважительно, чинно, но чтоб видели – ежели что...

Келагаст с охотниками вернулся быстро. Видно, оставшиеся в усадьбе все ж таки послали за ним, а как же? Такое дело. Крепкий широкобородый мужик, не молодой, но и не старый, руки – почти до земли, кулаки – молоты, недобро прищуренные недоверчивые глаза – староста погоста производил впечатление человека, уверенного в своих силах и – что тоже немаловажно – в силах своих людей, коих у него насчитывалось... раза в три-четыре больше, чем в дружине Хельги. И все – охотники, крепкие мужчины, привыкшие управляться рогатиной и меткой стрелой не хуже профессиональных северных воинов-хускарлов. На языке славян Келагаст, хоть и был по роду всеянином, говорил неплохо, как и почти все здесь, не то что, скажем, на дальних пашозерских погостах. Нередко заглядывали сюда и купцы, да и по соседству селились славяне, забираясь в глубь всеянских лесов все дальше и дальше. Жили большей частью мирно, хотя, конечно, случалось всякое, все ж люди, бывает, и поссорятся, перейдут один другому дорожку... Но такого, чтобы вырезать весь род, причем самым зверским образом...

– Нет, – покачал головой Келагаст, оставшийся по настоянию Хельги, для тайной беседы. – Не будут венеси... – так он называл людей славянского племени, – ...в бесчестии кровь проливать. Тут кругом они не одни, а наши стрелы метки. – Старейшина с усмешкой посмотрел на молодого ярла.

– Стрелы моих людей тоже не летят мимо цели, – заметил тот. – Но не в этом дело. Вы согласны с размером дани?

– Нет! – Глаза Келагаста вспыхнули яростью. Хельги положил руку на меч.

– Но вы платили так всегда, издавна, – холодно напомнил он.

– Издавна? – резко встав из-за стола, всеянин захрипел, наливаясь кровью. – Издавна? Нет, князь. Были времена, когда не было вашего волчьего племени... Ничего, они еще наступут...

Он неожиданно проворно обхватил мощными руками шею ярла. Старейшина не упустил случая показать свою силу. Впрочем, Хельги был готов ко всему, как и любой викинг. Ладонями он треснул старосту по ушам, хрящеватым, большим, заросшим седым диким волосом. Оглушенный, Келагаст на миг ослабил хватку... Этого ярлу вполне хватило, чтобы приставить острие меча к его сердцу.

– Ну, чего ж ты ждешь? – ненавидяще прохрипел всеянин. – Убей.

– Нет, – Хельги вдруг улыбнулся. – Предлагаю продолжить беседу. Согласен?

– Продолжить? – Келагаст задумчиво сдвинул брови. – Ты этого хочешь?

– Конечно, ради того и приехал. – Хельги положил меч на стол перед собою. – Поверь, мне нет никакого проку от мертвеца. Итак, мы говорили о дани, – напомнил он. – Объясни, с чем ты не согласен?

– Проворен ты управляться с мечом... – поглаживая шею, пробурчал староста. – Говоришь про дань? Ну, так слушай. – Келагаст как ни в чем не бывало уселся на лавку, жестом прогнав заглянувшего было в дверь людина. – Прошное лето дождливое выдалось, плохо уродилось жито, а вынь два десятка мешков да положи! Зверья в лесу тоже мало – неудачна охота, ты сам видел – снег, да и морозно было... Мед? Ну, меду, пожалуй, хватит.

– А рыба? – усмехнулся ярл. – Что, и рыбы в реке да озерах мало?

– Рыбы? – Келагаст задумался. – Хватает рыбы... Так ведь не возьмешь ты рыбу вместо жита...

– Кто знает? – Хельги смотрел прямо в глаза старосте. – Думаешь, мне выгодно разорить тебя, чтобы в следующий раз было не с кого брать? Заменяй жито на рыбу, коль выпал неурожайный год... Только не сам по себе заменяй – а по совету со мной. Мне выгодно, чтоб ты был зажиточен и люди твои ни в чем не нуждались.

– Ну да, – прищурившись, согласился всеянин. – Конечно, тебе выгодно. Больше возьми! Что ж... Твоя сила... Для меня вот только в этом никакой выгоды нет.

– А вот в этом ты ошибаешься, уважаемый Келагаст! – резко выпалил Хельги. – Скажи мне, помнишь, как объявились в здешних местах кюльфинги... колбеги, как вы их зовете?

Староста кивнул, нахмурился. Еще бы не помнить! Девять охотников тогда полегло, молодых, самых лучших.

– Потом кюльфинги ушли, ушли с богатой добычей... И вы их не достали... А я бы достал! Только б сказали...

– Гладко ты говоришь...

– Так ведь то мне выгодно! И вам – тоже. Или я не прав? И вот еще что... – Ярл покраснел, непростая беседа явно доставляла ему удовольствие... хотя, конечно, обычный ярл не вел бы никаких бесед и никого не убеждал бы иначе как лезвием меча. Но Хельги и не был обычным! И он чувствовал, как торжественно бьют в голове холодные гремящие барабаны...

– Неужели у тебя не было никаких столкновений с соседями? – напористо продолжал Хельги. – Из-за той же земли, озера, охотничьих угодий – ведь население погоста растет, и всего требуется все больше и больше! Неужели не было? Не поверю!

– Ну, были, как не быть, – нехотя признал Келагаст. – Старый Конди все к озерам нашим подбирается, что у болотины Чистый Мох. Своими их считает, леший!

Хельги вздрогнул, услышав об убитом старике из уст старосты погоста. А может быть... Нет, вряд ли... Не станут они на своей земле воротить такое. Да если что и натворили б – сожгли бы усадьбу, чтобы не оставлять следов, обязательно сожгли бы... Ярл покачал головой, отгоняя непрощенные мысли. Продолжал, покосившись через затянутое бычьим пузырем оконце во двор:

– Ты считаешь те озера своими и можешь представить доказательства, так?

– Так об этом все знают!

– То же самое скажет и старый Конди, нет?

– Да уж, скажет, лешина, как не сказать!

– Так кто же вас рассудит? Соседи? Которые, может, дружбу водят больше с тобой, чем с Конди, или наоборот... Нет, не рассудят.

– Тогда кто же, уж не...

– Именно я, Келагаст! И уж будь уверен, не потерплю несправедливости. Оба вы – и ты, и старик Конди – для меня одинаковы. Судить буду по чести... и по закону, который не только соседи, все люди знают, от Ладоги и аж до самого Киева... – Хельги торжествующе посмотрел на весянина.

Тот задумчиво жевал ус. Ярл знал – вряд ли хитрый староста согласится с ним сейчас, но знал и другое – семена сомнения уже закрались в его заскорузлую душу.

– К тому ж кое-кто из твоих воинов может войти в мою дружину, – как бы между прочим заметил варяг.

Келагаст покачал головой:

– Если захотят. Потом как-нибудь... Так что с данью?

Хельги уступил ему с житом. Не жадился, понимая – не первый раз наезжает он к веси, не нужно перегибать палку... С другой стороны, излишняя мягкость тут тоже не нужна.

Обозные, весело переговариваясь с местными девками, обступившими их любопытной толпой, грузили на сани липовые бочонки с медом и соленой рыбой. Тощий Жердяй, сбросив на снег полушубок, распарился, таская бочонки, еле поспевая за Трофимом Онучей и прочими. Быстро темнело, и погрузку заканчивали уже при свете факелов – Хельги хотел выехать в путь спозаранку – нужно было наверстывать время. Истопили баню – ярлу было предложено первым, он отказался – не до бани было, следовало еще кой о чем переговорить с Келагастом, а тот, похоже, вовсе не собирался сейчас мыться – баню истопили для гостей.

– Пусть моются только обозные, – незаметно шепнул Хельги верному Снорри. Тот усмехнулся – он без того не собирался позволять расслабляться дружине. Еще предстояло пережить ночь...

Для ночлега староста предоставил крайний дом, с круглой, пылающей жарким пламенем печью в углу и стелющимся в узкое волоковое оконце дымом. Хельги кивнул, соглашаясь, и велел располагаться на ночлег. Деловито и спокойно дружинники по жребию выбрали часовых, улеглись на широкие лавки и лапник, не снимая кольчуг, не расставаясь с мечами и копьями.

– Что так? – поднял брови заглянувший в избу Келагаст. – Аль боитесь чего?

– Они воины, – объяснил Снорри. – И в походе привыкли спать только так.

Ничего более не сказав, староста вышел, едва не столкнувшись с ярлом.

– Что ж не в баньке? – приторно – или, может, это только показалось Хельги? – поинтересовался весянин.

– Я воин. Банька будет в Ладоге. Когда придем...

Попрощавшись, он вошел в избу, хотя так и подмывало спросить сейчас Келагаста об усадьбе старика Конди. Знает ли староста, что там произошло? Любопытно было бы услышать ответ... Только не сейчас, позже. Сейчас было еще не время...

– Как там наши? – усевшись на лавку рядом со Снорри, поинтересовался ярл. Потрескивая, горел в железном поставце светец-лучина, шипя, падали в подставленную кадку красные искры, и тусклое желтое пламя отбрасывало на стены черные дрожащие тени. Одна походила на скачущего коня, другая – на меч, третья... третья вообще ни на что не походила... быть может, немного на стрелу... Самолет – возникло вдруг в мозгу непонятное чужое слово, возникло и растаяло, словно дым очага в низком ночном небе.

– Наши скоро должны вернуться, – улыбнувшись, шепотом ответил Снорри. – Трофим Онуча уже беседует с людьми бонда в бане, а Жердяй... Жердяй должен познакомиться с девами.

– Подождем, – Хельги кивнул, прислушиваясь к ровному дыханию спящих воинов, в любой момент готовых к кровавой сече.

Ждать пришлось недолго. Первым явился Трофим Онуча. Тщательно обмел веником снег с постолов, довольно почмокал губами и, стараясь не разбудить спящих, направился к ярлу.

– Не были они у Конди, – покачал головой он. – Мужики говорят, давно уж в те края не заходили. Совсем в другую сторону на охоту ходили, к Куневичским погостам ближе.

Ничего не ответил ярл, лишь, отпустив Трофима, переглянулся со Снорри. Тот хотел было что-то сказать, да Хельги не дал, перебил:

– Теперь подождем Жердяя.

А Жердяй, оказывается, нашел себе зазнобу! Черноглазую краснощекую деву, чуть полноватую, но вполне приятственную вдовицу.

– Попарься подольше, – заглянув в баню, намекнула она. – Потом жди.

Вот Жердяй и ждал, напарившись да покатавшись в снегу вместе с прочим обозным людом. А в крайней избе его возвращения терпеливо ждали ярл и Снорри.

Вдовица пришла с двумя кадками и метелкой – убраться в баньке. Убралась... Да так, что Жердяй ушел оттуда едва живой... Но в полном – в полнейшем! – восторге. И долго еще вспоминал потом ее жаркие ласки...

Вошел в избу, блаженно улыбаясь.

– Ну? – накинулся на него Снорри.

Парень махнул рукой. В перерывах между ласками вдовица поведала про мужиков то же самое: не ходили они к Конди – далекий путь, ходили близехонько, на охоту, затемно вернулись.

– Это хорошо, что затемно, – прошептал ярл, подстилая под себя плащ.

Утро выдалось солнечное, веселое. Солнце еще не взошло, но вершины обступающих усадьбу сосен уже окрасились ярким прозрачно-золотистым светом. Морозило, но было ясно, что день будет теплым.

– Ну, в добрый путь, – провожая, сказал Келагаст. – Ждать через год?

Хельги лишь усмехнулся. А как же?

– У тебя нет больше соперника на озерах, – задержавшись и провожая взглядом спускавшийся под гору обоз, неожиданно произнес он.

– На каких озерах? – озадаченно переспросил весянин.

– Тех, что близ болота Чистый Мох, – пояснил ярл. – Старик Конди и все его люди убиты, убиты страшно.

– Что?! – Келагаст удивленно открыл рот. – Кто?

– Мы застали их уже мертвыми. Погребли, как сумели... Курган надо бы повыше насыпать, иначе доберется зверье.

– Засыплем... – задумчиво пообещал весянин. – Значит, снова объявились колбеги. Если... если... – Он вдруг пристально взглянул на ярла, настолько пристально, что тот, не выдержав, рассмеялся. Покачал головой:

– Нет, это не мы их. Невыгодно. Кстати, я тоже поначалу подумал про тебя.

– Значит, колбеги, – снова протянул Келагаст. – Что ж... Повоюем.

– Если отыщешь их, пришли своего человека, – садясь в седло, попросил Хельги. Легкий ветерок трепал его волосы цвета спелой пшеницы, а в глазах отражались утренняя лазурь неба и сосны. Тянувшиеся ввысь сосны...

– Пришлю, – пообещал весянин. – Отыскались бы только...

Он стоял на холме, у распахнутых настезь ворот, провожая взглядом уносящегося вниз, к реке, ярла, а там, внизу, вслед отъезжавшему обозу весело светило выкатившееся из-за дальнего леса солнце.

Медленно вытянув руки, Дивьян разжал пальцы – с глухим стуком лук упал на обшитый полусгнившими досками пол.

– Теперь – нож! – потребовал тот же голос. Отрок повиновался, чувствуя, как чуть ослабло давившее на шею холодное злое железо.

– Руки за спину.

Что ж, пришлось исполнить и это. Дивьян не очень-то испугался – что с него взять грабителю? Правда, может, это был кто-то из тех, кто...

Он и не заметил, как исчез противный холодок около шеи. Убрав нож, ему проворно стянули за спиной руки.

– Можешь сесть, – разрешили.

Отрок повернулся и медленно опустился на лавку, украдкой рассматривая незнакомца. Тот оказался довольно высок ростом – на полголовы выше Дивьяна – в толстых меховых штанах и овчинном полушубке, подпоясанном наборным поясом из бронзовых бляшек, в надвинутой на самые глаза шапке, обшитой пушистым беличьим мехом. На лавке лежал небрежно брошенный плащ из синей заморской ткани с красным подбоем. А гость-то – не нищий! Так что же ему тогда надо?

Посмотрев на Дивьяна и хмыкнув, незнакомец деловито засунул в ножны длинный узкий кинжал. В прыгающем свете горящих в очаге веток тускло блеснула золотом рукоять с навершьем, украшенным гладким голубым камнем. Отрок усмехнулся, молча ожидая вопросов. Вряд ли его будут сейчас убивать, коли не сделали это сразу. пытки? А что он такого тайного может знать? Дорогу к разоренной усадьбе? Дивьян вздохнул, вспомнив убитых родичей. Внезапно ему стало страшно – ведь он даже не погреб их, а надо было! Вернуться! Вернуться немедленно, вернее, как только будет возможно, совершить упокойный обряд, а дальше уж видно будет, дальше – как дадут боги. Снаружи завыли волки. Заскреблись лапами в стены – ну, скребите, скребите, уж тут-то вряд ли чего выскребете, чай, не на дереве!

А вот незнакомец вздрогнул от волчьего воя, повел зябко плечами, поежился... Или это только показалось Дивьяну?

Затем он услышал вопрос на незнакомом лающем языке. Отрок отрицательно покачал головой – не понимаю. Незнакомец снова повторил вопрос, с явной угрозой вытащив из ножен кинжал. Тот же результат. Подумал немного, потом спросил по-славянски:

– Далеко ли ваши?

Уж конечно же его не интересовал сам Дивьян, куда больше был интересен род. Ну а род у парня был уже в пределах недостижимых.

– Далеко, – подобрал нужное слово, ответил наконец отрок. – В той стороне, откуда обычно не возвращаются.

– Загадками говоришь, – поиграв кинжалом, нахмурился незнакомец. Голос у него был какой-то странный, слишком уж тонкий, такой больше подошел бы девке. Он хотел еще что-то спросить, но передумал. Ходил нервно около очага, поглядывая на горящее пламя. Видно, прикидывал: хворост уж догорал, у стены осталось охапки две – хватит ли на ночь? Он нагнулся за ветками, так неловко и быстро, что слетела с головы шапка... Длинные золотистые волосы рассыпались по плечам. Незнакомец резко обернулся... Миловидное лицо, чуть припухлые губы, глаза, большие, блестящие, синие, как весеннее небо. Девка!

– Что смотришь? – Подобрал шапку, девица усмехнулась. – Иль не боишься боле?

– Чего мне тебя бояться? – хмуро отозвался Дивьян и не удержался, спросил, кусая губы: – Не твои ли разграбили нашу усадьбу?

– Какую усадьбу? – Девчонка округлила глаза. – Не грабила я никакой усадьбы. Да и не с кем... – Она вдруг тяжело вздохнула и словно пожаловалась: – Одна я.

Отрок недоверчиво шмыгнул носом. Ага, одна... В глухом лесу, где только лешие бродят да такие неприкаянные охотники, как он сам. Рассказывай сказки!

– Не веришь, – грустно кивнула дева. – Ну и не верь, больно надо. Ты ведь не варяг, местный? Не знаешь ли здесь поблизости старика Конди?

– А что тебе до него? – Дивьян зло ощерился. Девчонка словно не замечала его злобного взгляда.

– Старик Конди – дальний родич ладожского Вячки-весеянина, – пояснила она. – А он, Вячко, с моим дядькой Онфимом побратимы. Знаешь в Ладоге кузнеца Онфима Лося? Нет? Да ты что? Онфима всякий знает!

Дивьян молчал. Слышал он от Конди про Вячко, родича дальнего, да так, особо не прислушиваясь. Да не врет ли девка? Вдруг не из Ладоги она, а пришла с колбегами, теперь вот сидит, зубы заговаривает?

Жарко вспыхнул в очаге хворост. Девчонка, расстегнув пояс, сбросила на лавку полушубок, оставшись в заправленной в меховые штаны коричневой рубахе из толстой шерсти. На шее блеснуло ожерелье из бронзовых ромбиков... А ведь, похоже, не врет. Такие ромбики славяне-венеси любят... примерно так же, как весеяне – уточек.

– Жара, – снимая меховые штаны, неожиданно улыбнулась девушка. – Вчерась упарилась в них по лесу шастать. С Куневичского погоста иду, тамошние сказали, увидишь за болотом избушку, там и озерца, а за озерцами – недалеко и до Шугозерья. Там ведь усадьба Конди?

Дивьян молчал, уставившись взглядом в огонь. Девчонка оказалась ладная – красивая, проворная, стройная и – видно, что сильная. Отрок невольно залюбовался ею. Под меховыми штанами девицы оказались вторые, из тонкого зеленоватого полотна. Из того же материала была и длинная мужская рубаха, украшенная по подолу и рукавам вышивкой в виде солнца и тех же ромбиков. Тонкие запястья украшали серебряные браслеты. Девчонка осторожно прошлась босыми ногами по полу, уселась на лавку рядом с Дивьяном, взглянула глазищами синими:

– Ну, что? Давай зайца жарить?

– Развяжи сначала, – хмуро буркнул отрок и тут же спросил: – А тебе зачем Конди?

– Да так... – Девушка вдруг вздохнула, да так тяжело, что, казалось, гнетет ее какая-то мука. – В род его попроситься хочу. Вячко-весеянин сказал – примет Конди.

– В род? В наш... – Дивьян прикусил от удивления язык. В самом деле? И если б не случившееся несчастье, то появилась бы в его роду этакая краса? Но... зачем ей это?

– Не хочу в Ладоге, – словно услышав его мысли, отозвалась девчонка. – Горько мне там... А ты... ты не спрашивай меня больше про Ладогу, хорошо?

Дивьян кивнул и неожиданно рассмеялся:

– Так развяжешь?

– Развяжу, – кивнула девица. – Только... поклянись начала, что ничего худого супротив меня не замыслишь!

– Клянусь. Клянусь озерными духами, девицами речными, хозяином леса, солнцем и звездами, не замыслю супротив тебя худого, не сделаю.

Дивьян с удовольствием потер затекшие запястья. Поднял глаза:

– Давай зайца свежевать. Умеешь?

– Спрашиваешь. – Девчонка насмешливо фыркнула. – Как тебя кличут-то, чудо?

– Дивьяном.

– А я – Ладислава из Ладоги. А ты зачем шкуру так снимаешь?

– Не учи... – Отрок обиженно засопел, и Ладислава махнула рукой – делай как знаешь.

Освежевав зайца, Дивьян насадил тушку на оструганную девушкой палку, поворошил веткой угли... Задымились валявшиеся на полу толстые рукавицы.

– Дянки-то подбери, дева! Сгорят.

– Дянки? – Ладислава засмеялась. – Не дянки, а рукавицы, чудище ты лесное. А я-то думала, ты по-нашему хорошо умеешь.

– А я что – плохо? – обиделся отрок. – Так ты учи, у старого Конди по-вашему не очень-то много людей баяло.

– У старого Конди? – Девушка радостно хлопнула в ладоши. – Так ты его знаешь? Я почему-то так и подумала... Меня проведешь? Покажешь дорогу? А ты сам, случайно, не из его рода? А сколько там всего людей? А...

Дивьян зажал уши руками.

– Помолчи, дева, – застонал он. – Да, да, да! Я – из рода Конди. Это ты хотела вызнать? Так знай! Только вот... родичей у меня теперь нет...

По румяным от пламени щекам отрока потекли слезы.

– Почему – нет? – удивленно переспросила Ладислава. – А где же они? И почему ты плачешь?

– Нет – потому что убили их третьего дня, – пряча лицо в ладони, глухо отозвался Дивьян. – Всех. Даже сестер. Даже... даже малых не пожалели, головы им...

Отрок зарыдал.

– Ну... ну... не плачь, что ты... – Ладислава обняла его, утешая, и от этой неожиданной ласки ее Дивьяну стало еще горше.

– А я, волчья сыть... – рыдая, шептал он. – Оставил всех без погребения... Все хотел... Хотел вражин настичь. И настиг бы, кабы не волки...

Ладислава гладила отрока по волосам, утерла подолом рубахи слезы.

– Велико твое горе, – тихо сказала она. – И плохо – что без погребения... А мне, выходит, в обрат, в Куневичи, возвращаться... Хотя спешить не стоит. Нужно парню помочь... Эй, Дивьян-отрок, хватит слезы лить, действовать нужно.

– Действовать? – Дивьян оторвал от ладоней заплаканное лицо. – А как? Ведь убивцев уже не догонишь.

– Убивцев-то не догонишь, – согласно кивнула девушка. – Но твоих родичей похоронить надо!

Дивьян кивнул, глотая слюну. Он и сам знал, что – надо. Ладно – смерть, она так и так придет, не раньше, так позже, но оставить погибших без погребения? Да как он мог так поступить? Видно, слишком уж еще глуп и горяч. Погнался неизвестно за кем, бросив все... Стыдно.

От жарящегося на углях зайца шел такой вкусный запах, что отрок вдруг вспомнил, что не ел уже больше суток. Отломив ветку, он осторожно потыкал мясо:

– Готово уже! Эх, жалко, соли нет.

– Это у тебя нет. – Усмехнувшись, Ладислава развязала заплечный мешок, лежавший под плащом на лавке. В мешке нашлись и соль, и ячменные лепешки, пусть зачерствевшие, твердые, но Дивьяну казалось – в жизни ничего вкусней не едал.

– Далеко до усадьбы? – вытерев губы, поинтересовалась девчонка.

Отрок оторвался от зайца:

– За полдня дойдем до Шугозера. А там – рядом.

– А волки?

Оба прислушались. Выли где-то серые бестии, только вот – уже не рядом. И вроде бы удалялись.

– Лесом кружат, – тихо промолвил Дивьян. – С утра выйдем.

– А уйдут до утра-то? – Ладислава опасливо поежилась.

– Должны. Слышь, бревна трещат? Морозит. Не будут они на одном месте сидеть, поищут легкой добычи.

– Ну, тогда спать давай, – улыбнулась девчонка. – Хватит до утра дров-то?

Дивьян с сомнением посмотрел на хворост. Явно нужно бы еще.

– Вот что, – он решительно накиннул на плечи полушубок, – я пойду, а ты будь наготове, как полезут серые, пугнешь их горящей веткой.

– Осторожней будь, – отворяя дверь, с тревогой напутствовала Ладислава.

Никаких волков поблизости не было, видно, и в самом деле, устав морозить хвосты, ушли на поиски более легкой добычи. Дивьян не стал отходить далеко, наломал веток с ближайшей сушины, правда, для этого пришлось забраться на дерево, но ничего, никто не напал, и не заклацали внизу голодные острозубые пасти. Осмелела и Ладислава, прихватив пылающую ветку, выскочила наружу, помогая тащить в хижину сухие, наломанные отроком ветки. С новой силой забило в очаге пламя, Дивьян с Ладиславой, упарившись, сбросили полушубки. Поглядев друг на друга, засмеялись неизвестно чему, расстелили полушубки на лавке.

– Постой-ка. – Отрок схватил лежавшие в дальнем углу заячьего потроха, завернутые в шкурку. Не одеваясь, выскочил из избенки наружу, засунул потроха на березу, повыше, меж ветками. Наклонился, вытирая снегом окровавленные руки, зашептал истоно:

– Вот тебе, лесной человек, вот тебе, медведь-батюшка, вот тебе, волшебная птица журавль. Охраните, сберегите ото всякой напасти, да и сами не вредничайте, вот вам свежее мясо, нежное, заячье, насытитесь, нас не забудьте.

Прошептав все это, постоял немного, прислушиваясь – волки выли уже где-то далеко за Чистым Мхом, ну и пусть их – пожал зябко плечами и юркнул в избушку.

Заснул быстро, едва голова коснулась лавки – умаялся. Хотел было спросить – чего это дева на него поначалу напала? Да не успел – сомкнулись веки.

Ладиславе же не спалось, хоть и хорошо было лежать, покойно, сытой, в тепле, слушая жаркий треск хвороста и сопенье отрока. Девушка скосила глаза – спит, сердечный, – накиннула на парня плащ. Потянулась к веткам, подбросила в очаг – горите. Вздохнула – вспомнила родную Ладогу, подружек, родичей, так обрадовавшихся ее счастливому возвращению – не чаяли уж и увидеть. Вспомнился и молодой варяжский князь. Хельги. С какой радостью отдалась ему Ладислава там, в далеком лесу, прямо посреди капища. Или не капище то было? Не важно. Главное, что князь Хельги в тот момент принадлежал ей, только ей, и, казалось, так всегда будет. И было... До возвращения в Ладогу. А затем, получив от Рюрика власть, князь привез семью. Жену Сельму – Ладислава ее видела – красивая – и дочь. Что ж, о семье князя девушка знала и раньше. На что ж надеялась? А ни на что – просто любила, и все! Стать второй женой, наложницей, войти в семью князя? Нет... Почему-то Ладиславе не хотелось этого, – делить любимого человека с кем-то? Знала, князь любит свою супругу... А любит ли ее, Ладиславу? Честнее было уйти. Не лезть в чужой дом, не причинять горе. Уйти далеко, в дремучие весянские леса, уйти, чтобы забыть, забыть навсегда эти губы, эти волосы цвета спелой пшеницы,

синь глаз и руки такие сильные и такие нежные, ласковые... Нелегко все это будет забыть. Но... Ладислава сделала выбор. И тем не менее даже здесь, далеко от родного дома, князь не отпускал ее, являясь в видениях, вот как и сейчас.

– Хельги... – шептала девушка. – Любимый... Мой...

По лицу ее текли слезы...

Дров все ж таки не хватило до утра – избушка выстыла, и у проснувшихся зуб на зуб не попадал от холода. Можно, конечно, было разжечь очаг вновь – но к чему терять время?

День наступал солнечный, яркий. Солнце, отражаясь в снегу, сверкало так, что больно было глазам, над заснеженным лесом ярко синело небо, и высокие сосны отбрасывали на лыжню длинные голубоватые тени.

Шли быстро, к полудню уже показалось Шугозеро, а за ним – холм и усадьба.

Дивьян прибавил ходу и уже почти бежал, Ладислава едва за ним поспевала, даже крикнула, чтоб подождал, не гнал так. А он не слышал, наоборот, бежал все быстрее...

Вот и знакомая поворотка, ольховые заросли, елки... Усадьба. Ворота закрыты, а ведь, кажется, он их не закрывал... Или захлопнул все-таки? О, боги! Дивьян вдруг застыл словно вкопанный. Слева от усадьбы был насыпан невысокий холм, рядом с которым чернело кострище. Неужели?

Скинув лыжи, отрок влетел в усадьбу... Мертвецов не было! Погребли? Ну конечно, недаром – курган и кострище. Погребли! Но – кто же?

– Надо накидать земли больше, – осмотрев насыпь, тихо произнесла Ладислава. – Иначе зверье разроет, вон уже, смотри...

Она показала рукой на цепочку следов, тянувшихся от разрытого бока кургана к лесу, и Дивьяну на миг показалось, что это не простой след, а кровавый...

– Пойдем в усадьбу, – обернувшись, позвал он. – Теперь мы тут хозяева.

Усыпанная снегом река блестела на солнце, и всадники в разноцветных плащах казались нарисованными. За ними тащились возы, и возницы шурились от ярких лучей, с нетерпением поглядывая на крутой, поросший соснами берег. Там, на холме, виднелся погост. Серый часток, серебристые, крытые дранкой крыши. Над крышами кружили птицы.

– Красивое место, – улыбнулся ярл, поворачивая коня. От реки к погосту вела широкая, сверкающая в ярком свете дня дорога, наезженная санями и лыжами, по обеим сторонам которой возвышались сугробы.

– А дорожку-то не так давно чистили, – довольно сказал себе в бороду Трофим Онуча. Оглянулся на Жердяя – не отстал ли? Нет, лошаденка парня упрямо тащила рядом.

– Эй, Жердяй! – замахал шапкой Онуча. – Приехали вроде!

– Да и сам вижу, дядько! – широко улыбаясь, откликнулся тот. – Вот они, Куневичи.

Следом за дружиной обоз повернул направо, и высокий берег на миг закрыл солнце. Длинная тень его голубела на девственно чистом снегу, четко отделяясь от золотистых лучей солнца.

– Хороший день, – улыбался Трофим Онуча. – И не задержались нигде, вовремя прибыли.

Радостно улыбались и обозные мужики, и даже воины. Всем уже порядком поднадоело полюдь, хотелось домой, к родичам, к любимым женам, девушкам, а кому-то – и к любимой корчме, где варят такую забористую бражку, что уже после двух кружек ноги становятся ватными, а голову срывает напроць. Немного уж и осталось. Сначала – по Паше-реке, потом свернуть к югу – до Кайваксана-погоста – а дальше уж по Сяси – комариной реке – напрямик, до самого Нево – озера-моря. А там уж, считай, и родная Ладога. Немного осталось, недолго...

Снорри с двумя молодыми воинами, как обычно, выехал вперед, на разведку. Поднявшись на холм, проскакали лесами – нет ли засады? Нет, похоже, не было, была бы – увидели

давно бы, опыт в подобных делах был, и немалый. Не было засады... Но и людей вокруг тоже видно не было. Это настораживало, не могло не настораживать – ведь день в разгаре, врагов вокруг нет – почему ж тогда не открыты ворота, почему не видать никого – ни пешего, ни конного – что, дел никаких нет?

Снорри переглянулся с воинами:

– Вот что, скачем вокруг погоста. Да понезаметней, по-волчьи.

Так и сделали. Резко сорвались с места, понеслись, пригнувшись к гривам, таясь за деревьями и обходя частокол слева. С погоста не доносилось ни звука – словно вымерло все, от частокола к лесу тянулась заснеженная тропка, достаточно широкая и свежая – пахло конским навозом, – и, похоже, по ней волокли что-то... Или – кого-то.

– Жихарь – к ярлу, – распорядился Снорри. – Пусть обождет, на погост пока не торопится. Мы же – проверим.

Жихарь – молодой воин с детским простодушным лицом – кивнув, умчался прочь. Проводив его глазами, Снорри и оставшийся дружинник осторожно поскакали по следу. Копыта коней не проваливались – видно, снег запорошил тропу лишь слегка, сверху. Тропинка – наверное, ее можно было бы назвать и дорожкой – исчезала в лесу, в густых ореховых зарослях, лес по краям становился все гуще, царапали по шлемам разлапистые ветви сумрачных елей, где-то рядом каркали вороны. Впереди вдруг посветлело, и воины оказались на просторной поляне с росшей почти точно по центру мощной корявой сосной и вкопанными рядом изображениями идолов.

– Капище, – прошептал дружинник и запнулся: на сучьях вниз головою висели обезглавленные тела.

– Не знал, что всеяне так любят человечьи жертвы, – подъехав ближе, покачал головой Снорри. Не слезая с коня, он внимательно осмотрел трупы... и вздрогнул. Спина одного из них – крепкого молодого мужчины – представляла собой сплошное месиво из разрубленных ребер и вытянутых наружу легких.

– Кровавый орел, – Снорри обернулся. – Скачем к ярлу! – Он еще раз обозрел поляну. – Однако где их головы?

– Думаю, их унесли с собой, – услышав об увиденном, Хельги не взял с собой никого, только Снорри, и теперь внимательно осматривал жертвы. – Но зачем? Умилостивить богов? Так это можно было сделать и здесь, в капище.

– А если головы предназначались чужим богам? – откликнулся Снорри, и глубокая морщина пересекла чистый лоб ярла. Хельги хорошо знал, каких богов имеет в виду его давний друг.

– Пока не стоит об этом думать. – Ярл покачал головой. – Поедем на погост, может быть, все объяснится гораздо проще. Мало ли какие обряды у местных?

Снорри кивнул и поскакал вслед за князем.

Ворота погоста были заперты наглухо. Они не распахнулись, даже когда обоз и всадники подъехали ближе. А ведь их уже давно должны были заметить. Что ж они там, на погосте, вымерли все, что ли?

Снорри с дружинниками подъехал к частоколу, ударил в ворота тупым концом копья. Тяжелая створка медленно распахнулась. Молодой викинг вытащил меч и осторожно заглянул за частокол. Остальные дружинники прикрывали его, в любой момент готовые забросать затаившихся врагов тяжелыми стрелами.

Снорри распахнул вторую створку и призывно махнул рукой. Хлестнув коня, ярл влетел в ворота и резко остановился.

Обширное дворище погоста представляло собой ужасное зрелище! Повсюду – за амбарами, возле изб, у колодца – валялись убитые: мужчины, женщины, старики, дети. Кто был

убит стрелой, кто копьём, кто зарублен мечом иль секирой. Похоже, нападавшие не пощадили никого... Но никаких следов обороны погоста видно не было, даже камни, которые можно было бы метнуть в нападавших со специальных площадок, устроенных внутри частокола, лежали нетронутыми. Создавалось впечатление, что врагам просто открыли ворота. Но почему? Почему обычно подозрительные и не любящие чужаков весяне вдруг проявили такую доверчивость, так дорого им обошедшуюся? Ведь вполне выдержали бы осаду, тем более знали, что вскоре явится Хельги-князь с обозом и воинами. Ждали ведь... Вон, валяются на снегу вытасенные из амбаров шкуры, явно приготовленные для дани. Нападавшие, видно, не смогли забрать с собой все.

Хельги тронул коня... И внезапно замер.

– Стойте! – Он обернулся к дружине. Что-то – он пока еще и сам не знал что – насторожило его, что-то такое, бросающееся в глаза и вместе с тем незаметное.

Предостерегающе подняв руку, ярл внимательно осмотрел погост. Избы, амбары – их опять почему-то не подожгли. Почему? Везде валяются трупы... трупы... А прямо на пути – нет ни одного, словно нарочно убрали. Словно нарочно...

Хельги оглянулся, поискал глазами верного Снорри, шепнул что-то. Тот понимающе кивнул – объяснять долго не надо было – послал пару воинов. Спешившись, те осторожно потыкали копьями путь... Одно из копий вдруг полностью провалилось в снег. Ловушка! Ярл усмехнулся – не зря он верил в предчувствия, и, выходит, не зря кое-кто из дружины прозывал его Вещим. Накрытая звериной сетью, прямо перед воротами зияла утыканная острыми кольями яма, слегка припорошенная снегом. Да... Неплохо задумано. Для тех, кто не знает весь. Это племя частенько устраивало подобное, и яму здесь нападавшие не копали – она уже была, только накрытая толстыми досками. Осталось только их выбросить. Кстати, куда? Доски вскоре отыскались за одним из амбаров.

На погосте и в самом деле в живых не осталось никого. В разграбленных избах и даже в амбарах повсюду валялись трупы. И у многих на спине – кровавый орел! След от волокуши тянулся от ворот к капищу, и теперь уже видно было, что не простой это след, а окрашенный свернувшейся кровью. Кровавый. Кровавый след... Но чей?

Глава 3 Огнищанин

*Еще же паки похотеваем и на блудное смещение,
И на конечное душевное и телесное погубление.
Како убо не убоимся лютаго онаго геенскаго пламени?*

Антоний Подольский. Послание к некоему

Март-апрель 865 г. Ладога

Мрачный сидел в корчме Конхобар Ирландец. Да с чего веселиться-то? Правда, и грустить пока не с чего. Пахло весной – талой водой, тяжелым снегом, навозом – свисали уже с крыш сосульки, длинные, почти до самых сугробов, съжившихся от страха перед ярким весенним солнышком, ноздреватых, угрюмых, почерневших. Все чаще приносил ветер сырую хмарь, все реже становились ночные заморозки, и скоро – да, вот уже и скоро – должен был возвратиться с полюдья Хельги с дружиной. Скучно было Ирландцу, живой язвительный ум его, словно заржавевший механизм, стоял без дела, да и какие тут были зимой дела? Жизнь катила себе неспешно, без особых волнений, утро – день – вечер, утро – день – вечер – короткими были дни, солнце всходило поздно, опять же, темнело рано, так что казалось, не успеешь проснуться – а уже и опять пора почивать. Скучно. Никаких происшествий в городе не случилось, так, мелочь всякая – кто-то кого-то обозвал, кто-то с кем-то подрался, чаще всего именно в этой корчме... Обрыдло! Ни купцов, ни кого захожего – зима, не сезон – скорей бы уж возвратился ярл. Весна придет, понаедут купцы, смерды-людишки выберутся из своих лесов на торжище – дрязги пойдут всякие, непонятки-разборки: этому не доплатили, тому худой товар продали, третьего вообще, в зернь обыграв, раздели донага. И все за правдой – к Хельги. А тот на кого все спихнет, кроме особых случаев? Уж ясно, что не на Снорри или Никифора. Никифор за эту зиму словно бы совсем чужим стал, в гости заходил редко, все молился своему распятому богу, интересно, о чем только? Поклонники распятого называли себя христианами, полно их было в Ирландии, были и тут; правда, здешние почему-то больше почитали патриарха из Миклагарда-Константинополя, нежели римского папу, как Никифор и все ирландские монахи.

– Эй, хозяин! – заглянув в опустевшую кружку, крикнул Ирландец. – Что, ромейское вино уже кончилось? Кончилось? Не может быть! А что есть? Брага? Дуже хмельная? Ладно, давай тащи свою брагу, попробую.

Корчмарь Ермил Кобыла – мосластый, с вытянутым унылым лицом, и в самом деле чем-то напоминавшим кобылью морду, – самолично принес важному гостю изрядный кувшинец браги. Поставил на стол с поклоном:

– Пей на здоровьице, господине!

– Постой, – Конхобар придержал его за локоть, – сядь. Выпей со мной.

Ермил послушно присел рядом на лавку, выпил, почмокал губами, окидывая темное помещение внимательным, все примечающим взглядом. Корчма была пуста, как и всегда в это время, в марте-протальнике, и зимой-то редкий гость заглядывал сюда по пути санному, а уж раннею-то весною – и вовсе никого, оно и понятно: зимники таяли, а лед на Волхове-реке еще стоял, да был уж тонок, ни на ладье проплыть, ни по льду. Не было пришлого народу, не лето. Только в дальнем углу, у слюдяного оконца, сидели трое парней в грязных онучах. Парни пили бражку да жарко о чем-то спорили. Ирландец по привычке прислушался...

– А третьего дня Ноздрю убитым нашли. Без калиты, без пояса, в груди – нож агроменный!

– Шалют робяты...

– Да уж, пошаливают. Ране-то был у них за главного Ильман Карась, да сгинул, говорят, где-тось.

– Некому теперь и пожалиться, не варягу ж?

– Да уж... Был бы кто свой, а варягу все одно, как тут у нас... Бона как уехавши за данью, так и носа не кажетъ.

Ишь как заговорили. Недобрая усмешка искривила тонкие губы Конхобара Ирландца. Стоило только Хельги уехать, как Ильмана Карася вспомнили, кровавого душегуба, на совести которого немало людских жизней. Года три уж, как лежит Ильман в лесах у далекой Десны-реки, пронзенный стрелой. Сгнили уж, поди, его косточки или растаскало зверье. Такого и не погребли – не заслужил лиходейством своим погребения, а эти ишь вспомнили Карася добрым словом. Нашли заступничка. А может... может, кто из них из его старой шайки?

Ирландец покосился на парней. Сидевший рядом корчмарь проворно наполнил брагой кружки.

– Молодец! – одобрительно хлопнул его по плечу Конхобар и, крякнув, выпил до дна.

Ермил же лишь притворился, что пьет. Чуть пригубив, встал:

– Сейчас, господине, еще принесу, с блинами.

– Давай неси, – согласно кивнул Ирландец. Не очень-то он, правда, и хотел пить, тошно уже было от выпитого... А без браги – еще тошнее.

Корчмарь объявился быстро – в одной руке глиняная корчага, в другой – деревянная плоска с блинами. Сделав крюк, заглянул к парням, в дальний угол, хрястнул плоску на стол. Те удивились – не просили блинов-то.

– Тише языками трепите, – злобно зашипел корчмарь. – Иначе вырвут языки-то.

Ожег злобным взглядом притихших парней и, подхватив плоску, повернулся Ирландцу. Сел рядом – само радушие, аж лучился весь.

– Вот и блинцы, господине! Испробуй...

Один из парней пьяно погрозил ему кулаком:

– Ишь расшипелся тут. Набить, что ли, морду?

Он и набил бы, да удержали друзья:

– Что ты, что ты, Овчаре, то ж сам Кобыла!

– А по мне, хоть свинья.

– Сиди, дурень, не ровен час, услышит. То самого Карася дружка!

Парни притихли и, допив брагу, ушли. Ермил Кобыла посмотрел им вслед, пошептал губами:

– Овчаре, говоришь? Овчар... Ин ладно, запомню. – Повернулся к столу ясным солнышком: – А за весну-красну выпьем?

– За весну-красну? – пьяно улыбнулся Ирландец. – А запросто! Наливай...

Корчемные служки проводили его до дому под руки, дорогу знали – не в первый раз уж вели. У ворот поскользнулись неловко, едва в сугроб не уронили важного господина, а уж в доме и свои встретили слуги, поволокли к крыльцу за руки, за ноги, заблажили радостно:

– А вот и господин наш вернулся!

Пропустив их, спустился во двор молодой светло-русый парень в синем плаще и варяжском безрукавном кафтанце – тиун-управитель. Корчемная теребень поклонилась ему в пояс искательно:

– Здрав будь, Найден-господине!

– Исчезните!

Найден бросил корчемным резану – на полпирога с мясом хватит. Выпроводив со двора, самолично запер ворота – вороватого народца хватало в Ладого, глаз да глаз нужен. Полюбовался еще раз на мощный двор – пусть и не самый большой в городе, да ухоженный его,

Найдена, стараниями, да и хозяин неплох и не жаден – только вот в пьянство гнусное впал в последнее время. Уедет поутру на коне – в обрат принесут, грязного, еле дышащего. Вон и посейчас – орет в избе песни. Однако ж управителем на усадьбе куда как лучше, чем в артели у Бутурли Окуня. Тем более артельным сейчас и заняться-то нечем – кораблей нет.

Вздыхнув, Найден поднялся по крыльцу и, прогнав челядь, вошел в жарко натопленную – хозяин не любил холода – горницу. Ирландец уже лежал на широком ложе, накрытый медвежьей шкурой. Увидев тиуна, ослабился:

– А, Найден... Что стоишь смотришь? Ты на меня так не смотри. – Конхобар погрозил пальцем. – Я вот... если захочу... возьму да спою тебе песнь поношения – глам дицин – от той песни покроется у тебя струпьями все тело, это я тебе говорю, Конхобар из Коннахта, бард и филид-песнопевец! Вот, к примеру, есть еще такая страшная песнь, песнь о разрушении дома Да Дерга. А еще знаю про древнюю колдунью Мее... Мее Да Эрге... И про Магн... Магн... Магн дуль Бресал... Нет, про нее не знаю...

Конхобар захрапел, уткнувшись лицом в шкуру. Осуждающе покачав головой, Найден вышел, плотно притворив дверь. Скорей бы уж вернулся князь – тогда хозяин быстро пьянствовать перестанет. И кто бы мог подумать, что такой умный человек, как Конхобар Ирландец, вдруг да возьмет и впадет в пьянство? Со скуки, видно. А может, и от тоски. Как бы сам-то Найден повел себя на чужой-то сторонushке? Никого у него тут нет, у Ирландца, а друзья – князь Хельги и Снорри – уж третий месяц в полюдье. Скорей, скорей бы вернулись на радость хозяину, а то он все один да один... Женить его, что ли? Впрочем, ему, кажется, хватает и гулящих девок. И даже не девок – вина да браги! Еще один хозяйский приятель заглянул наемни – христианин Никифор-монах. Взглянул на спящего, плюнул да и повернул обратно. Жаловался, спускаясь с крыльца, на других христиан – немного-то их в Ладоге и было – дескать, ренегатом его зовут, отступником за то, что в ирландском монастыре был, и дух святой с тех пор и от Бога-Сына происходящим считает, не только от Бога-Отца, но и от Сына. Великое дело! Ничего не понял Найден из этих рассуждений, да и вникать особо не собирался – уж слишком таинствен и всеобъемлющ был далекий христианский Бог, не то что свои, местные, – Велес, да Перун, да Ярило. Больше, конечно, Велеса почитали, многие – как бога-ящера. Вот и у Найдена на шее такой амулет висел – Ящер.

Сиди, сиди, ящер,
Под ореховым кустом.
Грызи, грызи, ящер, орешки каленые, —

направляясь в свою избу, напевал молодой тиун. Не услышал, как кто-то тихонько долбил в ворота.

Хорошо, Прокса-челядин позвал:

– Стучат, господине!

Стучат так стучат.

– Отворяй малую дверцу.

Неглуп был Найден, совсем неглуп, с новым местом быстро освоился. Знал – каждого встречать надобно по чину. А чин распознать просто: ежели боярин какой, аль из нарочитой чади кто, аль прочая знать – слуги впереди бежали, так в ворота барабанили, мертвого подымут. Тут-то уж поспешать надо было, отворять ворота во всю ширь, кланяться. А вот ежели так, как сейчас стучат, тихохонько, еле слышно, значит, не богат человечешко и не знатен, такой и подождать может, и ворота для него открывать не стоит, и малой калиточкой обойдется. Ее-то и отворил Прокса-челядин, впустив на двор неприметного мужичка – невысокого роста, но и не низок, скорее худой, нежели толстый, лицо узкое, как у хозяина Конхобара, морщинистое, смугловатое, похожее на отжатую тряпку, нос крючком, глаза под бровями кустистыми – тем-

ные. Одет тоже не пойми как, вроде б и не плохо, но и не хорошо. Постолаы кожаные, полушубочек овчинный, узорчатый пояс, плащик тонкий, грязно-синий, черникой-ягодой крашенный. Бедноватый, прямо скажем, плащик, зато пояс дорогой, не у всякого людина такой сыщется.

Войдя на двор, незнакомец, сняв шапку, поклонился Найдену, спросил сладенько:

– Дома ли боярин-батюшка?

– Почивать изволит боярин, – в тон ему ответил Найден. – Почто пришел-то?

– Говорят, князю нашему грамотные люди нужны: дань записывать да землицы обмерять.

– Нужны, – вспомнил тиун. – Так ты грамотен?

– А как же! Еще и по-варяжски могу.

– И по-варяжски... Это хорошо. – Найден потер руки. Нужны были Хельги-князю грамотеи-ярыжки, ох как нужны. Этакой стороной управлять, от Невы-озера до дальних весяньских лесов – в голове все ли удержишь?

– Вот что, человек, – Найден задумчиво поскреб затылок, – боярин посейчас почивает, так что приходи-ка ты завтра.

– Завтра так завтра, – покладисто согласился старик. Впрочем, нет, никакой не старик, это он просто таким казался, сутулился.

– Звать-то тебя как? – спохватившись, крикнул ему вослед Найден.

– Борич. Огнищанином был у боярина одного.

– Чего ж ушел?

– Помер боярин. А наследникам его не нужен оказался.

– Бывает... Ну, так ты не забудь, заходи завтра.

– Зайду. Не забуду.

Борич улыбнулся, потеряв рукою хищный горбатый нос.

Проверив, накрепко ли заперты ворота, Найден потянулся и повернул к своей избенке, прилепившейся почти к самой ограде. Небольшая была изба – да своя, к тому же – новая. Недавно выстроенная. Впрочем, здесь, в Ладогге, почти все было новым, отстроенным после страшного пожара, случившегося три года назад. От старого города сохранился лишь кремль-детинец да несколько зданий, в их числе хоромы Торольва Ногаты и постоялый двор Ермила Кобылы. Туда-то и направился сейчас бывший огнищанин, надеясь обрести стол и ночлег. Себе на уме был Борич, жесток и алчен. Служба у князя – доходное место, его и нужно добиваться, пока не кончились кое-какие сбережения. Пустить их в оборот? Ну его к ляду – купеческое счастье изменчиво, да и риск изрядный, то ли дело – ярыжкой при сильном князе. От дани, от мзды мытной, неужто да к рукам ничего не пристанет? На то и рассчитывал Борич, бывший огнищанин, неглуп был и грамоте разумел. Корчмаря Ермила Кобылу сразу просек – хитер зело. Потому и платить за ночлег загодя не стал, отговорился, что получит вскоре серебришко от князя, сам же все богатство свое – золотые браслеты да мониста серебряные – на дворе дальнего родича, купца Изяслава, спрятал. Схоронил в овине – чай, не понадобится до лета овин-то.

Ермил новому постояльцу не перечил – углядел сразу, что непростой человек. Хочет потом заплатить? Милости просим, все одно никуда не денется. В цене сойдемся. Две резаны в день. Много? Да как много, мил человек, это ж и полбарана не будет? Яростно торговался постоялец – Борич-огнищанин его звали – скуп оказался, алчен. Ермил цену и скинул, от себя бражки поднес бесплатно. Одну кружку Борич с удовольствием выпил, от второй отказался – не дело это – с пьянством дружить, отправился почивать в гостевую. Ермил проводил его взглядом, прикинул – нужный человек, коли и в самом деле войдет в милость к князю.

Огнищанин Борич поворочался на лавке, что-то не спалось. Может, потому что браги напился на ночь, может, и от лепешек несвежих, а только пучило живот, спасу нет! Где тут у хозяина отхожее место? На дворе аль к дому пристроено?

– Во дворе, батюшка, – показал разбуженный служка. – Во-он, за амбаром. Осторожней только ступай – скользко.

– Сам знаю...

Ворча, огнищанин вышел на двор. Серебристый месяц светился в небе, бляели в хлеву овцы, за амбаром забрехал пес. Засмотревшись на месяц, Борич едва не завалился в снег – тропинка действительно оказалась скользкой. Выругавшись, он свернул за амбар. Сидевший на толстой цепи кобель – огромный, щетинистый, злой – встав на дыбы, зашелся лаем.

– Цыть! – убедившись, что пес до него не достанет, рявкнул Борич. Углядел в углу двора небольшое, прилепившееся к амбару строение, ринулся туда, приложив к животу руки. Уж так накатило! Еле успел спустить порты, присел блаженно... А когда собрался выйти, услышал вдруг приглушенные голоса. Один – хозяйский. Вышел-таки Ермил Кобыла на улицу – интересно, зачем? Может, тоже по тем же делам? Наверное, спрашивает, чего кобель лает? Служка оправдывается... ага, заработал затрещину... Побежал куда-то... Скрипнули воротца... Снова послышались голоса. Вроде как торговались.

– Да что ты, батюшка Ермил, нешто за такую красу да всего одну ногату? Хоть бы две.

– Две родичи тебе подадут. Той девки, с которой ты эти подвески снял.

– Тьфу-ты, типун тебе на язык. Добавь хоть пару резан.

– Леший тебе добавит. Еще что-нибудь есть?

– Вот, пряслице...

– На шею себе надень вместо ярма! Мне-то оно на что сдалось? Кому я его продам-то? Ладно, подвески, но прясло? Что, больше совсем схитить нечего?

– Так весна ж, батько. Народу мало, а тот, что есть, пасется, ставни да воротца накрепко запирает.

– А ты б хотел, чтоб незапертыми оставляли? – Корчемщик засмеялся. Потом резко оборвал смех: – Знаешь такого парня – Овчара? Подумай... Две ногаты за все: за подвески, кольцо и пряслице.

– Да побойся... ладно, давай...

Послышался звон.

– А Овчара сыщу, ежели надоть. Чего с ним сделать-то?

– После скажу, как сыщешь.

Смолкло все. Торопливые шаги заскрипели по снегу к воротам. Хлопнула дверь.

– Ага, Ермил Кобыла, – выходя из уборной, тихо прошептал Борич. – Значит, не брезгуешь краденым? Хорошо. – Он тихонько засмеялся и, осторожно пройдя по скользкой дорожке, заскрипел широкими ступеньками крыльца.

Полускрытый тучами месяц все так же висел в темном ночном небе и, казалось, насмешливо шурился.

Утром Конхобар Ирландец встал рано, еще до восхода. Покричал слугу, потребовал бражки. Тот ломанулся в погреб, да перепутал спросонья, притащил вместо бражки квас. Тоже, конечно, хмельной, но не такой, как бражка. Жаль, вина не было – вино-то Конхобар еще в прошлый месяц все выпил, теперь уж до самого лета без вина, до появления первых гостей заморских. Ну и ладно. Бражка-то ягодная ничуть ведь вина не хуже! Лучше даже – забористой. Совсем одичал с тоски Конхобар Ирландец, скучно ему было... впрочем, не так скучно, как одиноко, вот и гнал от себя нехорошие мысли, топил тоску в вине да браге. Вроде ведь всего в жизни добился, раньше и не мечтал о таком. И все же – одиноко. Скучно. Так ведь и не заснул больше, промаялся до утра – на пару с хмельным квасом. Едва забрезжило, накинув на плечи плащ, вышел на крыльцо, оперся, пошатываясь, на резные перильца. Теплый ветер швырнул в лицо мелкую дождевую пыль, Ирландец с наслаждением вдохнул пропитанный влагой воздух.

– По здорову ли спалось, господине? – поднялся по ступенькам Найден. В чистом кафтанце, весь такой опрятный, причесанный. Конхобару даже стыдно стало своего внешнего вида – туника грязная, борода топорщится дыбом, волосы – патлы.

– Не велеть ли баньку истопить? – улыбнулся, глядя на него, парень. Словно ведь мысли читал, стервец!

Хотел было Ирландец послать его вместе с банькой куда подальше, а потом вдруг посмотрел вдаль, на синий лес, на затянутое разноцветными – бурыми, розовато-желтыми и даже синими – облаками небо, усмехнулся, закашлялся.

– Скажи, – кивнул. – Пускай топят.

Забегали, засуетились по двору слуги. Натаскали в баньку дровишек, затопили – черный духовитый дым повалил через щели.

Найден одобрительно смотрел на все это с крыльца: вот, ладно-то! И самому бы помыться неплохо, чай, после хозяина жар останется.

После бани, распаренный и красный, Ирландец уселся за стол. Рука его, уже более не дрожащая, сама собой потянулась к кувшину... Так ведь и не успел дотянуться! Вошел управитель Найден с докладом:

– Человек к тебе, господине.

– Что за человек?

– Грамоту, говорит, знает гораздо!

– Грамотей? – Конхобар оживился. – Зови.

Низко кланяясь от самой двери, в горницу бочком вошел мужичонка в крашенном черникой плаще, но с цветным поясом. Узкое морщинистое лицо его прямо-таки источало доброжелательность, темные глаза из-под кустистых бровей внимательно разглядывали хозяина. Слишком внимательно, так, что Ирландец чуть не поперхнулся квасом. Совладав с собой, взглянул строго:

– Грамотей?

– Буквицы ведаю, – с неожиданным достоинством ответил вошедший.

– Звать как?

– Борич. Огнищанин бывший.

– Ведом ли тебе язык людей фьордов?

– О, да, господин, – на том же языке отвечал Борич.

– А земляная наука? – Взяв с очага уголек, Ирландец нарисовал прямо на лавке треугольник. – Чему равны квадраты малых сторон?

Огнищанин усмехнулся:

– Квадрату большей. То доказал еще еллинский ученейший муж Пифагор.

– Верно. – Ирландец довольно похлопал Борича по плечу. – Откуда сие ведаешь?

– Жил когда-то в Царьграде, в рабстве.

– Вот как? И бежал?

– С русью... Те набегом пришли, грех было не воспользоваться.

– Что ж... – Конхобар вновь уселся за стол и громко позвал управителя: – Неси грамоту, Найден, ряд составлять будем.

Ученейший муж Борич, или, как его прозвали на дворе Ирландца, Огнищанин, оказался человеком нелюдимым, замкнутым, однако дело свое знал и вместе с Конхобаром быстро разобрал все долговые и рядные грамоты, написанные на пергаменте, березовой коре и даже на специально выделанных деревянных дощечках. Дощечки те хранились в амбаре на усадьбе Хельги-ярла, что располагалась не так уж и близко от Ирландца, почти в центре Ладоги-Альдегьюборга. Конхобар не очень-то любил заходить туда в отсутствие ярла – не сложились у него отношения с Сельмой, ну никак не хотели складываться – супруга ярла терпела его только в

силу необходимости, разговаривая, презрительно кривила губы. Помнила прошлое, как едва не принес ее Ирландец в жертву кровавым кельтским богам, когда был еще верным адептом Черного друида Форгайла. Много воды утекло с тех пор, другим уже был Ирландец, превратился из помощника друида в одного из самых главных его врагов, но вот как-то не очень доверяла ему Сельма. Ну и пес с ней!

Нарядился к поездке Ирландец. Надел чистую щегольскую тунику, желто-коричневый кафтан без рукавов, с опушкой из бобрового меха и пуговицами из оправленного в серебро сердолика. Накинул на плечи длинный плащ, изумрудно-зеленый, как далекие луга Ирландии, заколол его золотой фибулой в виде неведомого трехкрылого зверя, стянул черные волосы золоченым обручем – так и поехал без шапки, и волосы разметались на ветру, словно крылья ворона. Нарочно не подстригал их Конхобар, следуя здешнему обычаю, в Ирландии короткие волосы издавна носили друиды, а с ними он не хотел иметь ничего общего. Так и явился в усадьбу ярла, холодно кивнул Сельме – та еле ответила на приветствие – и пошел к амбару, прихватив с собой оказавшегося дельным помощником Огнищанина. К полудню разобрались в грамотах... А уж ближе к вечеру засобирались Ирландец в корчму. Как обычно...

Вот и последние холмы перед градом. Заснеженные хмурые ели, устремленные к облакам сосны, ольха – зарослями по всему побережью, с холма вниз – и вот она, Ладога! Мощные деревянные стены, крыши изб на холмах, детинец. И перевоз – вмерзшие в снег лодки. Застучали копыта коней по истончившемуся льду, с шутками да веселым смехом возвращался в город князь-наместник с верной дружиной. Алели щиты, серебром блестели кольчуги, желтое солнце отражалась сияющими искрами в сбруе.

Узнав своих, зашевелились на стенах вой, закричали радостно, приветствуя князя. Открылись широко ворота из крепкого, обитого серым железом дуба. Крича, побежали вслед за всадниками ребятишки. Воины ехали не спеша, давая возможность жителям полюбоваться снаряжением и богатой добычей. Первым – на белом коне – Хельги-ярл, молодой, но уже опытный и – как поговаривали все чаще – Вещий. В кольчуге пылало солнце, блестел надвинутый на глаза шлем с позолоченной полумаской, темно-голубой, заколотый изящной золотой фибулой плащ ниспадал на круп коня небрежными складками. Желтовато-белые облака медленно плыли по синему небу, на деревьях весело чирикали воробьи, синицы возились в почерневшем снегу, деля рассыпанное кем-то жито. Сбежавшийся народ подбрасывал в воздух шапки.

Вот и знакомый холм, верба – детинец. Там уже ждали, распахнули ворота. Князь въехал первым, спешился у крыльца, передавая поводья коня подбежавшим слугам, улыбнулся радостно – на ступеньках стояла Сельма. В красном плаще, в длинных, до пят, одеждах; светлые волосы стягивал золотой обруч, в глазах сияла тщательно сдерживаемая радость. Не дело это – кидаться возвратившемуся из похода мужу на шею, чай, не простолюдинка какая... А ведь так хотелось обнять, прижаться всем телом, почувствовать тепло щек... Ничего... будет еще время, сейчас нельзя так, нельзя – люди смотрят.

Сельма низко поклонилась ярлу, и Хельги поклонился в ответ. Поцеловал жену троекратно – как и положено – и, незаметно подмигнув, важно вошел в дом, высокий, в два этажа, с высоким резным крыльцом и просторной клетью. Он сразу же заприметил среди встречающих Никифора с Найденом, кивнул – мол, зайдите – еще раз окинул взглядом двор – а где Ирландец?

Выждав для вежливости некоторое время, оба – монах и тиун – поднялись на крыльцо и вошли в людскую.

К чести ярла, он недолго испытывал их терпение – явился из покоев уже в другой, домашней одежде – длинной, до самого полу, узорчатой тунике, подпоясанной наборным поясом из золотых бляшек. На поясе висел узорчатый кошель-калита, ключи и узкий кинжал в зеленых сафьянных ножнах. Усевшись в резное кресло перед длинным столом, уставленным лег-

кой закуской – копченой стерлядью, телятиной, холодной жареной птицей и прочим, – Хельги выпроводил слуг и указал рукой на скамью:

– Садитесь, в ногах правды нет.

– Рад тебя видеть, ярл! – улыбнулся Никифор. Смуглый, черноволосый, он, как и подобает монаху, был одет подчеркнуто скромно – в коричневую рясу с накиннутым поверх нее полушубком. На груди серебряный крест – знак распятого бога.

– И я рад! – Встав, ярл порывисто обнял монаха, доброжелательно хлопнул по плечу Найдена, тут же и осведомился насчет Ирландца.

– В делах все, – уклончиво ответил тиун, а Никифор осуждающе покачал головою.

– Опять пьет? – догадался Хельги, не впервой уж было Ирландцу срываться в последнее время. – А дела хоть делает? – Ярл покусал губу. – Чай, не для пьянства оставлен!

– Дела делает, – закивал Найден. – Да, правда, какие тут дела? Сам знаешь, княже, зима. – Он помолчал немного и улыбнулся: – А грамотеев тебе подбираем, как велено. Одного сыскали уже – грамотен, по-варяжски говорить может, и цыфирник изрядный.

– Молодцы... Ладно, с Ирландцем я разберусь... Вы что же не едите, брезгуете?

– У меня – пост. – Никифор поджал губы. – Хотя скоромную лепешку, пожалуй, съем... да рыбешку нежирную... Подай-ко, Найден!

Они пробыли у ярла недолго. Немного перекусили, потолковали о делах, поведали последние ладожские новости – таковых оказалось немного, потом Никифор, в который раз уже, высказал идею насчет монастырской обители.

– Шумно тут больно, – посетовал он. – Многолюдство изрядное, а Божье слово тишины требует. Вот бы скит устроить в стороне дальней, в молениях и философских беседах проводить время с иноками, оказывая помощь всякому страждущему. Школу бы завести при обители, скрипторий, книги нужные купцам константинопольским заказать... Святое дело... – Молодой монах мечтательно опустил веки.

Ярл усмехнулся:

– Опасное это дело, брат! Народца хищного и в тех далеких краях хватает, разграбят твою обитель!

– На все Божья воля. – Никифор принялся перебирать висевшие на поясе массивные бронзовые четки. Такими четками, при известной ловкости, можно было легко справиться как минимум с двумя вооруженными воинами. А Никифор был парнем ловким...

Хельги посмотрел на него и вздохнул. Хорошо бы, конечно, иметь в дальних лесах верного человека. Никифор – как раз таков, лучше не надо... Да только отправить его – тревожно как-то. Сгинет ведь!

– Вижу, сомнения тревожат тебя, ярл? – Монах улыбнулся, проницателен был изрядно. – Так ты не сомневайся... А не разрешишь, так я сам пойду, как снега стают.

– Ох, Никифор, Никифор, – засмеялся Хельги. – Не скрою, мне твои мысли по нраву... И обитель бы хорошо укрепленная в местах дальних не помешала... Ой, не помешала бы! Ну, не смотри так... Собирай охочих людей! По весне, так и быть, отправлю с тобой воев.

– Мне не нужны вон, ярл!

– Знаю. – Хельги хитро прищурился. – Тебе нужна обитель, а мне – надежная крепость. И, думаю, мы поможем друг другу. По рукам?

На этот раз засмеялся монах:

– По рукам, Хельги-ярл, по рукам! Однако знай – не меч я буду нести лесным жителям, но слово Божье! Аминь.

Никифор перекрестился.

Когда гости ушли, ярл нервно заходил по людской, дернулось в поставце пламя, запрыгали по стенам уродливые черные тени, похожие на лесных троллей. Ирландец... Хельги вздох-

нул. Эх, Конхобар, Конхобар... Донесли уже, что видят тебя постоянно нечесанным, грязным, пьяным. Быстро поддался ты веселому пороку... Не слишком ли быстро?

Хельги-ярл надеялся на помощь Ирландца, острый, язвительный и циничный ум которого был так похож на разум Того. Конхобар, как и сам ярл, давно уже действовал без оглядки на закоснелые обычаи и дурацкие обряды, конечно соблюдая внешнюю сторону приличий, иначе б не поняли люди, не приняли бы и отвергли все то, что хотел для них сделать Хельги. А хотел он многого, и в первую очередь – оградить от страшной участи, уготованной жителям этой страны Черным друидом.

Кроме Ирландца, пожалуй, и не было около ярла людей, столь близких по духу. Умных, деятельных, понимающих все с первого слова. Никифор был слишком поглощен Богом. Снорри? Верен, честен и предан до последнего дыхания, до последней капли крови. Хитер в бою, но в обычной жизни решения предпочитал простые: вражда – так вражда до последнего, дружба – так дружба. И очень многие люди мыслили так. Правда, не все...

Эх, Ирландец...

Выйдя из людской, Хельги прошел галереей к лестнице – подняться в покои – как вдруг со двора донеслись громкие голоса. Ярл перегнулся через перила:

– Что там такое?

– Господин Конхобар, княже!

– Конхобар? Так что же он там стоит? Пусть входит!

Ирландец выглядел как в лучшие времена: щегольская туника с изящным поясом, бобровый полушубок, соболя шапка с бисером, тщательно подстриженная борода. Не похож на пьяницу. Впрочем, под глазами – мешки.

– Говорят, ты тут пил всю зиму, словно царьградский житель? – после взаимных приветствий спросил без обиняков Хельги.

– Лгут, – тут же соврал Ирландец. И, ухмыльнувшись, добавил: – Так, как жители Константинополя, пить нельзя – никакая глотка не выдержит!

Князь тоже засмеялся, потом поинтересовался обстановкой в городе.

– Знаешь, ярл, вроде б и тихо все было... – Ирландец задумчиво потеревил бороду. – Ни убийств, ни драк, ни набегов... Не нравится мне это!

– Что, без убийств плохо?

– Да не про то я. – Конхобар махнул рукой. – Когда слишком тихо все – это настораживает.

– Верные людишки чего донесли? – поднял глаза ярл.

– Донесли, конечно, да так, ничего особенного... – Ирландец поерзал на лавке. – Ходил я тут в одну корчму...

– Слышал, слышал!

– Корчмарь – Ермил Кобыла – тот еще пес. Краденым по мелочи приторговывает, да и раньше с хазарами людокрадные дела имел. Отправил я было к нему верного человечка – так тот там и спился, змей. Пропал, сгинул. Пришлось самому...

– Тяжкая доля! – Ярл засмеялся. – Говорят, ты мне грамотея нашел?

– А, сказали уже? То не я нашел, Найден, тиун мой... Грамотей изрядный, Боричем Огнищанином кличут.

– Так пришли его завтра поутру грамоты заемные разобрать.

– Разобрали уже, – горделиво хохотнул Ирландец. – Не стали тебя дожидаться. Думаю, с завтрашнего дня пускай данью займется. Твои б вой ему сказали, где какой погост да сколько людишек в нем, он бы и записал все, да и дань высчитал, чтоб потом не гоношиться.

– Хорошая мысль! – одобрительно кивнул Хельги. – Признаться, я и сам про то думал... – Он вдруг нахмурился. – Так вот, насчет погостов дальних...

Он поведал Ирландцу все: об убийствах и разорении погостов, о непонятных колбегах, о весянском старейшине Келагасте и о многом другом, менее важным.

Ирландец слушал внимательно, не перебивая, лишь иногда уточнял что-то. Потом взглянул на Хельги:

– Ты сам ведь что-то думаешь обо всем этом, ярл?

– Думаю, – согласился тот. – Слушай. Может, чего и добавишь к моим мыслям. Итак, первая загадка – разоренные поселения. Люди убиты все – как именно, ты уже знаешь. Взятые только пища и шкуры, все остальное цело, даже усадьбы не сожжены. Теперь давай вместе думать – кто все это сотворил и зачем? Местных можно отместить сразу – те бы все сожгли... Хотя убить всех для них смысл имеет – чтоб, узнав, не отомстили да не рассказали кому из соседей. Но вот убийства... – Хельги замялся, подыскивая нужные слова.

– Продолжай, ярл, – глухо вымолвил Ирландец. – Ты хочешь сказать, что эти убийства в дальних лесах очень напоминают другие – жертвоприношения в капищах кровавых богов! Отрезанные головы, проткнутые сердца... А желтой пыльцы омелы ты, случайно, там не заметил?

Ярл отрицательно мотнул головой. Омелы там точно не было.

– Думаешь, это Черный друид?

Конхобар неопределенно пожал плечами:

– По крайней мере, очень на него похоже!

– А я мыслю проще, – сверкнул глазами ярл. – Кто-то хочет лишиться меня власти! Смотри сам: если я не смогу защитить дальних жителей, какой толк им платить дань? Может, им лучше платить кому другому? Еще одно: я забыл сказать про кровавого орла... да-да, именно так были умерщвлены некоторые... Быть может, кто-то специально сделал так, чтобы подумали на нас, людей фьордов, ведь кровавыми орлами развлекаются только викинги. Мы же здесь – чужие. Я не имею в виду Альдегьуборг... Кто же стоит за всем этим? Люди Вадима Храброго? Но их, как говорят, всех истребил Рюрик. А кого не истребил, те сами пошли служить ему. И, мне кажется, враги знали о моем походе за данью. Кто-то сказал им... Кто? Нет, вряд ли это друид, давно потерявший силу. Он сгинул, похоже, в дремучих древлянских лесах. Нет, здесь другие. Но не менее опасные для нас! И даже более: они местные, а мы – пришельцы. На их стороне обычай, а на нашем – лишь сила с законом.

– Значит, надо привлечь на нашу сторону людей.

– Верно, Ирландец! Но пока будут продолжаться безнаказанные убийства и грабежи в дальних лесах, приписываемые викингам, вряд ли кто нас поддержит. Более того – вряд ли на следующий год мы соберем дань. Можно даже не ездить, не беспокоиться. Или если ехать, то с сильным войском, примучивать так примучивать!

– Можно и так, – согласно кивнул Ирландец. – Но лучше всего...

– Навести порядок в лесах! – яростно заключил ярл. – Уверен, нити к тамошнему беспределу тянутся отсюда, из Ладоги. Здесь и нужно искать, Конхобар! Искать и помнить – времени у нас мало, всего год.

Борич Огнищанин прижился на княжьем дворе. Отмечал его усердие и сам князь Хельги – Олег, как его звали на местный манер. Несмотря на молодость, Хельги выказывал себя умелым правителем, настоящим конунгом-князем, хотя на самом-то деле, конечно, был всего лишь ярлом, наместником князя Рюрика. Огнищанин про то перво-наперво вызнал. Будучи сам неприметным, все примечал Борич: и где какие припасы в детинце и в городе, и как сторожа на стенах сменяются и как – у ворот, и кто где кому закуп, холоп или рядович – уж это все через него проходило. Скромнен был Огнищанин, нелюдим даже, правда, нелюдимость свою иногда сбрасывал – бывало даже, и угостит кого бражкой. Начальника стражи, тиуна, писцов, купчишку какого-нибудь. Гости купцы толклись в княжеских сенях аж с апреля. Как

начал стаивать снег, так и не отбиться от них было – все склоняли ярла идти с войском в южные земли и далее – на Царьград. Им-то, купцам, там прямая пожива от войска, ну и так, безопасность. Всю дань – мед, меха – рухлядь мягкую, железо укладное в крицах – давно уж скупили купцы у ярла, теперь бы самим сбывать ее в дальних землях, не сидеть же тут, заморских гостей дожидаясь. А дальние экспедиции всегда князя начинали, дело непростое, многих затрат требующее, одним-то купцам не потянуть такое. Хельги-ярл хорошо понимал это, однако знал и другое – не очень-то крепка была еще его власть на земле ладожской, для того чтобы отлучаться летом. Но все ж надобно решать было проблемы купеческие – они же и собственные: ежели что не так, кому дань сбывать? Самому весь мед лопать, мехами закусывая? Целых два выхода тут видел Хельги: первый – отправить с купцами лишь часть дружины, поставив во главе хоть того же Снорри; и второй – занарядить купцов к Рюрику, в Городище, он тут главный князь, ему и решать. Ни к какой мысли еще не склонился ярл окончательно, все думал, вот и маялись купцы в неведенье.

Дни теперь стояли протальные, теплые, уже потянулись с южных краев перелетные птицы, загомонили на полянах грачи, забили в бубны волхвы в капищах, и юные девушки запели в ельниках веселые весенние песни:

Приди к нам, весна,
Со радостью!
Со милостью!
Со рожью зернистою,
Со овсом кучерявым,
С ячменем усатым...

Так и пели, из ельников по домам возвращаясь. Даже Борич Огнищанин, проходя мимо, заслушался. Покачал головой, повел крючком-носом, поглядев на идущих дев да на парней румяных, засопел завистливо. Эх, ему б такую деву... Он бы... Уже с неделю, как жил Огнищанин в своей усадбке, малой – амбар да избенка – зато своей. Щедр был князь, уж этого не отнимешь, хоть и серебро считать умел, не чета всем прочим варягам. Да за труд изрядный – и вознаграждал щедро, а Борич трудился не покладая рук. Иногда и с утра раннего да самой темной ноченьки. Грамоты разобрав, ложился на лавку – аж трясло всего, и перед глазами кружились черные мушки. Зато и наскреб на усадбку – как раз помер Хотим-однодворец, вот его-то домишко и выпросил себе Огнищанин у князя. Усадбку, да к ней и собаку – Дива, огромного кобеля волчьей масти, изрядного сторожа! Трудолюбив был Борич, умен, в деле настойчив. Потому и уважение к себе снискал быстро. Уже не только Найден, но и сам Конхобар Ирландец, ближний Князев боярин, с ним по податному делу советовался, не считал зазорным. Лестно то было Боричу. Вот только бобылем жил Огнищанин, иногда лишь приходила соседка – старая бабка Онисья, согбенная, крючконосая, про которую говорили – ведьма, прибиралась да постные щи варила. Вот бы жену... Молодую покорную деву! А что? Сама не пойдет, так серебришко теперь есть – купить можно.

Задавшись такой целью, высматривал Борич Огнищанин девок. По корчмам ходил, с волхвами да волхвицами знакомства свел, все выпрашивал, что, да где, да как. Не нужна ему была дева из рода богатого, уважаемого, лучше б худородную, еще лучше – сироту неприканную, чтоб одного знала хозяина – его, Борича! Ходил высматривал Огнищанин такую... И высмотрел!

День клонился к вечеру, гомонили воробьи на стрехах, прыгали, купаясь в лужах, снег уж сошел с середины улиц и лишь с боков еще лежал, таял. Подходя к своей избенке – недалеко от просторной, недавно выстроенной после пожара усадьбы варяга Ульфа Сломанной Стрелы, Борич вдруг услышал слабые девичьи крики. Остановился, любопытствуя, – там уж, у

частокола, не один он такой стоял, набралось праздного народишка: артельные мужики, подмастерья, мальчишки. Закрываясь обеими руками от плетки, кричала простоволосая босоногая девка. Тощий долговязый мужик с длинной седой бородой, но не старый еще, крепко держал девку за ухо левой рукой, правой же пытался орудовать плетью, что было весьма затруднительно, поскольку под мышкой справа он зажимал пеструю курицу. Полузадохшаяся курица квохтала и, к вящей радости собравшихся зевак, пыталась клюнуть мужика в бок.

– Змея ты пакостная! – потрясая плеткой, кричал на девку мужик. – Корова! Вот сведу тебя на правез, будешь знать, как чужих кур хитить!

– Так она, поди, голодная? – крикнул кто-то из подмастерьев.

– А мне какое дело? – разозлился мужик. – Хозяин Ульф за курицу не с нее, с меня спросит!

– Да курица-то твоя цела вроде!

– Курица-то цела... А яйца? Эта ж гадюка полдесятка разбила! У, коровища!

Изловчившись, мужик все ж таки хлестнул девку плетью. Та заверещала.

– Вот что, люди добрые! – подойдя ближе, громко произнес Огнищанин. – Я, Борич, с княжьего двора, вы меня знаете. Давайте девку – отведу на двор, как раз по пути. Она уж многожды кур хитила, матерая! – Он перевел взгляд на мужика, спросил тихонько: – Веревка есть ли?

– Найдем... – обрадованно ответил тот. – А грамоту за пойманную выдашь?

– Знамо, выдам, – успокоил Борич. – Ужо покажешь хозяину своему. Князь еще и резану даст.

– Резану! – восхитились в толпе. – Вот бы и нам так кого словить. Эй, мужик, поделись девкой!

– А ну, пошли, пошли! – дворовый испуганно замахал на них руками, обернулся. – Ты пожди малость, веревку-то я враз сыщу...

Он побежал к воротам усадьбы.

Девка – чумазая, страшная, грязная – дернулась было, но Борич крепко схватил ее за руку и поморщился:

– Вшей-то!

Услыхав про вшей, зеваки посторонились, а многие разошлись по своим делам, справедливо полагая, что все интересное уже закончилось. Крепко связав девке руки принесенной дворовым веревкой, Огнищанин пнул воровку в бок:

– Пошла, дща!

Девка – никуда не деться – шмыгая носом, понуро поплелась следом за ним, искоса стреляя глазами – мало ли, представится возможность вырваться. Однако не представилась. Не на того напала. Борич без всяких приключений довел деву до своей усадьбы и уже подходил к воротам – заблажил, залаял на цепи Див-пес, чуя хозяина-кормильца, как вдруг услышал за спиной чьи-то быстрые шаги. Оглянулся, нащупал за пазухой нож...

– Веревку-то верни, дядько! – запыхавшись, попросил давешний мужик. – Чай, не моя, хозяйская.

– Верну ужо, – недовольно покосился на него Огнищанин. – Пожди вот...

Успокоил собаку и, заведя девку в избу, затворил за ней дверь. Вернувшись, протянул веревку:

– На!

Благодарно кивнув, дворовый побежал обратно. Борич проводил его глазами, оглянулся зачем-то по сторонам и, тщательно затворив ворота, вошел в избу. Девка бросилась было на улицу... Огнищанин усмехнулся и подставил ей ногу. Споткнувшись, та упала лицом в грязную лужу. Крякнув, Огнищанин сгреб ее в охапку и бросил обратно в избу. Вошел следом, не давая

опомниться, схватил с лавки плеть и принялся охаживать ее по ногам, по голове, щадил лишь лицо, чтоб случайно не выбить глаз.

– Не бей меня, батюшка! – взмолилась воровка. Борич хмыкнул – то было лишь начало. Брезгливо прищурившись, разорвал на девке одежду – та поддалась легко, словно гнилая, расползлась по ниточке, обнажив грудь и плечи. Вот по смуглым от въевшейся грязи плечам этим, по грудям с крупными коричневатыми сосками и прошла яростная плеть Огнищанина. Девчонка верещала, каталась по полу, пытаясь забиться под лавку, и все повторяла: – Не бей. . .

– Это я-то бью? – Борич, тяжело дыша, опустил плеть, наклонился к деве, взял ее за подбородок крючковатыми, неожиданно сильными пальцами. – Не знаешь ты, как бьют. Вот отдам на правеж, узнаешь.

– Ой, не отдавай, дядько.

– Кому дядько, а тебе – господине!

– Не отдавай, господине, – послушно пролепетала дева.

Огнищанин подошел к сундуку, оглянулся:

– Может, и не отдам. Добрый я.

Девчонка затравленно глядела на него из-под грязной копны спутанных, падающих прямо на глаза волос.

– Посажу пока тебя на цепь.

Он вытащил из сундука ошейник с замком, по-хозяйски позвал деву. Та не сопротивлялась. Надев ошейник на шею, Борич замкнул его хитрым замком, пристегнул к длинной цепи, другой конец которой закинул за наружную скобу двери. Осмотрел сделанное:

– Так пока поживешь. Будешь послушной, ослобоню, нет – на правеж отправлю.

Девчонка часто задышала:

– Токмо не на правеж!

Огнищанин, нехорошо улыбаясь, вышел. Покормил собаку вчерашними щами – пес заурчал благостно. Борич погладил его по косматой башке – умный зверюга, сильный – и, взяв деревянные ведра, принес в дом воды. Кивнул на очаг:

– Вон котел: согрей, вымойся.

Сам вышел ненадолго. Налил псу воды в деревянную плошку, тот захлебал, и Огнищанин вернулся обратно в избу. Постоял в дверях, глядя, как моется избитая дева, – тело у нее оказалось хорошим, крепким, хоть и худым, аж кости торчали. Ничего, были бы кости. . .

Подойдя ближе, Борич уселся на лавку:

– Вымылась?

Дева, стесняясь, прикрылась руками.

– Чего жмешься, тля? На правеж захотела? Иль плети отвеждать?

Огнищанин потянулся к плетке.

– Не бей, – жалобно попросила дева.

Борич швырнул ей рядом – вытрись. . . Не дожидаясь, скинул штаны, подошел к девице, положил руку на спину:

– А нагнись-ко. . .

Воровка покорно нагнулась. . .

Борич проделал с ней все, чему обучали девок-рабынь в доме царьградского работорговца Естифея, у которого и сам провел в рабстве три долгих года. Потом похлопал ее довольно по ягодицам, улыбнулся – а ведь не прогадал с девкой! Не девственна, да что с того? Для похоти-то другое надо. Обернулся к обнаженной деве – та стыдливо запунцовела. Взяв плеть, позвал:

– Иди сюда! – С размаху ударил. Дева дернулась, завывла тихонько. – Еще раз застыдишься, изобью до смерти. Поняла?

– Поняла, господине. . . – всхлипнула дева.

– Буду звать тебя... Естифея... Запомнила, тварь?

Нареченная Естифея кивнула. Кончилась голодная и злая свобода. И может, и к лучшему, что появился у нее господин – господин Огнищанин? Дорого бы дал за его голову покойный мерянский князь Миронег, коли б восстал вдруг с того света. А вдруг и вправду восстанет? Поднимет меч, возопит, где, мол, тут Вельвед-волхв? А нет давно никакого Вельведа-волхва, уж лет пятнадцать, как нет, а то и поболее. Нет волхва, а есть – Борич Огнищанин. «Господин Огнищанин».

Глава 4 Это буду я!

*В затишшии сидяще,
Тмами грехи творяще...*

Стихотворные подписи. К «Сборнику» 1647 г.

Апрель 865 г. Киевщина

В конце месяца березозола все зеленело близ славного града Киева: и березки, и клонящиеся к реке ивы, и вербы украсились зеленью, чтоб не стыдно было молодых дубков-парубков, что стояли рощицей на холме, за сосновым леском. Бурно журчали воды в Глубочице, на Притыке, Почайне, вливаясь в разлившийся широко Днепр-батюшку. Покрыла вода – синяя, холодная, снеговая – заливные луга, что тянулись вдоль Глубочицы-речки аж до самого мыса. Ах, холодна водица, студена! Холодна и в реке, а на лугу чуть теплее, самую малость.

Молодой парень, отрок, светлоглазый, с русыми растрепанными волосами, закатав порты, осторожно попробовал воду босой ногою. Передернул плечами – холодно! А солнце, весеннее ласковое солнышко, так припекало уже, так жарило, что отрок, сбросив в кусты кафтанец, истекал потом под тяжелой зимней рубахой. Руки его, и ноги, и даже кончик носа были измазаны глиной, отрок сердито морщился – нет, скорей его можно было б назвать не отроком, а молодым парнем – над верхней губой пробивались уже светлые, хорошо заметные усики, чуть тонковатые губы сжаты твердо, по-взрослому. И взгляд такой же, не отроческий вовсе – тяжелый, приглядистый... Ан нет! Оглянулся парень на солнце, сверкнул озорной улыбкой, и глаза блеснули уже по-другому, весело, задорно, по-детски. Приложив руку к глазам, взглянул на небо – синее и высокое, залихватски свистнул, выдохнул и, мигом скинув одежду, нырнул с разбегу. Поплыл – быстро, разогреваясь, – потом, отдыхая, перевернулся на спину, подставил грудь солнцу. Замерз, снова перевернулся и поплыл обратно, выбрался на берег, запрыгал на левой ноге, выбивая попавшую в ухо воду. Потянулся к одежке... Глянь – а ее-то и нету! Но ведь сюда ж бросал, вот под эту ракицу. Или не сюда? Смешно сморщив нос, парень обвел взглядом кусты. Ласковое солнце быстро сушило кожу, по ногам, из травы, поползли какие-то букашки, блестящий жук уселся вдруг на плечо, парень согнал его, небрежно махнув рукой, задумчиво посмотрел вокруг, почесав на левой стороне груди тусклое-синее изображение волка. Потом вдруг нагнулся к кусту... к одному, второму, третьему...

– Чай, потерял что, Вятша? – раздался из-за кустов насмешливый девичий голос.

Вятша улыбнулся, раздвинул ветки:

– Не меня ль ждешь, дева?

Дева – высокая, пышногрудая, с толстой – в руку – косой, улыбнулась, притянув парня к себе.

– Вон твоя одежонка, сохнет, – целуя в губы, указала на дальнюю вербу. – Что ж на мокрое-то положил?

– Ничего, высохнет, – оторвался от девы Вятша. – И свою б посушила, чай, тоже не суха. – Он потрогал мокрый подол, задышал тяжело, чувствуя ласковую теплоту девичьей кожи.

– Лугом шла, вот, вымокла... – смущенно проговорила девушка. – Инда и правда – посушить?

Хитро сощурившись, она отпрянула от парубка, медленно снимая одежду... широкую льняную юбку, рубаху... Не скрывая восхищения, Вятша любовался молодым крепким телом. Даже почувствовал вдруг, что краснеет.

– Что зарделся? – Девчонка положила ему на плечи руки. – Иль не видал?

Не дожидаясь ответа, она с жаром впилась парню в губы и повалила в траву...

Высоко над ними синело весеннее небо, пели за ракетами жаворонки, желтые пушистые одуванчики щекопали кожу.

– Лобзя... – шептал Вятша. – Лобзя... Любимая... – Выдохнув, он наконец откинулся на траву, погладил девушку по ладному, трепещущему еще животу, спросил: – Замуж пойдешь за меня?

Лобзя счастливо улыбнулась:

– Пошла бы... Да тетка Любомира не пустит. Кто работать-то будет?

Вятша приподнялся, оперся на локоть:

– А давай убежим!

– Убежим? – Карие глаза девушки испуганно округлились. – Что ты! Мир-то кругом незнаемый, страшный. Лучше уж тут... Да и Онфиску жалко. Пропадет здесь одна.

– Мир страшный? – громко воскликнул Вятша. – А здесь тебе не страшно? Что ты видела-то, кроме этой усадьбы да работы с утра до поздней ночи? Даже в Киеве никогда не была. А тут... Тетка Любомира, змея, все кричит, все недовольна, рука у нее тяжелая, сама знаешь. Да и мужик ее, Мечислав, на медведя больше похож, не на человека. Я заметил, как он на тебя да на Онфиску смотрит. Хорошо хоть приходит нечасто...

Лобзя вдруг вскрикнула:

– Ой, я чего пришла-то! За тобой тетка Любомира послала, в Киев пойдешь, к Мечиславу.

– В Киев? – Вятша не знал, радоваться ему или печалиться. С одной стороны – Киев! – с другой – Мечислав, корчмарь гнусный...

– В Киев? – переспросил парень, вспоминая, когда же он там последний раз был. Осенью, когда возили на продажу забитую скотину? Да, похоже, что так. Киев... Светел град, многолюден, весел – давно б сбежал, да Лобзю жалко. Не думал – не гадал, а вот присох сердцем. Как теперь без нее-то? А интересно, как в Киеве названный братец Порубор поживает? Вот и навестить... Вятша улыбнулся.

Лобзя потерлась об его грудь плечом:

– Хорошо в Киеве?

– Славно! Но, конечно, никто там нас не ждет. – Юноша помрачнел. – Можно, конечно, попробовать в дружину наняться, к Хаскульду-князю, воевать я умею... Ждать будешь?

– Не пушу! – твердо отозвалась Лобзя. Потом прижалась крепко: – Что ж ты лежишь? Ну же...

– Двое какие-то пришли засветло, – по пути поясняя девушка. – Ты уже за глиной уехал. Один длинноносый, рыжий, другой маленький, слуга наверное. Мечислава спрашивали... Тетка их сразу в избу впустила, да на нас шикнула. Онфиске велела затворять тесто, а меня за тобой послала, да все выпрашивала, хорошо ль ты Киев-град знаешь.

– Чего ж она тебя-то выпрашивала, не Онфиску? – осторожно ведя под уздцы запряженную в телегу лошадь, поинтересовался Вятша.

Лобзя покраснела:

– А то ты не знаешь?

– Знаю, любя...

– Чего ж тогда спрашиваешь?

– Так... – Вятша, прищурившись, посмотрел на девушку.

Та еще больше зарделась:

– Пошто уставился-то?

Не говоря больше ни слова, Вятша крепко обнял ее и поцеловал в губы.

– Никогда у меня никого родного не было, – прошептал он. – Теперь вот есть – ты.

Лобзя ласково взъерошила ему волосы:

– Пошли уж... Лошадь уйдет.

Тетка Любомира – крепкая, широкая в кости, высокая, словно башня, – дожидалась их в воротах усадьбы. Грубое лицо ее недовольно хмурилось, в правой руке тетка держала вожжи.

– Явились, работнички! Полдня жду, – завидев Вятшу с Лобзей, зло сказала она. Замахнулась на девчонку вожжами...

Вятша ожег ее ненавидящим взглядом, и Любомира все ж таки не решилась ударить. Только пробурчала что-то да прогнала Лобзю в овин помогать Онфиске перекаладывать старое сено. Давая указания девкам, косилась на парня. Слишком заматерел тот, да вишь, как смотрит – волком! Давно б пора окоротить его, давно... Ничего, придет Мечислав, тогда и окоротим, шелковым станет... а не станет... там видно будет.

– В избу не заходи, тут стой, – Любомира строго кивнула на росшую возле амбаров березу.

Вятша пожал плечами – тут так тут – какая разница? Лишь бы девок не трогала. Прислонился к березине, сунув в уголок рта сорванную прошлогоднюю соломину. Ждал.

Любомира, заглянув в погреб, прихватила изрядный кувшин кваса и с поклоном вошла в избу. Надо же! И кому ж она этак кланяется? Любопытство родилось в душе Вятши, и даже не любопытство, а элементарное чувство опасности – что ж это за люди такие, лицезреть которых он не удостоился чести? От кого таятся? И какой подлости от них можно ждать? Не любил Вятша таких непоняток, и радостное чувство, которое он испытал, услышав от Лобзи о предстоящем пути в Киев, сделалось уже и не таким радостным, а скорее тревожным. Взглянуть бы – что за люди? Лобзя-то их видела... Так ее в Киев и не послали, а послали его. Значит, опасаются, что может сболтнуть лишнего... Как бы невзначай Вятша переместился поближе к избе и наострил уши. Ничего толком не расслышал, подошел еще ближе... И едва не столкнулся с вышедшей из избы Любомирой.

– Что ты тут вынюхиваешь? – зло ощерилась та. – Я ж сказала – у березины ждать.

– Да, показалось, позвали.

– Позвали его... Ужо позвали б, так услышал бы! – Любомира скривилась, пряча в глазах тщательно скрываемую ненависть. Ничего, наступит скоро ее время. Сквитается за непокорство, сквитается...

– В Киев пойдешь, – хмуро сказала она. – Отыщешь там, на Щековице, корчму Мечислава-людина. Ну, ты его знаешь, и он тебя. Скажешь, чтоб ехал немедля сюда, на усадьбу, одвуконь. Ежели заупрямится, скажешь – важный человек его ждет, от которого великий может стать прибыльок! Все понял?

Вятша молча кивнул – чего тут непонятного? Спросил только:

– Через реку Лобзя перевезет?

Любомира фыркнула:

– Вот еще! Чай, в доме работы нет? Сам переберешься, лодку в кустах спрячешь, да получше – украдут – шкуру спушу!

– Да кому тут красть-то? – резонно возразил Вятша и подтянул пояс. – Так я пошел?

– Иди, иди... Да, Ораю заодно поесть снеси, заглянешь по пути на пастбище. Горшок вон, у ворот.

Прихватив горшок с мослами, парубок вышел за ворота, оглянулся – не выскочит ли из амбара Лобзя? Нет, не выскочила. Вдохнув, он спустился по тропинке к оврагу, откуда брали

глину, и, поднявшись на холм, свернул к пастбищу, где паслись уже на свежей травке коровы. Учув его, радостно залаял за оградой Орай – крупный, похожий на теленка пес.

– Ну, не лай, не лай, Орайко. Ешь вот. – Вятша опустил на траву горшок. – Кушай.

Погладил пса по загривку, тот, чавкая, радостно замотал хвостом. Парубок задумчиво посмотрел на усадьбу. Ее и не видно-то было отсюда, только торчала из-за рощицы крытая камышом крыша.

– Кушай, кушай, Орай, – прошептал Вятша и усмехнулся. – Леший с ними, с гостями теткиними. Ужо, по приходе, посмотрим. Нешто этак и просидят все время в избе? А не дура Любомира, знала, что запросто можно его в Киев послать, не убежит, возвратится. А отчего так думала? Видно, проведала про него и Лобзю... Да и трудно было бы про то не проведать, не особо-то они и таились. А принести Лобзе подарок из Киева – гребешок али браслет стекльчатый! Ну, и Онфиске что-нибудь... Вятша ощупал пояс, вытащил запрятанную монетку – маленькую, блестящую, медную – ромейский обол. Невелико богатство, а все ж гребешок купить можно. Покрасивей только выбрать, Порубора навестить, посоветоваться... Эх, что ж он тут расселся-то?

Вскочив на ноги, парубок быстро направился к лугу. Ярко синело небо, и солнце светило так ласково, и легкий, пахнувший луговыми травами ветерок трепал волосы. Хорошо! Изгиб реки блеснул за лугом, над затопленными разливом мостками темнел привязанный к дереву челн. Хорошо! Вытащив из кустов весло, Вятша развязал веревку и с силой оттолкнулся от берега.

– Вернется парень-то твой, не сбежит? – завидев вошедшую хозяйку, поинтересовался один из гостей, хозяин. Второй – маленький, неприметный мужичок в плохонькой одежке – молча сидел в уголке.

– Не сбежит, – усмехнулась та, поставив на стол горшок с просяной кашей.

– Что, так верен?

– Не то чтоб оченно верен... – Женщина неожиданно засмеялась. – А есть тут чем его удержать.

– Девки?

Любомира согласно кивнула, покосившись на гостя. Вроде бы обычный – длинноносый, рыжеватый, бледный – но глаза! Черные, нелюдские, страшные! Посмотрит – словно ожжет плетью.

Вятша добрался до Киева быстро – солнце еще не село, сияло весело в густо-голубом небе, пуская по речным волнам ярких оранжевых зайчиков. В кустах, вдоль всей пристани, пели птицы. Горели костры, черные дымы поднимались вверх, вкусно пахло похлебкой. Вокруг кипела работа – артель плотников готовила ладьи: смолили, забивали разошедшиеся щели паклей, заменяли подгнившие доски. Вятша повел носом воздух, сглотнул слюну. Покормит ли Мечислав? Должен бы... Парень резко ускорил шаг, войдя в город, свернул к Подолу, прошел людными улицами, многие: кузнецы, кожеяки, горшени – уже заканчивали работу, выходили на люди, развеяться, новостей послушать, себя показать. Пара косматых с увесистыми посохами волхвов в одинаковых ожерельях из птичьих костей, окруженные любопытствующими людьми, деловито дули на небо. Предсказывали погоду. Вятша подошел ближе послушать.

– А на седмице, яко поиде Велес на гору, да на пригорки Перуновы, да глянь-поглянь на дождище, да на солнышко красное, да возрадуйтеся, да не по суху земле, а по небу синему, да по грому-молонье, да...

Как ни силился Вятша, так и не смог распознать, что ж за лето предсказывали волхвы – уж больно уклончиво говорили – то ли дожди все время будут, то ли, наоборот, ведро?

Плюнув, парень разочарованно отошел, свернул к торгу, подумав запоздало – а не разошлись ли торговцы? Конечно же расходились уже, что ж им, до ночи тут стоять, в рядах? Вятша стукнул себя по лбу – вот дурень! Называется – купил девам подарок! А нечего было стоять рот раззявля да волхвов слушать! А завтра и времени-то может не быть. Мечислав, он ведь с утра раненко к Любомире погонит, чего выжидать-то? Вятша вдруг улыбнулся – придумал! Схватил за рукав пробежавшего мимо отрока:

– Эй, паря, где гребенников улица?

– Гребенников? – ковыряя в носу, переспросил тот. – Кажись, там, у Копырева конца, где ложечники да посудники.

– У Копырева конца? – обрадовался Вятша. – Вот славно! Как раз по пути.

Он вовсе не собирался сразу же тащиться на Щековицу, к Мечиславу. Дружка навестить, Порубора, да девчонкам подарков прикупить – вот главное-то дело!

Гребенников-косторезов отыскал быстро – не впервой в Киеве – прикупил на медный обол пару дивных гребней, да у стеклодува – браслетик синенький – Лобзе. Спрятал все в суму, за плечо закинул, улыбнулся: красота, одно дело сделано! Теперь бы другое – Порубора увидеть. Девчонка одна, Любима, пригрела сироту, вернее, тятенька ее, старый Зверин, что держал на Копыревом конце постоялый двор. А там уже былолюдно! Еще бы – со всей земли Полянской, да от соседей, с древлян, стекались купецкие – с медом, с воском, с мехами – ждали каравана, что снарядит вскорости «в греки» князь Хаскульд – Аскольд, как и всегда по весне бывало. Войдя в ворота, Вятша углядел девушку – стройная, проворненькая, с иссиня-черной косой, та деловито настропаливала тесто у открытого очага – чай, тепло уже было, чего ж в доме, в духоте-то сидеть? Ее помощница, рыжая смешливая Речка, что-то рассказывала, передразнивая кого-то, видимо, постояльцев, от чего обе то и дело заходились смехом. Так и месили – в четыре руки, в большой глиняной корчаге.

– Эй, Любима, – позвал новый гость.

Девчонка оторвалась от теста, вскинула черные очи.

– А, Вятша, – улыбнулась она. – А Порубора нету – третьего дня с охотниками ушел за Почайну.

– А когда вернется? – Вятша погрустнел.

– В следующую седмицу обещался. Да не хмурься ты так, порадоваться за Порубора надо – шутка ли, почитай почти всю зиму без работы сживал, так хоть сейчас...

– Кого повел-то?

– Да леший их знает. Несколько ногат обещали. – Любима пожала плечами. Потом вытащила из корчаги грязные – в тесте – руки. Сполоснула в стоявшем рядом тазу, раскатала рукава, снова взглянула на парня: – Пошли-ка в дом, покормлю.

Вятша не стал отказываться – проголодался изрядно. С удовольствием умял миску сытной, заправленной житом похлебки с рыбой. Поев, поклонился Зверину, самолично несущему несколько кружек с квасом – видно, важным гостям, купцам каким-нибудь. Ну да... Вон один – толстый, веселый, в яркой синей рубахе – подобная была когда-то у Порубора – ишь как лихо опрокинул кружку, любо-дорого посмотреть! Сказал сидевшим рядом что-то смешное. Засмеялся и Зверин, поставив кружки на стол:

– На здоровье, господине Харинтий!

Забрав грязные кружки, кивнул по пути Вятше, показал глазами на купцов – рад, мол, видеть, поговорил бы, да некогда. Впрочем, и парень был не очень-то расположен время терять – до Щековицы путь не близок, а уже темнело.

Поев, встал и, уже уходя, еще раз поклонился хозяину, тот – коренастый, до самых глаз бородищей косматой заросший – махнул рукой – иди, после пообщаемся, в другой раз как-нибудь. Выйдя на двор, Вятша простился с девчонками и, спустившись по кривой улочке к Подолу, зашагал вперед, огибая заросший бузиной и орешником холм. Поспешал – темнело

уже, и серебристый месяц покачивался над вербами, а на небе медленно зажигались звезды. Где-то невдалеке лаяли псы. Совсем рядом, на склоне холма, за плетнем мычали коровы и недовольно гоготали гуси.

Мечислав-людин встретил посланника неприветливо, впрочем, он и всегда был хмурым. Даже не накормил толком – кинул зачерствевшую лепешку да плеснул в деревянную кружку студеной водицы. Что ж, спасибо и на том.

Буркнул:

– В овине поспишь. На сене.

А изрядно, видать, у него сенца заготовлено! Хотя чему удивляться, коли по осени от Любомиры аж два воза вывез. Ну, на сене так на сене.

– Завтрева встанем рано, – предупредил Мечислав, несколько неуклюжий, грузный, он чем-то напоминал вставшего на дыбы медведя. – Что за важный гость-то?

– Да не видал я, дядько Мечиславе, – отмахнулся Вятша. – Не знаю. Любомира меня и в избу-то не пускала, да и девок тоже. Самолично из погреба квас таскала.

– Самолично, говоришь? – переспросил Мечислав. – Ну, значит, гость и в самом деле важный. Ин, ладно – завтра увидим. Ну, иди спи – чего расселся? Овин где – у служек спросишь.

Вятша усмехнулся – и чего это Мечислав его так настойчиво выпроваживает? Вроде и не поздно еще. Видно, дела какие-то у него тайные. Ну, да леший с ним и с делами его. Сейчас выпастся-то – в самый раз – притомился за день. Выпросив у прижимистого корчемщика старый нагольный полушубок – чай, не лето, в овине-то спать! – парень вышел во двор, едва не столкнувшись в дверях с тощим чернявым мужиком, круглолицым, жукоглазым, хитрым. Тот задержался на пороге, и Вятша вдруг отчетливо вспомнил его – Истома! Истома Мозгляк. Тот, что сторожил их с Порубором у старой ведьмы. Истома, видно, тоже узнал парня, ощерился:

– Что, сбежал от ведуньи?

– Сбежал. – Вятша оттер его плечом. – Дай пройти.

Не очень-то хотелось ему предаваться воспоминаниям с этой чернявой собакой. Едва ведь не сгнули из-за него у колдуньи.

Истома посторонился, прошептал в спину:

– Иди, иди, паря...

Проводив Вятшу глазами, вошел в корчму, бросился к Мечиславу:

– Это кто там у тебя по двору ходит?

– Да Вятша. Парень с дальней усадьбы. – Корчмарь пожал плечами. – Что ли, знакомец?

– Знакомец, – злобно пробурчал Истома. – Таким бы знакомцам да ножик под сердце!

Мечислав засмеялся:

– Тебе дай волю, так весь Киев обезлюдеет. Чего лыбишься-то?

– Да так... – Мозгляк хитро прищурился. – Говорят, намедни видали на пристанях койкого.

Корчмарь вопросительно посмотрел на него.

– Из тех, с кем ты о-оченно посчитаться желал, – пояснил Истома.

– Не томи! – сверкнул глазами Мечислав. – Никак Зевоту видали?

– Его, – кивнул круглой головой гость. – С артельными пришел ладьи конопатить.

– Ладьи, говоришь... – Хозяин корчмы зло скривил губы. – Нуно... А кто видал-то?

– Да есть тут людишки, – уклончиво ответил Мозгляк. Не всех же соглядатаев выдать Мечиславу, у него и своих хватает, в отличие от Истома, который после бегства неведомо куда своего властного покровителя – князя Дирмунда – заметно сдал, иссох и словно бы стал ниже ростом, поседел даже. Поседеешь тут, с такими делами. Мечислав-людин, ранее, в бытность Дирмунда-князя у власти, заискивавший перед Истомай, сейчас чувствовал себя полным хозяином ситуации. Ничуть не смущаясь, заставлял Мозгляка отрабатывать ночлег и корм – а

тот уже был далеко не мальчик и ночные промыслы в составе бригады разбойничков-лиходеев вовсе его не радовали. Справились бы и без его пригляда лиходеи, так нет... Истома тоскливо взглянул на дрожащее в очаге пламя: эх, возвратился бы князь...

– Не вздыхай, не вздыхай, человеце, – угрюмо усмехнулся корчмарь. – Готовься лучше. Сеночь с Упырем на пристань пойдете, артельных потреплете – чую, зажирели они. Заодно и Зевоту там посмотрите. Сами не вздумайте трогать – сюда приволоките, а уж я... – Мечислав зло ощерился. – Эх, Яриле, Яриле... Чудный бы тать из тебя вышел, кабы... Ну, инда что говорить? Готовь кистень, ужо посейчас и соберутся ватажнички.

Вятша проснулся от шума: во дворе скрипели тележные колеса, мычали вола, громко ругались какие-то люди. То и дело хлопала дверь корчмы, в призрачном предутреннем свете маячили тусклые тени.

– Ну, что, гляжу, поймали врага! – донесся довольный голос хозяина корчмы. Ему ответил кто-то знакомый. Вятша осторожно высунулся наружу. Стоя под навесом, Мечислав-людин освещал факелом двор – крытые рогожей возы, вола, кони. Несколько человек во главе с Истомай полукругом встали перед навесом, двое из них держали за руки какого-то взъерошенного парня.

– Поди, не чаял меня увидеть, Яриле? – поднеся факел к самому лицу парня, так, что у того едва не вспыхнули волосы, язвительно осведомился Мечислав и засмеялся.

Хохот его враз подхватили остальные, посыпались скабрзные шутки и комментарии:

– Как мы его на пристани-то подловили?!

– Он-то думал, девки зовут, а то Неруч был!

– Эх, не надо было тебе зевать, Зевота.

Зевота? Вятша встрепенулся. Он знал Ярила Зевоту – парня, к которому была неравнодушна Любима, по осени они вместе с Ярилом даже как-то пили квас в корчме дедки Зверина. Порубор еще тогда с ними был, рассказывал, как долго не верили ему Зверин с Любимой тому, что он их родич. Хохотали. Потом пришла к ним и Любима, подседа к Ярилу, ластилась... Значит, схватил Мечислав Ярила? А зачем? Наверное, какие-то нехорошие дела раньше были у них вместе, теперь-то Зевота плотничал с артельными, Киев навещал тайно – опасался кого-то. Ну, теперь ясно – кого... Как же ему помочь-то?

– Давайте парня в амбар, – распорядился корчмарь. – Пущай посидит до вечера, не вернись покуда. Да приготовьте лошадей, скоро в путь. И этого... Вятшу будите – хватит ужо ему спать, пора собираться.

Скрипнув, хлопнула дверь, и дрожащий свет факела скрылся за нею. Двое слуг – или лиходеев? Впрочем, у Мечислава все они были друг с дружкой повязаны – не очень-то торопясь поволокли по двору связанного Ярила.

– Куда его деть-то? – широко зевнув, спросил один другого.

Тот сонно потряс головой:

– В овин хозяин сказывал.

– Так куда ж мы его тянем? Овин-то – вот он. А ну, поворачивай, тля!

Вятша проворно зарылся в сено. Отворилась дверь, и внутрь втокнули Зевоту. Тот, споткнувшись, упал вниз лицом. Засмеялись:

– Сиди, паря.

– Гады! – с трудом поднимаясь на ноги, бросил в захлопнувшуюся дверь пленник.

Вятша зашевелился в соломе, позвал вполголоса:

– Ярил! Яриле...

Зевота вздрогнул...

Они успели переговорить, покуда опростоволосившиеся служки не выпустили Вятшу наружу. Увидев в овине обоих, заскребли шеи. Один попросил Вятшу:

- Ты это... не говори Мечиславу. – Он кивнул на ослабившегося Ярила.
- Не скажу, – пообещал парень. – Надо больно...

Выехали засветло – корчмарь дозволил даже воспользоваться конем, низеньким, косматым, зато выносливым. Так и скакали одву-конь – впереди Мечислав, за ним хмурый Вятша. Хоть и проговорили обо всем с Ярилом – да как оно еще выйдет-то? Как спустились с холма к развилке, Мечислав придержал коня, обернулся:

- Ты челн где оставил?

Вятша возликовал в душе – вот он, шанс на спасение Ярила, но виду не подал, буркнул только, что за Подолом.

– За Подолом? – вздернул брови корчмарь. – Это мимо пристаней, что ли? – Связвил тут же: – Покривей-то не мог дорожку сыскать?

- Так там разливы везде.

– Разливы... – недовольно повторил Мечислав, сворачивая к мосту через Глубочицу. – Таскайся тут теперь полдня.

Ну, делать нечего, поскакали. По мосточку через Глубочицу, дальше близ холма, к Почайне, во-он и Подол – заалели впереди крыши. За Почайной-рекой в сизых тучах вставало солнце, красное, холодное, неласковое – видно, день обещал быть ненастным. Задождит, разверзнутся хляби, да как бы не было града – побьет озимые. Справа замаячила широкая лента реки – Днепр – с серыми широкими мостками и привязанными к ним ладьями. Несколько судов было вытянуто на берег – для ремонта. Жившие тут же, в шалашах и сооруженных на скорую руку хижинах, артельщики уже поднялись, разжигали костры, варили в котлах похлебку да грели смолу – конопатить доски.

Достав нож, Вятша перерезал подпругу, чувствуя, как съезжает на бок седло, закричал Мечиславу:

- Эй, постой-ка, дядько!

Корчмарь недовольно повернулся в седле:

- Что еще там у тебя?

– Да подпруга лопнула.

– Тьфу ты... Что ж ты, не видал, что гнилая?

– Откуда ж, дядько? Хорошо хоть народ рядом... Сейчас живо дратву сыщу!

Мечислав остановил коня, скривился:

- Давай поживее.

Вятше только того и надо! Вмиг спрыгнул с коня, побежал к кострищам, поклонился:

– Да помогут вам боги. Дратвы нет ли?

– Дратвы? Найдем. Погодь, и иглу сыщем.

– Вот благодарствую. А старшой ваш где, Корислав-лодейщик?

– Во-он, у реки, моется. Тебе почто он?

– Да так, пару слов молвить.

Парень проворно спустился к реке. Здоровенный рыжебородый мужик, по пояс голый, закатав порты, стоял по колено в реке и, довольно кряхтя, обливался студеной водицей:

– Эх, хор-рошо!

– Не ты ль Корислав, артельный староста?

Мужик оглянулся – не молод уже, а мускулы – всем бы такие. Прищурил глаза, уставился на Вятшу:

– Я-то Корислав, а вот ты кто такой будешь?

– Поклон тебе от Ярила Зевоты. – Не вдаваясь в не относящиеся к делу подробности, Вятша сразу перешел к главному: – Прознали про него дружки старые, схватили, предать хотят лютой смерти!

Корислав быстро вышел на берег.

– Схватили, говоришь? То-то не видать его... – Артельщик окинул Вятшу цепким взглядом. – Где он, говоришь?

– На Щековице, в корчме Мечислава-людина. Там держат.

– Держат? – Мужик усмехнулся. – Ништо... Хороший парень Ярил, ослобоним, выручим.

– Там людишек лиходейных в достатке, – оглянувшись, предупредил Вятша.

Корислав неожиданно рассмеялся, показав белые крепкие зубы:

– Так и мы, чай, силушкой не обижены! Не сомневайся, выручим Ярила, прям сейчас и пойдем, пока в корчме не очухались. – Он повернулся к кострам, закричал: – Эй, Гвоздай, Маета, Горшеня!

Артельные мужи – могучей статью ничуть не отличавшиеся от своего старосты – оторвались от похлебки:

– Звал, Кориславе?

– Звал, звал. Такое дело... Корчму на Щековице знаете?

Довольный Вятша прихватил драгву с иглой и, быстро наладив седло, вернул инструмент обратно.

– Долго ты что-то, – буркнул ему корчмарь.

– Так покуда иглу сыскал, дядько.

Покрытый утренним туманом Днепр с шумом бросал волны на низкий берег, покачивая привязанные к причалам суда. Маловато их еще было – сезон только начинался, месяц еще – и появятся здесь шустрые долбленки-моноксилы, многочисленные челны да плоскобрюхие ромейские скафы. Зашумит пристань разноязыким говором, заиграет одежками разноцветными, зачиная извечный, как небо, торг. А пока – тихо. Слышно даже, как плещут по воде весла. Сильно плещут, видно, не рыбацья лодка – ладья. Мечислав остановился из любопытства. Из тумана выплывало к пристаням узкое военное судно – насад – долбленое, с надставными бортами. Червленые щиты свешивались с бортов, мерно взлетали весла. С носа щурилась загадочная фигура – то ли Даждь-бог, то ли Велес, то ли Мокошь. Разогнавшись, ладья едва не врезалась в причал, да ловко затабанила левым бортом, мягко ткнувшись в мостки правым, – кормчий был опытен. Еще б не опытен – даже отсюда, с холма, было слышно, как приветствовали его артельные:

– Славен будь, Греттир-господине!

Греттир. Греттир из Вика, Хаскульдов воевода – длинный, рыжий, мосластый, с бельмом на глазу, так его и прозвали в Киеве – Греттир Бельмо. Кормчий изрядный, как почти все варяги, и один из немногих своих соплеменников, заслуживший искреннее уважение киевлян. Туман клубился над берегом, почти скрывая ладью и выскакивавших из нее воинов. Мечислав хлестнул коня, вслед за ним взял в галоп, и Вятша, оглянувшись напоследок, будто чувствовал что-то, да чуть не попал в овраг, и больше уже не оборачивался. Не видел, как вслед за Греттиром ловко выпрыгнул на мостки тоненький черноволосый отрок с раздумившимся лицом. Тщательно подстриженные по киевской моде – горшком – волосы стянуты щегольским ремешком с тисненым золотым узорочьем, поверх желтой, с вышивкой красным, рубахи – синий варяжский кафтан с серебряными пуговицами, наборным пояском подпоясанный, на ногах – сапожки сафьянные – щеголь, да и только. Однако с виду скромн и – видно – встревожен чем-то.

Воевода Греттир обернулся к нему:

– Готов, Порубор?

Отрок кивнул, зарделся и быстро пошел вслед за Греттиром. Увидев варяга, расступилась воротная стража, пропустила с поклоном. У воротных же прихватил Греттир пару коней, сказал – по важному делу. До детинца домчались вмиг, взлетели на холм соколами:

– Отворяй!

– Кто такие? – высунулся из башни молодой, безусый еще, воин.

– Зенки протри! Греттир из Вика с проводником Порубором. Ко князю немедленно!

Аскольд – Хаскульдконунг – любимый воевода Ютландца, а ныне – киевский князь – принял гостей тут же. Выглянул самолично с крыльца – кто это тут с утра пораньше буянит? Узнав Греттира, махнул рукой – мол, заходите. Вооруженные копьями гриди, околь-чуженные, в остроконечных блестящих шлемах, молча посторонились у входа. Хаскульд ждал их, сидя в глубоком кресле из ясеня. Высокий, седобородый, крепкий, в длинной, до пят, тунике из плотной бордовой шерсти. Умные глаза проницательно оглядели вошедших.

– Рад тебе, Греттир из Вика. Кто это с тобой? – спросил князь по-варяжски.

– Проводник. Порубор-отрок, – отозвался Бельмо.

Порубор низко поклонился, приложив руку к груди. Греттир повернулся к нему:

– Расскажи князю, что видел.

– Ты знаешь язык людей ясеня? – поднял глаза Хаскульд.

– Да, и думаю, что неплохо, – покраснел Порубор. – Я видел Дирмунда.

– Где? – Длинные пальцы Хаскульда с силой сжали резные подлокотники кресла.

– В лесу, на пожарище возле старого капища.

– Видишь ли, князь, мы обзревали древлянское порубежье, и я взял проводника... Вот его. – Греттир Бельмо положил руку на плечо отрока. – Он и увидел.

– Князь Дирмунд молился в капище, – продолжил рассказ Порубор. – Я узнал его, так как неоднократно видел и раньше. Он меня не заметил, поглощенный молитвой, я же не стал показываться на глаза, побежал к реке, к Греттиру-воеводе.

– Когда мы с воинами явились к капищу, там уже никого не было, – пояснил Греттир. – Я уж думал – показалось, но он настаивает!

– Дирмунд был один? – Хаскульд поднялся с кресла.

Отрок покачал головой:

– Нет, со слугою.

Князь недовольно покусал ус:

– Я имею в виду – не было ли с ним воинов?

– Нет, воинов не было... Впрочем... – Порубор замялся. – Может быть, я их просто не видел.

– И никаких следов? – Хаскульд недоверчиво воззрился на воеводу.

– Нет, князь, – покачал головой тот. – Кроме волчьих.

– Кроме волчьих... – задумчиво повторил князь и заходил кругами по горнице. – Эх, Дирмунд, Дирмунд, я верил тебе, как самому себе. Мы вместе начинали здесь великое дело и вместе ушли от Ютландца, и ты мог бы стать со временем истинным князем, заменив меня, если бы... Если бы не захотел полной власти. Хорошо, молодой Хельги-ярл вовремя предупредил меня об этом. Впрочем, я и так уж догадывался. Нет ничего хуже предательства... – с горечью промолвил конунг и посмотрел на Греттира: – Ты помнишь, как я сказал Дирмунду, что не хочу больше видеть его рядом? Как отпустил его на все четыре стороны, хотя многие советовали казнить, но... слишком многое он для меня сделал, чтобы быть неблагодарным, ведь это Дирмунд уговорил меня покинуть Рюрика, и Дирмунд же помогал управлять Киевом, помог и власть взять. Умен, ничего не скажешь. Если б он только знал, как не хватает сейчас его ума, его напористости и знаний! Клянусь Одним и Перуном, я простил бы его, если б он явился с повинной и честно покаялся, взглянув мне в глаза! Но вот так... возвратиться тайно, по-волчьи... – Покачав головой, Хаскульд перевел взгляд на воеводу: – Ты возьмешь с собой воинов, славный Греттир из Вика, разыщешь предателя и приведешь его ко мне, чего бы это ни стоило.

Ни слова не говоря, Греттир склонился в поклоне.

К полудню Мечислав-людин и Вятша добрались наконец до усадьбы Любомиры. Лил дождь, и оба насквозь промокли, кляня на чем свет стоит волхвов-облакогонителей, это ведь, верно, они накликали тучи. И на этот раз Вятшу не допустили в избу, да он не больно-то и рвался, уселся у летнего очага, под навесом, переоделся в сухое, развесив на просушку одежду. Лобзя присела рядом, погладила по плечу:

– Благодарствую за подарок.

Парубок улыбнулся – видно, по нраву пришлись деве и костяной гребень, и витой браслетик синего густого стекла. Оглянувшись на избу, прижал к себе Лобзю, засунул руку за ворот рубахи... Другая рука скользнула к подолу.

– Тише ты, – прошептала девчонка. – Чай, увидят!

– А давай на пастбище убежим, – предложил Вятша. – Или – в амбар.

Лобзя счастливо улыбнулась:

– Уж лучше в амбар, эвон, дождь-то! Покуда до пастбища добежим...

Они юркнули в амбар, прикрыв дверь, Вятша стащил с девчонки одежду, почувствовал знакомое тепло кожи...

– Вятша! Вятша! – внезапно донеслось со двора. – Да где ж тебя леший носит? В амбаре, что ли? Сходи посмотри, Онфиска... Да ежели там, пускай сюда поспешает.

Около амбара послышались тяжелые шаги Онфиски – девушки, как и Лобзя, не слабой, кровь с молоком. Лобзя проворно натянула рубаху, как раз вовремя.

– Ой, а вот вы оба где! – заглянула в амбар Онфиска. – Собирайся, Вятша, хозяйка зовет. Вятша с неохотой поднялся с сена:

– Ну, что там ей еще надобно?

Хозяйка Любомира дожидалась его под навесом:

– Пойдешь к реке, подождешь гостей у лодки. Весла приготовь да воду вычерпай. Лошади-то не убегут, чай?

– Не убегут, надежно привязаны.

– И славно. Ну, беги, не стой же.

Прихватив новое весло – старое-то не очень надежным было, – Вятша выбрался за ворота и сплюнул. Дождь все поливал – стоило ли переодеваться? А может, скинуть одежду вообще, спрятать под куст, да и сидеть в лодке так, голым? Не, холодно будет, да и рубаха уже вымокла.

Перевернув челн, он вылил из него набравшуюся дождевую воду, затащил под куст, сам уселся на корточки рядом. Ждать пришлось недолго, вскоре за кустами послышались голоса, и к разливу вышли трое: Мечислав-людин, незнакомый мужичонка низенького роста и третий... Вятша едва не вскрикнул – третьим был князь Дирмунд! Тот самый, по чьему приказу Вятша и такие, как Вятша, должны были бы стать безумными воинами-волками, по чьему приказу они убивали друг друга, по чьему приказу чуть было не погиб страшной смертью и сам Вятша! Да, это он, Дирмунд! Рыжеватый, с вислым унылым носом... И глаза! Черные, сверкающие, жгучие! Бежать немедленно? Так уже поздно.

– Ну и где тут челн? – Князь Дирмунд равнодушно повернулся к парню. И тот вдруг возликовал – не узнал! Не узнал же! А если б он, как собирался, скинул рубаху, показав выжженного на груди волка? Пожалуй, его тут же бы и порешили, а так... А так еще поживем! А может, опрокинуть князя-волка в студеную воду? Интересно, выплывет?

– Останешься здесь, – словно подслушав его мысли, хмуро произнес Мечислав. – Челн не выдержит четверых.

– Но как же...

– Вплавь, – жестко усмехнулся корчмарь. – Не так и холодно, а расстояние до того берега небольшое. Приплывешь и заберешь челн, весла мы оставим.

Вятша ничего не ответил. Следил лишь, как забирается в лодку Дирмунд. Вот челн качнулся... может? Нет, тут же и выпрямился. Низенький слуга протолкнул лодку вперед и, быстро запрыгнув сзади, зашевелил веслом.

– Чтоб вам перевернуться! – сплюнув в мокрую от дождя траву, от всей души пожелал им раздосадованный парень.

Они, конечно же, не перевернулись, доплыли до лошадей. Князь с Мечиславом поехали верхом, а слуга побежал сзади. Он был вынослив и не боялся отстать. Вскоре впереди показались серые городские стены, сквозь разрывы туч освещенные вымытым, клонившимся к горизонту солнцем. Проехали мимо пристани – ни Мечислав, ни Дирмунд не заметили вдруг резко отпрянувшего от них молодого лохматого парня.

– Фу, ты, леший, – прячась в кустах, передернул плечами Ярил Зевота. – Чуть не столкнулся. Эй, дядько Корислав, смола закончилась!

– Чего в кустища забрался, живот схватило? А смолу возьми, эвон, в бочке.

Так и проскакали Мечислав с Дирмундом мимо. Из распахнутых ворот навстречу им вынеслись всадники во главе с Греттиром из Вика. Увидев прямо перед собой – буквально в двух шагах – опального князя, Греттир осадил коня:

– Тебя ли вижу, Дирмунд из Халогаланда?

Дирмунд тоже узнал его. Нахмурился – видно, подобная встреча никак не входила в его коварные планы. Оглянулся по сторонам, словно затравленный зверь... и вдруг глаза его вспыхнули радостью.

– Рад тебе, славный Греттир из Вика, – громко произнес князь. – По здраву ли Хаскульд-конунг?

– По здраву, – несколько ошарашенно ответил воевода, раздумывая, отдать ли приказ тут же схватить предателя.

– А я ведь к нему поспешаю, – неожиданно улыбнулся Дирмунд. – Хочу явиться поскорей пред его светлые очи.

Воевода потеревил усы:

– Так и мне, выходит, теперь туда же.

– Едем же вместе, славный Греттир. Поспешим!

Только бы Хаскульд принял его один, тогда... Тогда есть все шансы на удачный исход. Похоже, пока все так и складывается. А если не примет сразу, если велит бросить в подвалы? И казнить без суда, как предателя, взалкавшего власти? Тогда нужно будет выбирать. В конце концов, с ним Камень. Волшебный камень Лиа Фаль, символ древних богов Ирландии. Жестоких кельтских богов, чьим жрецом давно уже был Дирмунд, вернее, принявший его облик Форгайл Коэл, Черный друид смерти. Ничего, ведь Дирмунд вскоре станет истинным князем в Киеве, именно так начертано в предсказаниях, и никто не изменит норн приговора!

– Никто не изменит норн приговора, – зловеще повторил Дирмунд, поднимаясь по крутым ступенькам крыльца.

Хаскульд принял его один – слава богам, надо будет поскорей принести им человеческую жертву!

И друид, незаметно достав из-за пазухи Камень, смиренно склонил голову.

– Прости меня, князь... Ты ведь собирался простить меня, ты этого хочешь, ты желаешь, чтобы все было как раньше: ты – правитель, я – твоя правая рука.

– Я давно собирался простить тебя, Дирмунд, – вздрогнув, неестественно ломким голосом произнес князь. – Хорошо, что ты пришел повиниться сам. Пусть будет, как раньше: ты – моя правая рука. – Он обернулся к приоткрытой двери: – Слышите все? Слава ближнему боярину Дирмунду!

– Слава! – эхом отдалось за дверью.

Уже ночью друид решил выполнить обещанное богам. Самолично взнуздав коня, выехал из детинца, свернул на Щековицу. Ветер разнес тучи, и желтая луна, выкатившаяся на небо, ярко освещала путь. Тянулись по сторонам черные холмы и деревья, и черные крыши домов маячили на фоне звездного неба. Усадьбы угрюмо щетинились частоколами, черными, как и душа друида. Впрочем, была ли у него душа?

Дирмунд ухмылялся. Кажется, в корчме Мечислава богов ждала хорошая жертва?

– Упустили! – хмуро ответил на его вопрос Мечислав. – Ух, ленивые твари!

– Мхх! – злобно выдохнул Дирмунд. Где ж сыскать теперь жертву? Ничего не попишешь, придется возвращаться несолоно хлебавши. Князь резко поворотил коня, чувствуя, как кто-то хватается под уздцы. Оглянулся – Истома.

– Не бросай,

– После с тобой, – отмахнулся друид. – Жди.

Ткнул шпорами коня так, что прыснула кровь, и скрылся в сырой апрельской ночи. Впереди, на мосточке через Глубочицу, увидел одинокого всадника, во весь опор мчащегося прочь.

– А ты не так-то прост, Хаскульд-конунг, – поглядев ему вслед, невесело усмехнулся друид. – Послал следить за мной. Значит, не очень-то действуют на тебя мои чары, наверное, кто-то из твоих предков был кузнецом... Что ж, и мне нужно быть осторожней. Втираться в доверие, восстанавливать прежние связи... и не только связи, все прежнее: капища, волчьи дружины, страх. Восстановлю. И никто здесь не сможет остановить меня! Никто... Кроме молодого ублюдка – Хельги, сына старого Сигурда. Он – тот, кто может. Единственный! Но вспомнит ли он о своем долге? Узнает о возвращении – вспомнит. Хоть и где-то далеко сейчас, у Ютландца. Говорят, снова в Альдегьюборге. А может, и не там. Узнать. Узнать и послать людей! Ты, Хельги-ярл, наглый ублюдок Хельги, мешал мне здесь, в киевской земле, мешал, как только мог, разрушая все, что я с таким трудом создал. Теперь же – я буду тебе мешать, я, друид Форгайл Коэл, нанесу тебе удар первым! И стану терзать тебя, не давая покоя. Я уничтожу тебя, а если и нет, то не дам тебе покоя – и ты никак не сможешь помешать мне на пути к власти. У тебя будут другие заботы. Слишком много забот, слишком... Ты хочешь стать князем в Альдегьюборге? Попробуй! Мечь моя достигнет тебя в твоём собственном логове. Испытывающие все больший страх люди скоро перестанут верить тебе и даже, быть может, поднимут на копыта – а спорить с массой людей не хватит никакого колдовства, даже если оно у тебя и есть. Страх, недовольство и ненависть. Вот что встретит тебя в землях Альдегьюборга! За тем туда и послан Лейв с верными людьми, оставшимися от прежней дружины. Лейв жесток и верен, но слишком прямолинеен. Послать Истома – да, этот будет получше, но пусть действует в городе. Эх, самому бы... Впрочем, почему бы и нет? Часть меня останется здесь, в Киеве, восстанавливать разрушенное, а часть отправится в Альдегьюборг – разрушать! И я найду подходящее обличье, уже нашел, слава богам! Есть некто, кто не будет подвластен этому миру, а только лишь мне. И никакое колдовство не будет влиять на него, ибо он – выходец издалека. Из такого далека, что и вымолвить страшно! И самое главное, он верит мне так же, как верят богам. О, я вызову тебя, парень! И ты дашь мне свое тело. Крепкое молодое тело. Я сделаю это, и тогда трепещи, Хельги-ярл, ублюдок Хельги, ты встал у меня на пути, теперь моя очередь. И поглядим, кому будет больнее!

Нахлестывая коня плетью, неся друид по ночным улицам Киева, залитым призрачным светом луны. Подъехав к детинцу, в нетерпении застучал в ворота рукоятью меча и едва дождался, когда откроется створка.

В то же предраассветное время на Копыревом конце, на постоялом дворе Зверина, не спали двое: Ярл и Любима. Сидя у очага, парень гладил черные, распущенные по плечам волосы девушки, смотрел в ее темные очи, не смея думать о большем. Нет! Эта девушка останется чистой! И станет его женой, обожаемой и любимой. Не зря же ее так называли!

– Свет мой, – тихо шептал Ярил. – Я должен ненадолго уехать... так, заработать на свадьбу выкуп.

Любима вдруг сильно тряхнула головой:

– Не лги мне, Ярил. Староста Корислав рассказал мне... Я знаю, тебе надо бежать, и бежать немедленно! Мечислав и его люди достанут тебя здесь, растерзают... Я... я не хочу этого, потому...

– Потому что устала видеть меня?

– Потому что люблю тебя, глупый! – Слезы стояли в темных глазах девушки.

– Беги же, беги немедленно. Они здесь все равно не дадут тебе спокойно работать, а так...

Альдегьюборг – богатый город. Еще его называют – Ладога.

– Ты знаешь и это?

– Порубор, мой недавно обретенный братец, проведет тебя к ладожским купцам. Нужно спешить... Где ж Поруборе? Должен бы уже давно быть... Что там за стук? А вот, кажется, и он.

И впрямь в корчму вошел Порубор – как всегда, изысканно одетый, красивый. Обняв сестру, взглянул пристально на Ярила:

– Готов?

Тот кивнул, сглатывая слюну. Тяжело было прощаться с любимой, да и с родным городом, где знаешь каждый закоулок, каждый кусток, тоже нелегко.

– Тогда идем. Велимир-гость ждет знающего человека, при случае умеющего отремонтировать ладью. Ты ж сумеешь?

– Конечно. – Ярил улыбнулся, крепко обнял Любиму, поцеловал в уста.

Со двора заглянул недовольный отрок. Усмехнулся, покашлял:

– Ну, скоро ты там?

– Корабли купца Велимира завтра отправятся в Альдегьюборг, – со значением взглянув на Истома, произнес Дирмунд. – Вернее, уже сегодня. Я дам тебе серебра – заплатишь Велимиру за путь. Да не высовывайся там и не в свои дела не лезь. Важно, чтоб ты спокойно добрался до Альдегьюборга. Найдешь подходящую корчму и будешь ждать там корабль из Вика... Эх, жаль, так не вовремя помер Ильман Карась! Вот кто пригодился бы в Альдегьюборге.

– Я знаю град не хуже, чем он, княже, – обиженно сказал Истома.

Князь усмехнулся:

– Надеюсь. Ты будешь встречать там каждый корабль, пока не увидишь молодого высокого парня, которого зовут... будут звать... Гм... ну, хотя бы – Варг. Да, Варг. Ты будешь полностью подчиняться ему.

– Но как я его узнаю?

– Узнает он.

– Это будет твой особо доверенный человек, княже?

– Нет, вовсе не особо доверенный, – друид усмехнулся, и в черных колдовских глазах его вспыхнули желтые искры. Встав, он подошел к сидевшему на лавке Истома, положил ему руки на плечи, заглянул прямо в глаза.

– Это не будет мой доверенный человек, нет, – грозным шепотом повторил друид и воскликнул громко, так, что на улице загалдели грачи на деревьях: – Это буду я.

Глава 5

Варг

*Чего бояться,
Коли решился
Пойти на опасное дело:
Час назначен,
И день исчислен...*

Старшая Эдда. Поездка Скирнинра

Наши дни. Норвегия

Декабрь. Кроны деревьев, покрытые белым сверкающим инеем, напоминающие замерзшие лапы троллей. Темно-коричневые, покрытые снегом скалы, с них – вниз, брызгами в море – бутылочно-зеленое стекло водопада, а дальше фьорд, узкий, извилистый, синий, как небо. Не это, зимнее, а летнее или, по крайней мере, весеннее, такое, что, когда смотришь, становится радостно, словно встретил нежданно-негаданно старинного друга-приятеля. Ну, такое небо летом, а сейчас... Серые промозглые облака, унылая хмарь... О, не видеть бы этого – скорей бы стемнело, и тьма, надо отдать ей должное, вовсе не заставляет ждать, наваливается на город черным мохнатым демоном, таким же холодным, как это тоскливое небо, а глаза демона – желтые гирлянды фонарей, тянущиеся вдоль шоссе, убегающего в горы. Декабрь...

Ханс продышал дырочку в затянутом инеем автобусном стекле. Темное небо, дома, подсвеченные разноцветной рекламой, пробегающие мимо автомобили. Вот, похоже, и нужная остановка. Ханс задержался у дверей – вообще-то можно сойти и на следующей или все-таки...

– Выходишь, мальчик?

Толстая, похожая на гусыню, старуха. Выходит ли он? Да, выходит.

– Пожалуйста, побыстрее, мальчик... Побыстрее...

Да пожалуйста!

Тротуар. Узкий, выскобленный дворниками. Люди. Впереди, навстречу – смешной старик. Чем-то – может быть, улыбкой или просто морщинистым добрым лицом – похожий на рождественского гнома Юлениссена, что живет в столичном пригороде Корсегаардене на небольшой площади Торгет-Трегаарденс-Юлехус. Раньше, когда Ханс был маленьким, он часто писал ему письма на Рождество. Когда был маленьким... И когда еще были живы родители. Хотя... они не так давно еще были живы... Чуть больше месяца прошло после их нелепой гибели. Именно что нелепой – надо же погибнуть от молнии в ноябре! Одноклассники только диву давались. Ну, сочувствовали, конечно. Да только что ему, Хансу, до их сочувствия? Родителей-то не вернешь, как ни крути. Ханс слотнул слюну. Вот еще один смешной старик – с бакенбардами, толстый, похожий на увальня сенбернара... знакомый такой. Черт побери! Так это ж полицейский комиссар... как бишь его имя? Не вспомнить. Ишь как спешит, не заметил даже, свернул с тротуара – прямиком, по сугробам, к машине, старому вишневому «вольво». И вдруг перед глазами мелькнул... Нет, показалось... Рядом тормознуло такси – синий «сааб». Знакомая тачка... Ханс остановился, замахал рукой:

– Наше вам, господин Йоргенсен! Никак опять до поздней ночи работаете?

Таксист – длинноусый, круглолицый – выходя, улыбнулся в ответ:

– Привет, Ханс. Как дела?

– В клуб иду, договорились с Нильсом.

– Репетируете?

– Да помаленьку...

Таксист усмехнулся:

– Ну, будете играть, позовите на концерт.

– Обязательно.

Попрощавшись, Ханс пошел себе дальше, мимо огромных сугробов – с утра шел снег, вот и не успели убрать, теперь сгребали погрузчиками в самосвал, – мимо сверкающих витрин супермаркета, мимо катка, наполненного музыкой и детским смехом, пройдя небольшую площадь, свернул на улицу Грига – узенькую, едва разехаться, – там-то и притулился молодежный клуб, маленький, неказистый, зато с небольшим залом – зальчиком – и сценой. Перед дверью переминалась с ноги на ногу какая-то длинная – на голову выше Ханса – девка, а внутри уже мелькала длинная темная шевелюра Нильса – парень деловито перетаскивал в угол большой усилитель.

– Привет, Нильс.

– Явился... Чего опаздываешь?

– Да так... Слушай, сейчас по пути таксиста встретил, Акселя, помнишь?

– А, забавный дядька. Берись, вон, за монитор, тащи...

Нильс – пацан всего-то на два года постарше Ханса – упорно демонстрировал деловитость.

Подтащив монитор поближе к краю сцены, Ханс щелкнул пальцем по тугому пластику большого барабана, прислушался к звуку:

– Классно. Только зачем его розовой фольгой обклеили?

– Это не фольга, краска. Дагне сказала – красиво.

Дагне – это была подружка Нильса. Ну, раз она сказала...

Молча подкрутив микрофон, Ханс полюбовался своим отражением в тарелке ударных. Ну и харя! Круглая, расплывшаяся, белобрысая, с широким приплюснутым носом! Ханс расхохотался – нет, конечно же, это не он такой, а отражение. Нильс недовольно покосился на него. Дескать, вот бездельник – опоздал, да теперь еще и хохочет невесть почему. Как маленький, право слово, нашел игрушку. Ханс оторвался от тарелки:

– На ударных сегодня кто с нами? Калле из «Фаты невесты»?

– Нет, не Калле. – Нильс поставил усилитель на пол. – Он вообще ниоткуда, этот парень. Может, всегда будет с нами играть.

– Всегда?! – округлив глаза, восторженно воскликнул Ханс. – Вот это да! Наконец-то. И ты молчал? Друг называется.

– А ты меньше шляйся где попало... – Нильс старался не показать, доволен, мол, сам видишь, кто тут делает все для группы, вот и ударника наконец нашел. Ну, или почти нашел.

– Я его и сам-то еще не видал. Даже, как зовут, не помню... Стиг, кажется. – Он пожал плечами. – Дагне присоветовала.

– А, ну, раз Дагне... – Ханс картинно развел руками. – И когда придет?

– Да давно уже должен быть. Может, зайти стесняется? Ты у дверей никого не видел?

– Не-а, никого... Только какую-то длинную девку. Ну, она, наверное, просто так стояла.

– А, симпатичная такая блондинка, – выпрямился Нильс, поднимая провод. – Я ее тоже заметил.

– Симпатичная? Ха! Этакая-то дылда... Это, кстати, не она там в дверь заглядывает? Девушка, тебе кого?

Девчонка – высокая, длинноволосая, с глазами, кажется, серыми или голубыми, посмотрев на ребят, усмехнулась:

– Вы – Нильс с Хансом?

Прятели переглянулись:

– Ну да... Я Нильс, а он – Ханс.

– Тогда я к вам, – улыбнулась девчонка. – Стигне меня зовут.

– Что-о?!

– Что слышали. Вам ведь ударник нужен. Ну, так я и есть ударник. Вернее, ударница.

Этого Ханс уж никак не мог вынести. Вытащил откуда-то палки, протянул долговязой девке:

– А ну-ка, помолоти!

– Запросто!

Пожав плечами, Стигне взяла палки, уселась за установку, примерилась и... Трах-тах-тах-бум-бум...

Молотила минут десять без остановки, раскраснелась вся, волосы разлохматились по плечам, а глаза – ну так сияли... Ханс даже подумал, что прав приятель, девчонка и вправду красивая. И тут же покраснел, застеснявшись собственных мыслей.

А Стигне, закончив, взглянула лукаво – ну как?

– Класс! – выдохнул Нильс. – Где так настропалилась?

Девчонка еще больше зарделась:

– У меня папа такую музыку любит. Так и я с детства...

Немного поболтали, потом попробовали поиграть вместе. По мнению Ханса – совсем неплохо получилось.

– Только вот засмеют нас на первом же концерте, – улучив момент, шепнул он приятелю. – Скажут: вот уроды, девку за ударные посадили!

– Да и черт с ними, – отмахнулся тот. – Стучит-то она классно!

Да, Стигне играла классно, с этим нельзя было поспорить. Даже Калле из «Фаты невесты» далеко было до нее.

Ребята и не заметили, как пролетело время. Стигне случайно глянула на часы:

– Ой, мамочки! Время-то... – Она надела куртку – ярко-красную, радостную, с желтым кленовым листом позади.

Ханс с Нильсом не удержались, переглянувшись, прыснули – уж больно детской показалась им курточка. То ли дело у них – черные, с заклепками, молниями. Только вот в мороз по два свитера поддевать приходится.

– Смейтесь, смейтесь, – заматывая шарф – тоже красно-желтый, яркий, словно из рекламы «Соки и воды Гронма», ничуть не обиделась Стигне.

– Зато она теплая и удобная. Вам куда сейчас? Мне – в сторону Снольди-Хольма.

– По пути. С Хансом. – Нильс, одеваясь, махнул рукой. – Он как раз там живет, пока...

Ханс обидчиво шмыгнул носом – «пока»! Мог бы и не напоминать. Да и в самом деле, после неожиданной смерти родителей он пока проживал в собственном доме на птичьих правах – под опекой добросердечной женщины Марты Йоргенсен – жены таксиста Аксея. Вообще-то, раз не было родственников, Ханса, как несовершеннолетнего, должны были отправить в муниципальный приют, до установления опеки. Только вот согласится ли опекать Ханса госпожа Йоргенсен? И дозvoлят ли ей? Ведь была где-то в живых Хансова бабка, вернее прабабка. Она – прямая родственница, да и часть дома в Снольди-Хольме, как оказалось, записана на нее. Где ж ее в таком случае черти носят? Говорят, в Канаде. Ханс вздохнул, совсем не слушая, что говорит ему Стигне. Оба ждали автобуса.

– Какой-то козел, представляешь? – Стигне поежилась. – Вот гад приставучий. Разреши, говорит, тебя проводить. А сам весь такой неприятный, лысый, скинхед какой-то, думает, я из таких, с которыми все можно себе позволить. Вот и сегодня, когда сюда ехала, тоже всю дорогу клеился...

Шипя тормозами, подъехал автобус, длинный, с зауженной крышей. Усыпанный разноцветными лампочками, он походил на зажженную рождественскую елку. Ханс вспомнил встре-

тившихся сегодня «гнома Юлениссена», таксиста Акселя, полицейского комиссара и того... чье лицо быстро промелькнуло в толпе. Ханс узнал бы его и из миллиона. Тот самый лысый нелюдь, что едва не сжег их с Мартой Йоргенсен в заброшенном сарае. Не так и давно Ханса выписали после того случая из госпиталя. Мальчик помнил все – и как тащили его по осеннему саду, связав руки скотчем, и как распластали у дерева, и как едва вырвался... и Марту... и дым из всех щелей. Ужас! Не хотелось бы еще раз пережить все это.

– Слушай, Ханс, – ткнула его локтем Стигне. – Не обидишься, если спрошу?

– Спрашивай.

– А тебе не страшно одному? Ну, в доме.

Ханс неожиданно для себя задумался. Он в общем-то и не был один. Каждый вечер кто-нибудь приходил: то Нильс с Дагне, то Марта, то сосед – маленький смешной доктор Арендт, то добрая русская медсестра Марина.

– Нет, наверное, не страшно, – тихо ответил он и, чуть помолчав, признался: – Только грустно как-то.

– Понимаю, – Стигне кивнула. Потом предложила: – А давай я тебе сегодня вечером позвоню, ладно?

– Позвони, – прошептал Ханс.

– Ну, вот, моя остановка. – Девушка улыбнулась. – Тебе дальше. Счастливо!

– И тебе. Завтра увидимся.

– Конечно.

Смеется, Стигне прыгнула с автобусных ступенек, обернувшись, помахала рукой, не заметив, как из задней двери, в числе других пассажиров, выбрался противный, наголо бритый парень, что так доставал ее в последнее время... и был так памятен Хансу.

Вольф Маллеме – звали его, и он выбрал себе в этой жизни один путь – Путь смерти. Смерти, впрочем, не для себя... Он удачно скрывался от полиции – дядя, владелец рыболовного судна, ушел за косяком селедки куда-то к Исландии, и Вольф распустил через бывших приятелей слухи, что и он там. Конечно, полиция могла проверить все и по радио, да и наверняка проверила уже, но Вольфу было все равно – он знал, что у него есть могущественный заступник – сам Властелин Тьмы. Куда уж было полиции тягаться с ним! Потому и не особо таился Маллеме, только подстраховывался малость – снял, не сам, через знакомого, небольшую квартирку в трехэтажном деревенском доме недалеко от Снольди-Хольма. Деньги были – заработал на рыболове у дядьки, да и мудрено было не заработать – шла путина. Только вот труд рыбацкий – мрачный, тяжелый, грязный – вовсе не вызывал у Вольфа энтузиазма. Руки его, несмотря на перчатки, покраснели, кожа потрескалась от морской соли, ладони гнусно пахли йодом и рыбьими внутренностями. Вольф сбежал в первом же норвежском порту. Конечно, не забыл прихватить деньги... и не только свои.

Он жил теперь здесь, неподалеку от старого кладбища, и вид, открывающийся из его окон, напоминал о Повелителе.

Эта девчонка опять шла впереди. Высокая, стройная, длинноволосая, в смешной красной куртке с желтым кленовым листом. Вольф, прячась за прохожими, шел следом, он знал уже, где и с кем живет девчонка – совсем рядом, в белом уютном доме с красной черепичной крышей и ставнями, похожем на небольшой корабль. В прошлый раз девка отвергла его назойливые ухаживания... ничего, придет время, и – с помощью Повелителя – он сделает с ней все, что захочет. Вольф точно знал это, поэтому шел, улыбаясь, словно в черной душе его звучала прекрасная музыка. На пороге квартиры улыбка сползла с его лица – уж слишком здесь все было убого. Маленькая двухкомнатная халупа, чем-то похожая на тюремную камеру. Грязные, давно не мытые окна – а кто их будет мыть – Вольф? – старый диван, сигаретный пепел, переполненная окурками банка из-под трески, загаженный пол – приходя с улицы, Вольф никогда не

считал нужным тщательно вытирать ноги. Холодильник маленький, старый, пустой, как всегда. Усмехнувшись, Вольф вытащил из заплечной сумки несколько банок пива и консервы – все та же треска. Открыл и то и другое, поставил перед диваном на стул, сел, сделав долгий глоток, чувствуя, как стекает по горлу холодная жидкость – интересно, как стекает кровь? Ничего, он еще попробует это, обязательно попробует! Вольф довольно рыгнул. Завалился на диван, не снимая ботинок, включил телевизор.

– Наша студия и я, Ральф Гриль, мы приветствуем вас, уважаемые! Тема выпуска, конечно же, встреча Рождества. Кто, где и с кем...

Опять этот урод! Вольф раздраженно плюнул в экран, плевков не долетел до телевизора, попал на носок ботинка – черт с ним! Рождество... А как его встретит он, Вольф? Как все, горячим глеком и вымоченными бараньими ребрышками – риббе? Нет, не до таких изысков. Да и нужно ли отмечать этот чертов праздник, ведь он, Вольф, давно уже не такой, как все? Отмечал ли он его в детстве? Да, наверное... Тетка – родителей Вольф не помнил – что-то готовила, но до праздника вкусности есть не разрешала, приходилось обманывать ее, что не составляла особого труда – тетка была глупа. Глупа и прижимиста, глупая старуха даже не догадывалась, что ушлый племянничек давно уже высмотрел то заветное место, куда она прячет деньги, – в жестянку из-под кофе, в буфете. И однажды воспользовался этим знанием, что окончательно добило тетку, давно уже имевшую большие проблемы со здоровьем. Рождество... Вольф ухмыльнулся, вспомнив девчонку в красной смешной куртке, и в глазах его вспыхнул хищный желтый огонь. Он вскочил на ноги, подбежал к окну – жаль, кладбище было плоховато видно. Лес, да и темно. Ничего! Вольф возбужденно заходил по комнате, он знал уже, как именно встретит Рождество. С той глупой надменной девкой! И эта встреча будет для нее последней! А Повелитель получит наконец долгожданную жертву! У-у-у... Вольф тихонько завыл от предвкушения, прикидывая в уме, что и как он сделает с девкой. А потом нужно будет валить подальше, все равно куда – в этом мире он давно уже чужой, с самого детства, чужой и лишний. Кстати, к этому моменту неплохо бы разжиться деньгами – те, что заработаны в море, заканчивались. Продать мотоцикл? Тоже выход, но для этого нужно идти в гараж, который принадлежит покойному приятелю – какие славные там устраивались посиделки! – а вдруг донесут соседи? Он же в розыске! Хотя деньги нужны... О Повелитель! Вольф вдруг хлопнул себя по ляжкам – вот оно, озарение! Деньги? Он знал теперь, как их достать и при этом ублажить себя... и Повелителя.

– Двадцать четвертого? Но это невозможно! – Ральф Гриль – бородатая телезвезда местного разлива – раздраженно отодвинул телефонную трубку от уха, стараясь не слышать навязчивых слов собеседника. Двадцать третьего он собирался готовиться к Рождеству – давно уже обещал домашним, – а вовсе не работать, освещая открытие спортивного комплекса, хозяева которого уж так старались его заполучить, что обещали буквально все, включая бесплатную выпивку. Ну, и приличный гонорар, разумеется. Очень приличный. Ральф прислушался...

– ...хоккеисты и музыкальная сцена. Приглашены мэр и люди из муниципалитета...

За окном завывала сигнализация «порше». Не выпуская трубки из рук, Ральф бросился к окну – длинногривый, одетый а-ля 70-е – в ярко-голубой блейзер и желтые вельветовые брюки-клетш – черт, и в самом деле сигналка! Треща, промчался на мотоцикле какой-то бритоголовый урод – вот и сработала. Журналист нашарил в кармане пульт, нажал кнопку...

– ...разумеется, на ваше усмотрение.

А эти люди весьма настойчивы! Вообще-то, не помешают лишние деньги...

– ...организованы аттракционы, благотворительная продажа напитков и сувениров...

Позвонить Элси? Сказать, чтоб без него готовились? Или взять ее собой?

– ...вас с супругой.

– С подругой, – машинально поправил Ральф. Потом ухмыльнулся: – Я не расслышал суммы... Гм-м... Да? Ну, пожалуй, да... Если не будет никаких срочных дел. перезвоните мне завтра.

Уфф! Журналист радостно потер руки. Они все-таки увеличили сумму, и правильно, такие люди, как Ральф Гриль – «сам Ральф Гриль!» – на улице не валяются и за просто так не работают. Потянувшись, журналист перезвонил оператору, Ларсу, и, договорившись с ним, вышел из офиса. Черный приземистый «порше» – хорошая тачка, черт побери! – ждал его у края тротуара.

Под шум аплодисментов и вой поклонников – весьма, правда, пока немногочисленных, но уж сколько есть – Ханс, Нильс и Стигне спустились с маленькой сцены. Раскрасневшиеся, довольные, потные – играют от души и, видимо, не так уж плохо!

– Хорошо, что согласились здесь выступить! – обернулся к остальным Ханс, улыбнулся радостно – со дня смерти родителей не часто доводилось ему вот так улыбаться. – А ты, Нильс, еще говорил, что не стоит.

– Я говорил?! Когда?

– Ну, может, так именно и не говорил... Но сомневался, – дипломатично протянула Стигне. – Ребята, а давайте теперь на аттракционы? Вон на ту ледяную горку!

– На горку? А гитары, усилитель? Монитор там тоже, кстати, наш, если помните, – Нильс задумчиво почесал свою роскошную шевелюру, раньше – предмет тайной зависти Ханса, коего родители всегда заставляли стричься. Заставляли... Вот теперь некому заставлять. Ханс вздохнул. Стигне посмотрела на него, улыбнулась:

– Нильс, ты тогда побудь пока здесь, а мы...

– Ладно, – Нильс высматривал в толпе подростков подружку. Ага, вон она, кажется, у катка.

А Стигне с Хансом уже бежали на горку, забрались по крутым ступенькам и, взявшись за руки, ухнули вниз – так что дух захватило!

– Здорово! – поднимаясь на ноги, честно признался Ханс. – Давай еще раз?

– Запросто... Ой, смотри, Ральф Гриль! По телевизору, помнишь?

– Да помню... Где?

– Во-он, в голубом пиджаке...

– Ага, вижу... Рядом мужик с камерой – оператор. Интересно, а они нас случайно не сняли? Побежим спросим?

Не дожидаясь ответа, Ханс схватил Стигне за руку и рванул за собой, чуть не сбив лоток с напитками.

– Странная парочка, – сквозь зубы пробурчал им вслед продавец в маске носорога. – Девчонка – хоть на выставку мод, и малолетка-недомерок.

– Ларс, ты не снимал их? – Журналист оторвался от коктейля.

Оператор пожал плечами:

– Да, наверное, есть чуть-чуть, вместе с прочими. Посмотрите завтра по телевизору.

– Здорово!

Подростки унеслись к сцене. Ральф повернулся к стойке бара.

– Еще коктейль? – светловолосая Марта, жена таксиста Акселя Йоргенсена, улыбаясь, протянула напиток. Она, как видный деятель благотворительной организации, и организовывала здесь торговлю. Трудно было сыскать продавцов – да ничего, набрела помаленьку из тех же подростков.

Журналист с удовольствием выпил коктейль:

– Что, муж все в работе?

– Обещал быть. Может, чуть позже, – Марта повернулась к очередному клиенту.

Неплохо все было организовано, Ральф даже не ожидал, чувствовал, что не зря приехал, и не только потому, что деньги. Весело. Может быть, даже как-то по-провинциальному непосредственно, мило. Игры, концерты, дискотека, продавцы в масках. Воздушные шары – красные, зеленые, ярко-голубые, желтые, – выпущенные гроздьями в небо. Красиво. И музыка ничего себе, организаторы не побоялись, пригласили всех местных – большей частью «блэкушников», но были и другие – сейчас, например, с задвинутой в самый угол ледового поля малюсенькой сцены явственно доносился блюз. Пойти, что ли, послушать? Жаль, не поехала Элси, ей бы понравилось. Кто-то вдруг хлопнул его по спине:

– Чего здесь киснешь?

Аксель! Ну, наконец-то. Ральф улыбнулся:

– По пивку?

Аксель потербил усы, улыбнулся жене:

– Ты на машине?

Та кивнула, подавая клиентам пиво.

– Бросить, что ли, свою тут до завтра? – Таксист посмотрел на пиво и сглотнул слюну. – Наверное, так и следует поступить.

– Правильно, – одобрительно кивнул Ральф. – Бросить – и все. Кому она нужна-то? Я тоже свою брошу. Ларс, оператор, обещал потом заехать.

Аксель улыбнулся в усы:

– Марта, нацеди-ка нам пива!

Выпив, направились к сцене, обходя каток, по пути прикупили с лотка по сувенирной – желтой с красным – банке.

– Надеюсь – не безалкогольное? – пошутил Ральф.

– Ну что вы, – обиженно возразил продавец в маске носорога. Чуть приподняв маску, выискивая кого-то в толпе. Ага... Вот она... Красная куртка с желтым кленовым листом. Уже уходит? Расталкивая толпу, продавец поспешно направился к выходу.

Они стояли у автобусной остановки, четверо – Ханс, Стигне и Нильс со своей подружкой. Что – все четверо и поедут? Вот незадача... Вольф поправил на лице маску, подошел ближе, как был, с лотком, прислушался к разговору.

– ...да, жаль, что ее не было.

– Говорят, когда разбилась на машине ее группа, ну, помните, «Мьолнир», это не так давно было... так с тех пор Магн и не выступает. Не с кем, а скорей, просто не хочет. Если б вот ты, Нильс, вдруг разбился, я бы тоже...

– Приятно услышать от тебя добрые слова, Ханс! Вон, кажется, ваш автобус.

– Ага... Так завезете гитары в клуб?

– Сказал же, завезем. Возьмем тачку.

Прихватив несколько банок пепси, бросил опустевший лоток на снег, вошел в салон и, быстро поменяв маску носорога на маску волка, уселся на сиденье сразу за девчонкой и парнем, которого давно уже узнал. Тот самый... Несостоявшаяся жертва. Тогда не состоявшаяся. А может, сразу двоих? Нет, несподручно. Одному, без помощников, трудно.

Придется выбирать... С одной стороны, пацан – самый главный свидетель, следовало бы убрать его... Однако у полиции будут вполне веские основания считать кое-кого убийцей. Значит – девка. Да, девка... Не зря же он так долго следил за ней, не для того, чтоб сейчас отступить... да и деньги... У пацана-то, похоже, вообще нет близких.

Приняв решение, Вольф вытащил из пакета банку. Открыл... Нашупал в кармане растолченные в порошок таблетки. Снотворное. Интересно, как скоро подействует? Осторожно

высыпал порошок в банку, нарочито шумно открыл другую, чуть сдвинув вверх маску, пере-
гнулся через сиденье:

– Берите напитки, ребята!

Сидевшие впереди подростки заинтересованно обернулись.

– Берите, берите. Бесплатно – остались вот с праздника. Я вам даже сейчас и открою...

Вольф протянул девчонке уже открытую банку, другую – папану.

Взяв, те поблагодарили, сделали по глотку, заговорили о чем-то, смеясь, едва не проехали
нужную остановку. Нужную – девчонке и Вольфу. Тот даже хотел было напомнить, да девка уже
и сама спохватилась, побежала к выходу... Вольф – за ней... Пошел сзади по ярко освещенной
фонарями дорожке... чертовы фонари. Хорошо хоть прохожих нет, не считая тех, что впереди.
Что-то таблетки плохо действуют, может, потому что холодно? Нет, вот, вроде пошатнулась!
Остановилась, прислонясь к дереву... Упали в сугроб варежки – шерстяные, с серовато-голу-
быми узорами. Вольф оглянулся по сторонам – никого – и стремглав бросился к девушке.

– Вам плохо? Дайте телефон, я вызову помощь...

У девчонки уже закатывались глаза. Последнее, что она помнила, был горящий злобой
взгляд под серую маской волка. Еще раз обернувшись, Вольф подхватил девушку на руки –
тяжелая, сучка, – и потащил по ближней тропе к дому. Знал – соседи уехали на Рождество к
родичам в Намсус.

Войдя в квартиру, он разложил спящую девчонку прямо на полу, стащил куртку, связал
скотчем руки и ноги... расслабленно выдохнув, пошел в ванную – продрог за день. Он решил
убить ее уже сегодня ночью, в крайнем случае – завтра, а уж потом потребовать от родителей
деньги. Немного, чтоб не очень расстраивались и не бросались сразу в полицию. Как эти деньги
от них получить – еще не придумал, но не сомневался – придумает. Потом. Сначала – жертва.

Раздевшись, Вольф повалился в ванную, чувствуя, как горит выжженный на левой сто-
роне груди волк. Горячая струя воды ударила в тело, стало вдруг покойно и хорошо, как когда-
то в далеком-далеком детстве, все окружающее расплылось, делаясь нереальным, зыбким,
незаметно опустились веки...

Черная промозглая мгла кинулась на Вольфа, и он вздрогнул, ощутив, как накатывает
на него волна, жуткая волна Зла, как бывало всегда при встречах с Хозяином. Тот явился в
образе волка с пронзительными черными очами, горящими пламенем Ада.

– Скоро наступит время, – услышал Вольф глухой голос Повелителя. – Время для тебя,
Варг. Именно так я теперь буду тебя звать. Ты поможешь мне!

– О мой мастер! – Вольф-Варг благоговейно простер к Хозяину руки.

– Называй меня – мой друид, – поправил тот.

– О мой друид! Что делать? Только скажи.

– Сегодня ночью ты должен принести жертву. – Образ волка стал расплывчатым, серым,
голос его звучал все глуше и глуше, словно бы отдаляясь, проваливаясь в темную яму времени.

– Сегодня ночью, – очнувшись, повторил Вольф-Варг.

Синеглазая девушка с короткими темными волосами, босая, в шерстяном платье, выбе-
жала на шоссе из леса. Руки ее были изрезаны в кровь осколками стекол – не так-то просто
оказалось выбраться из дома опекуниши – старой Хельмы Расмус. Хорошая, в принципе, тетка,
эта Хельма. И в доме ее куда лучше, нежели в психушке, только вот, уходя, Хельма запирала
девушку дома, мало ли... Магн не протестовала – зачем? После гибели ребят – музыкантов
«Мьольни-ра» – замкнулась в себе, впрочем, она и раньше не отличалась особой открытостью.
Особенно здесь – в чужом и таком чуждом времени, где не было бы никакой жизни, если бы
не тот, кто уже пятый месяц без-движно лежал в клинике доктора Норденшельда. Без-движно
лежал? Но позвольте, а кто же тогда был душой молодого норвежского ярла? Хельги-ярла.
Игорь Акимцев, лежащий в коме музыкант из далекой России, был тем, кто мог остановить

черного друида Форгайла на пути к власти. И останавливал до сих пор вполне успешно. Там, в далеком прошлом. Здесь же, в Норвегии, дело обстояло совершенно иначе. Удары наносил друид, Магн лишь парировала их по мере сил, но не смогла отстоять Камень и предотвратить гибель ребят.

Полиция, конечно же, сочла все это несчастным случаем – мало ли автобусов переворачивается на горных дорогах? И только Магн знала всю правду... Да, Черный друид здесь оказался сильнее, ведь все силы Акимцева были с ее помощью ориентированы на борьбу туда, в далекое прошлое. И там были налицо успехи – друиду в образе князя Дирмунда так и не удалось толком наладить регулярные жертвоприношения, не удалось поселить в душах людей страх, не удалось утвердиться на престоле, и все благодаря Хельги-ярлу... и Игорю. Но здесь, увы... Друид пока явно выигрывал. Ему даже удалось найти союзника – молодого угрюмого парня Вольфа Маллеме – убийцу музыкантов из «Мьольнира», впрочем, истинным их убийцей был все же Черный друид. Вот и сейчас Магн почувствовала, как его колдовство злобное вторглось в пределы страны водопадов и троллей. Здесь вновь готовилось Зло. И что было делать? Вывести из комы Акимцева, но тогда... тогда что будет там?! Магн не раздумывала. «Там» – важнее, это она хорошо знала...

Знал и друид.

Сожалея, что слишком рано отправил в Ладогу верных Истому и Лейва, он, нервно заложив за спину руки, кружил по горнице, как загнанный волк. Помощник... Варг! Скоро, скоро он окажется в Альдегьюборге, и тогда молодой ублюдок Хельги вряд ли сможет помешать Дирмунду здесь, в Киеве. У него просто не будет на это ни времени, ни сил. Скоро... Скорей бы... Но для перемещения нужна жертва. И чем быстрее – тем лучше. Вот когда друид пожалел, что в целях реабилитации перед князем Хаскульдом распустил старую школу воинов-волков, а новой так и не удосужился создать. Пока не удосужился... Однако что же делать с жертвой? Приходилось так же и учитывать возможную слежку – Хаскульд не так-то прост! Жертва... Может быть, слугу?

Нет, слишком опасно. Или – на этот раз – не человека? Согласится ли Кром Кройх на белую кобылу или сочтет это оскорблением? А шутки с этим кровавым богом всегда заканчивались плачевно для шутников. Нет, кобылу нельзя... Кого же? Кого? Стоп! Лицо друида вдруг озарилось злобной улыбкой. Неужели у Мечислава в корчме не найдется никого подходящего? Да и повод – вне подозрений: скучно стало, вот и решил развеяться, посетив корчму.

Дирмунд ногой распахнул дверь:

– Коня мне!

Нет, Игоря трогать нельзя. Он нужен как Хельги. Нужен там. Там, где важнее всего. А здесь... Здесь придется обходиться своими силами.

Не чувствуя холода, Магн прибавила шагу – она знала примерно, где обитает Вольф, вернее, чувствовала. Вопрос был в действиях. Что она сумеет сделать – ведь волшебство друида гораздо сильнее? Скорее всего – ничего. Ничего... Значит, бесполезно было убежать, изрезав руки, из дома, идти куда-то босиком по снегу? Бесполезно... Но и сидеть просто так Магн не могла. А поэтому – шла. И будь что будет! По голым ногам мела злая поземка, и колючие ветки елей больно хлестали по лицу. В черно-лиловом небе стояла луна – ярко-желтая, блестящая, напоминающая шаманский бубен. Девушка выбралась на шоссе и пошла прямо на Снольди-Хольм. Где-то там жил слуга друида. Где-то там. Вихрем пронеслись мимо машины: стремительные «саабы», демократичные «фольксвагены», rispetабельно-буржуазные «вольво». Кое-кто сигнализировал, заметив босоногую девушку, но большинство не обращало на нее внимания, здесь вообще никому ни до кого не было дела. Возможно, если б проезжал мимо Аксель на своем синем «саабе», тот бы и тормознул, ведь он и собирался сегодня тут покататься, пока не

встретил на празднике Ральфа. Ну а уж там пошло пиво и прочее. Так и брела Магн пешком, не оглядываясь и не чувствуя, как замерзают ноги. Хорошо, идти оставалось недалеко – вон, за елками, Снольди-Хольм, дальние – кладбище, лес, еще какие-то домики... Где-то здесь. Быть может, даже вот в этом большом доме, в глубине замерзшего сада.

Оглянувшись по сторонам, Магн открыла калитку и подобралась к окнам дома со стороны сада...

– Нет, не знаю. Да, мы с ней вместе ехали, потом она вышла, а я дальше. А что? До сих пор домой не пришла? Родители ищут? – Ханс озабоченно присвистнул. Потом переложил мобильник в другую руку и почесал затылок. – А что, у них твой телефон есть, ну, у ее родителей? В клуб пришли? А ты чего там... А, аппаратура.

Нажав кнопку отбоя, Ханс немного посидел в постели – он уже спал, когда позвонил приятель, – затем, решительно отбросив в сторону одеяло, вскочил, запрыгал на одной ноге, натягивая джинсы. Чуть не упал – шатнуло в сторону, все ж таки еще не очень проснулся – хорошо, успел схватиться за подоконник. И отпрыгнул! Кто-то пристально смотрел на него с улицы синими, широко раскрытыми глазами. Опомившись, Ханс схватил телефон... И медленно опустил трубку. Он узнал эту девушку. Магн. Но что она делает там, на улице, ночью? В одном платье и, похоже, босая. Схватив куртку, Ханс бросился к выходу...

– Помоги, – не входя в дом, тихо попросила Магн. – Мне нужно найти... Осмотреть все дома... Там зло.

– А... Может быть, тебе подойдут мои зимние сапоги?!

Ханс вытащил из-под лестницы обувь.

– И куртка... И... спортивный костюм. Не смотри, что старый, он теплый, с начесом...

Девушка поблагодарила кивком, сняла через голову платье. Ханс конфузливо отвернулся...

– Я готова, – быстро переделалась она. – Идем.

– Идем, – кивнул Ханс. – Тут у нас к тому же одна девчонка пропала...

– Да что вы так переживаете, найдется ваша Стигне. – Полицейский комиссар, неуловимо похожий на толстого сенбернара, уже устал утешать родителей. Дернул же черт задержаться сегодня на работе – писал годовой отчет, потом попытался разобрать старые дела, не заметил, как и засиделся до ночи. Только собрался уйти – эти пришли. Вернее, приехали – вон, под окнами, серебристый «рено» – их. Довольно молодая еще пара: он – светловолосый, высокий, с модной бородкой, настоящий викинг, она чуть пониже, тоже светленькая, со смешной, падающей на самые глаза челкой.

– Стигне Бьорд, пятнадцати лет, – диктовал мужчина дежурному. – Особые приметы – ярко-красная куртка с желтым кленовым листом на спине. Такой же шарф... Вечером ушла на праздник и так и не вернулась.

Комиссар вздохнул. Надо же – вечером ушла. Так чего же они ждут-то? Современную молодежь не знают? Наверняка девчонка у дружка в постели – где ей еще быть-то? Утром явится – здрастье, вот она я, не ждали? Так оно чаще всего и бывает.

– Что вы говорите? – перебил комиссар. – В группе играла? Ну, ясно... – Он неожиданно ухмыльнулся, оторвал от стены клейкий листок, накарябал адрес: – Вот, можете съездить. Тамошний клуб. Репетируют, поди, вот и задержались.

Поблагодарив, родители вышли. Хлопнули дверцы, приглушенно рыкнул двигатель. Ну, конечно, их «рено».

Проводив отъезжавшую машину глазами, комиссар покачал головой:

– И не спится же людям. – Он перевел взгляд на дежурного: – Ты все-таки скажи всем про девчонку, Ньерд.

– Уже сказал, – браво отрапортовал белобрысый Ньерд, молодой парень, едва начавший осваивать нелегкое ремесло полицейского.

– Молодец, – на прощанье кивнув, комиссар вышел.

На улице, под окнами кабинета, ждал его старенький «ровер»-седан, коричневатый, неброский тудяга.

– Верный конь. – Комиссар похлопал его по капоту. – Не всем же на новых «рено» ездить... Да и не стоит никакой «рено» старого друга.

Заведя машину, потихоньку выехал со двора, покотил по улице, объезжая не убранные еще – ночь! – сугробы, а иногда и пробираясь напрямик через оные. Двигатель «ровера» урчал надежно и ровно, автомобиль пер, как танк, лишь слегка подбрасывало на ухабах – звякали в кармане наручники. Черт, забыл выложить. Да и стыдно уже в таком-то возрасте таскать в карманах всякую дрянь. Никак не расстаться со старой привычкой. А интересно, телефон в кабинете я не оставил? Нет, вот он, в кармане. В том, где наручники... Черт!

Мобильник вдруг зазвонил. Обычная простая мелодия – комиссар терпеть не мог всякие новомодные подростковые штучки.

– Да? Ну и что, что нет в клубе... Видели в автобусе... Угу... На Снольди-Хольм? Вышла на углу... Знаю... Так, может, уже и дома? Звонили? Не отвечает? Значит, на вечеринке, к утру явится. Ньерд, скажи, пусть не переживают, современная молодежь, она, знаешь ли... Уже сказал? Молодец... Слушай, ты в ту сторону никого пока не посылай, я как раз сейчас проезжаю мимо, загляну. Не за что. И тебя с наступающим.

Кинув телефон в карман, комиссар снизил скорость и свернул на лесную дорогу. Тормознул у автобусной остановки, выбрался из машины. Тишина. Темные, покрытые снегом ели, желтые звезды в аспидно-черном небе, луна... яркая такая, большая, светлая, и фонарей не надо. Впрочем, вот они – фонари – горят, ни один не разбит. Тропинка меж деревьев. А что это, у кустов, снег примят?... Опа! Варежка. Шерстяная, серая с синим. По размеру – девичья или детская. А что там за лесом? Дом, вернее, блок квартир, недорогих, какие любят снимать студенты или влюбленные парочки. Гм, ну, ясно...

Комиссар достал из кармана мобильник:

– Ньерд, перезвони тем сумасшедшим, ну, родителям пропавшей девчонки. Спроси, были ли у нее варежки? Какие варежки? Обыкновенные такие, шерстяные, серые с синим. Жду.

А хорошо кругом. Звезды, луна, снег лежит – белый и мягкий – настоящее Рождество, сказка. Заехать, что ли, на праздник в Берген, к внукам? Нет, пожалуй, лучше после, а Рождество встретить дома, как полагается, с кашей, с выпечкой – юлекакке и хворостом, ну и, конечно, горячий глек из красного вина с пряностями.

– Ну уж устрой я им юлекакке! – Сглотнув слюну, комиссар заложил руки в карманы и решительно направился вдоль по тропинке. – В следующий раз будут знать, как не предупреждать родителей.

Вольф – теперь он знал свое истинное имя Варг (волк – на языке язычников-викингов) – поглядел на связанную девчонку и с ухмылкой вытащил из-за батареи нож. Длинный, в чехле, тот самый, которым он убил музыкантов на скользкой дороге. Привычно попробовал пальцем лезвие, улыбнулся, обнаженный по пояс. На левой стороне груди пламенело изображение волка. О, как сладостно будет сейчас наблюдать всплеск эмоций! От испуга – к ненависти, затем – к отчаянию и полнейшему ужасу. Он будет убивать ее медленно, со вкусом, так, что смерть ей покажется раем. О... Сглотнув слюну, Варг засунул острое лезвие девчонке под свитер и резким движением разрезал его, обнажив грудь и живот. Вот сейчас, сейчас, жертва должна дернуться, взглянуть с мольбой, отчаянно, а потом... Что за ерунда? Чего это она лежит, как бревно? Варг пнул девчонку ногой. Никакого эффекта! Даже не дернулась. Спит! Пересыпал-таки таблеток в колу... Вот дьявол! Что ж теперь, дожидаться, когда проснется? Так она, может, и до утра не проснется. А утром надо валить. Забрать деньги – те, о которых она

должна попросить родителей, – и валить... К тому же Повелитель, друид, обещал вскорости забрать его, и сегодня, вот буквально только что, вновь напомнил об этом... А девчонка красивая... Может, насладиться с ней сексом? Почему б нет? Только что ж она все спит, зараза?!

Не выдержав, Варг бросился в ванную, наполнил водой тазик, притащил, выплеснул на распростертую девушку. Та вздрогнула, просыпаясь... Варг проворно натянул на голову лыжную шапочку с прорезями для глаз. Приставил к горлу девчонки острие ножа:

– Твои родители должны мне деньги. Тридцать тысяч. Не долларов, крон. Но быстро. И ежели что... Твой мобильник? – Варг показал испуганной девушке вытасченный из куртки телефон. Та закивала.

– Номер? Деньги пусть завтра с утра подкинут к дому у кладбища. Стигне назвала цифры. Набрав номер, Варг поднес телефон ближе: – Говори.

Косясь на него, Стигне быстро поговорила с родителями.

– Хватит! – Дождавшись, когда будут высказаны все условия, Варг отобрал трубку, с удовлетворением отметив, что разговор с родителями явно пошел девчонке на пользу – погас в глазах страх, она брезгливо оглядела неприбранную квартиру. Брезгуешь, тварь? Ничего... Испытывая неопишуемую радость от предвкушения будущих событий, Варг медленно снял с головы шапку.

– Узнаешь?

Девчонка кивнула, и Варг провел по ее груди острым лезвием, так что выступила кровь. Стигне вскрикнула.

– Я обязательно выколю тебе глаза, – прижимаясь к ней, серьезным тоном пообещал Варг. – Потом. Сейчас же... – Он похотливо рассмеялся и принялся расстегивать джинсы.

– Но тогда ты не получишь денег! – дернулась Стигне.

Варг ждал этой фразы и дико расхохотался:

– Деньги я заберу утром, когда их принесут твои глупые родичи. Только ты их уже не увидишь. Никого – ни родителей, ни друзей, ни денег. Ты просто не доживешь до утра. Что прищурилась? Не бойся, мы проведем с тобой потрясающую ночь! Ночь на зависть. Чувствовала когда-нибудь, как сдирают кожу? Нет? Ха! Ничего... Сегодня узнаешь... Да, чтоб зря не кричала... – Варг ловко заклеил девчонке рот куском широкого пластыря. Снял наконец джинсы. – Ну, пожалуй, начнем...

Он выключил свет, освещение и так было достаточным – с улицы ярко светила луна.

– Вон еще те дома, – сказал запыхавшийся Ханс – попробуй-ка побегай по сугробам, да еще ночью – показал рукой в сторону леса, где маячили на полянке несколько малоэтажных домишек. – Похоже, там спят все... Нет, свет вроде горит во-он там, на втором этаже... Нет, погас. Пойдем?

Магн молча кивнула, и они пошли напрямик через лес по узкой, занесенной снегом тропинке. Где-то позади, на шоссе, проехала машина.

Около одного из домов Магн вдруг остановилась, словно точно знала, куда идти. Раздув ноздри, взглянула на окно второго этажа, то самое, что недавно погасло.

– Я чувствую зло, – прошептала она. – Зло, которое случится сейчас, сию минуту.

– Так зайдем? – Ханс посмотрел на нее. – Позвоним в дверь. А что скажем? Попросим кого-нибудь.

Не слушая его, Магн покачала головой, наклонилась и, подобрав с земли смерзшийся ком снега, с неожиданной силой швырнула его в окно. Со звоном разлетелось стекло, и осколки его попадали в снег, втыкаясь, как копья. В квартире замаячила чья-то полуодетая фигура.

– Вызовут полицию, – предупредил Ханс, оглядываясь, куда бы спрятаться. Глаза его вдруг встретились со взглядом того, кто с гнусной руганью высунулся в разбитое окно. Ханс узнал его. Еще бы не узнать...

– Ах, и ты здесь? – С какой-то непонятной радостью он схватил комок, метнул – и попал прямо в голову тому, лысому, что маячил теперь в разбитом окне.

– Нес! – захолопал в ладоши Ханс.

Варг отпрянул от окна. Козлы! Откуда они узнали? Черт, так ведь и полицию не вызовешь... Да уж какая тут полиция, как бы соседи не вызвали, те, что снизу. Что же, черт возьми, делать?

– Убей ее! – неожиданно громко раздался в ушах голос Друида. – Убей ее. Принеси жертву Крому! И я спасу тебя, как спас в прошлый раз. Верись мне, Варг? Тогда не теряй времени.

Опустившись на колени, Варг ползал по полу, ища выроненный нож. Черт, где же он? Включить, что ли, свет? А те? Да дьявол с ними.

Из разбитого окна дуло, Варг не замечал холода – вытатуированный у сердца волк грел его жарким пламенем Тьмы. Где же этот чертов нож? Теперь уж не до жиру. Один удар. Только один. Прямо в сердце.

Снова послышался звон – в комнату летели комки снега. Уже ломались и в дверь, а снизу стучали шваброй рассерженные соседи. Нет... Сначала их. Этого недомерка и девуку... Варг усмехнулся. Вместо одной жертвы – три! Это понравится Хозяину! Отыскав наконец нож, он бросился к двери...

– Ах...

Зазвенел по ступенькам холодный клинок, и заломленная за спину рука вспыхнула дикой болью.

– Ну, вот. Так-то лучше будет, голубчик. – Старый полицейский комиссар, похожий на сенбернара, защелкнул на руках Варга наручники и втолкнул в квартиру. Магн с Хансом радостно захолопали в ладоши.

Споткнувшись о порог, Варг полетел головой вперед... И вместо того чтоб удариться лбом в стену, пропал, сгинув в дикой слепящей тьме!

– Куда ж он делся-то? – удивленно вскричал комиссар.

– Мы зайдем поищем?

– Нет уж... – Полицейский осторожно заглянул в комнату. – Ба! А вот, кажется, и наша «потеряшка».

Уже через час освобожденная Стигне пила горячий кофе в родительском доме в компании Ханса, чувствовавшего себя героем дня, вернее сказать, ночи. Комиссара и Магн с ними не было – по просьбе девушки полицейский повез ее домой к опекунке, что, впрочем, ничуть не омрачало всеобщую радость. Даже бегство Вольфа, которого, кстати, так и не нашли. В комнате Стигне тихонько играл «Карпатиан Форест», за окнами по-прежнему ярко светила луна, круглая, как бубен шамана. Где-то далеко за лесом истошно завыл волк. Или, может быть, показалось?

– Конечно, показалось, – подув в чашку, усмехнулась Стигне. – Откуда здесь волки?

– Он все-таки прошел, – оглядываясь на луну, тихо произнес Дирмунд, вынимая жертвенный штырь из груди молодого смерда, так некстати забредшего в эту ночь в корчму Мечислава-людина.

Глава 6

Руны

*...Руны украсили
щит бога света,
копыто Альсвинна,
и Арвака уши,
и колесницу
убийцы Хрунгшира...*

Старшая Эдда. Речи Сигдривы

Май. 865 г. Шугозерье

Больше трех месяцев прошло с тех пор, как поселились в поруганной усадьбе Дивьян с Ладиславой. Дивьян – законный наследник убитых колбегами – пока так считали, что колбегами – хозяев и Ладислава-беглянка. Сама не знала – чего от жизни хотела. Вроде и весела, и красива девка, а все ж чувствовал отрок, гложет ее сердце неведомая злая кручина. Вроде только что смеялась, и вдруг – на тебе! Уже сидит смурная, а то и плачет. О чем кручинится – про то Дивьян не спрашивал, захочет – сама расскажет, а не захочет, ее дело. Весяне вообще в чужую жизнь не лезли и свою от чужих берегли. Ладислава даже бранилась иногда, экий, говорит, лешачина! Отрок не обижался, помалкивал, он вообще по жизни был молчалив, а уж девчонка, в иные дни, за троих болтала. Дотошной оказалась – прямо не оторвать! На охоту пойдут с Дивьяном – про каждого-то зверя выпросит, про каждую птицу. Потом на коре ножичком вырежет буквицами, вечерами сидит – учит: белка – орав, волк – хяндиказ, лиса – ребой, конди – медведь.

Дивьян вечерами сидел и дивился: и чего на коре пишет, коли и так запомнить можно? А не запомнишь, так спроси, ведь он, Дивьян, рядом.

– Дурень ты, – Ладислава взъерошила на голове отрока волосы. – Я ж так и буквицы все запомню, давай вместе?

– Эй, – коротко ответил тот.

Девчонка хмыкнула. Знала – «эй» по-весьянки – «нет». Ну, нет так нет. В конце концов, парень Дивьян неплохой, очень хороший даже, жаль, возрастом маловат, хотя, может, это и к лучшему, был бы постарше – давно б кидал горячие взгляды, а так... Обращается, как с сестрицей старшей, слушается почти что во всем, так и зовет – Чижа – «старшая сестрица», а ведь, кроме этого слова, еще и «сизар» – просто «сестра» в весьянском языке есть. Ну, чижа так чижа, Ладислава не обижалась.

– Лада-чижа, налима будешь? – Отрок осторожно снял висевший над костром вертел с рыбой. «Налим» – по-славянски сказал, по-ильменски, не по-своему – «мадех».

Они сидели во дворе усадьбы перед разожженным костерком – смотрели, как за Шугозером заходит солнце. Месяц май-травень, а по-местному – семенд-куд – давно уже вступил в свои права и теперь, оправдывая название, шумел травами, шептал что-то ласковое нежными листиками берез. В такой вечер, тихий и чудный, совсем не хотелось сидеть в четырех стенах, вот и Дивьян с Ладиславой не шли в дом, не разжигали очаг, а расположились во дворе, распахнув настежь ворота. Солнце заходило за озером, оранжевые осколки его пламенели в воде, за густыми зарослями орешника и вербы. Меж небольшими холмами журчал прозрачный ручей,

соединяющий главное, большое, озеро с вытянутым средним. В ручье и поймали налима, да не одного, а в компании с форелью.

Ладислава осторожно положила печеную рыбу на ржаную лепешку – вкусно!

Улыбнулась. Вот и зима позади, и весна уже, считай, на исходе, впереди лето – что-то будет? Здесь-то пока хорошо, а вот как там, в родной Ладоге? Как там девки, тепели уже веснянки? А будут ли прыгать через костры на Перунов день? Наверное, будут... Ладислава вздохнула. Что греха таить, скучала она по родным местам, по знакомым людям... и по молодому варяжскому ярлу с глазами, как вон то дальнее озеро. Ведь от него-то, от Хельги, и сбежала сюда, стараясь забыть все. Да вот не забывалось что-то.

Шмыгнув носом, Ладислава незаметно утерла слезу. Ничего, проживем, зимой-то, поди, хуже было. А так, что и говорить, все, что нашлось в амбарах, посадили – жаль, мало вышло, так ведь и не большое семейство у них. Смиловивятся боги – дадут урожай, а нет, так и охотой прожить можно, и рыбы в ручьях да озерах видимо-невидимо. Жить можно. Только скучно...

– Я вот все думаю... – обернулся к Ладе Дивьян. – О колбегах, об убийцах. А ведь они непременно явятся еще раз. Тут-то я и отомщу им, ведь нельзя же злодеяние оставить неотомщенным... Думаешь, не смогу? Ведь я один, а их много? Нет, Лада-чижа, смогу. А тебе вот что скажу: одна, без меня, в лес не шастай – я там и ловушки, и западни всякие сделал, чужой ни за что не пройдет – попадетя, а если и выберется, так, все одно, след свой оставит. Чего смеешься, не веришь? – Отрок обиженно надул губы.

– Не сердись, Дишка! – Ладислава обняла парня, погладила по голове. – Не насмехаюсь я – радуюсь. Как хорошо ты теперь язык ильменский знаешь! Значит, не зря я зимой с тобой разговаривала.

– Не зря, – улыбнулся отрок. – Хорошо мне с тобой, Лада-чижа! – опустив голову, признался он. – Не знаю, выжил ли бы без тебя? Сама понимаешь, ты мне как сестра старшая. Да так и есть... Через две зимы приведу в дом невесту. – Дивьян неожиданно сменил тему: – Куневичских девок хвалят, говорят – работающие. Жаль, две усадьбы с погостом разрушили там нелюди-колбеги...

– Если то были колбеги, – тихо промолвила девушка. – Ты ведь рассказывал, что многие были убиты злодейски – вытащены со спины ребра... Так, Диша, поступают варяги. Кровавый орел называется.

– Вот нелюди, – ругнулся Дивьян. Посидел молча, поворошил в костре угли: – Еще по рыбешке?

– Давай, – Ладислава ловко насадила форель на тонкую деревянную веточку. Вскоре от костерка вновь аппетитно запахло.

– Жаль, собак у нас нет, – посетовал отрок. – Некому и кости бросить. А Келагаст ведь обещал собачку.

– Не верю я ему, этому хитровану Келагасту. – Ладислава перевернула рыбу. – Как он тут на усадьбу посматривал... Словно на свою.

Дивьян вдруг вскочил на ноги. Выхватив из-за пояса нож, провел себе по руке, дожидаясь, пока, шипя, не упадут в костер красные тяжелые капли.

– Клянусь, – прошептал он. – Клянусь духами ветра, клянусь Землей-Матерью, клянусь Койвистом – березовым богом. Никогда, покуда я жив, Келагаст не будет хозяином на земле моего рода. И никто не будет, кроме меня, моих детей и тебя, Лада-чижа.

Вдали, за озером, послышался волчий вой, одинокий, словно бы жаловался на свою горькую судьбину заблудившийся в лесах зверь.

– Вот развылся, – передернула плечами Ладислава, и раньше-то не жаловавшая волков, а уж после всего произошедшего с ней в Полянских землях и подавно.

Забеспокоился и Дивьян – а ну, как попался в силки какой зверь аль птица? Ведь сожрет серый! Именно там, меж длинным озером и рекой, поставил недавно отрок ловушки.

– Пойду проверю. – Он решительно вскочил на ноги – со смешно вздернутым носом на детском простодушном лице, небольшого роста, но весь такой ладный, уверенный в себе, ловкий. Взял прислоненную к ограде рогатину, улыбнулся: – Дождешься меня, сестрица?

Девушка покачала головой:

– Нет. Пожалуй, и сама с тобой пойду. Надоело уж на усадьбе.

– Ну, как хочешь... – Дивьян пожал плечами, отвернулся равнодушно, хотя на самом деле, конечно, рад был спутнице, еще бы – все не одному тащиться, пусть даже и недалеко здесь.

Спустившись с пологого холма к озеру, отвязали от мостков челн, уселись – Ладислава на нос, Дивьян на корму. Погребли, пробиваясь из зарослей тростника на чистую воду. Вечер стоял светлый, темнело теперь поздно. Близились белые ночи – русалочки, как их тут называли. Отрок незаметно оглянулся – не плывет ли за ними русалка? Не плеснет ли по гладкой воде чешуйчатый русалочий хвост? Нет... Если бы плескал кто, так только утки да бобер на ручье, что вытекал из озера рядом с мостками. Чудно было вокруг, привольно, тихо, только стучал где-то большой пестрый дятел, да за холмами в лесу куковала кукушка-кяги. Ладислава опустила руку в воду – прохладно еще купаться, хоть и были уже две грозы, третья осталась – уж тогда-то потеплеет холодная озерная водица, сделается парной, как молоко только что из-под коровы, уж тогда и можно будет наплаваться влать, недолго уж и осталось. Девушка вздохнула, вспомнив, как купались с подружками в Волхове, со смехом, прибаутками, визгом... особенно если сверкали за кустами любопытные глаза юноши. Вздохнув, посмотрелась в воду, гладкую, словно ромейское зеркало. Исхудала за зиму Ладислава, лицо пообветрилось, посмуглело, резче обозначились скулы, волосы посветлели, а глаза словно бы стали больше, и по-прежнему сверкала в них небесная васильковая синь.

– Красивая ты, Лада-чижа, – оглянулся на нее Дивьян, прищурился. – Жаль, покинешь меня, как замуж выйдешь. Жаль.

– Не жалею, Дишка, не надо. – Девушка засмеялась, в глазах стояла грусть. – Вперед лучше гляди, во-он, посейчас за корягу зацепимся!

– Не заце...

Зацепились. Отрок дернулся, едва не перевернув лодку, ну, от того упаслись, слава озерным духам-ярвам, однако все ж таки черпанули водицы изрядно.

– Ну, вот, – укоризненно покачала головой Ладислава. – Теперь вот идти мокрыми. Хорошо – недалеко тут.

– Да уж, недалече, – сконфуженно согласился Дивьян. – Да ты посиди в лодке, подожди меня, я быстро.

– Ага, посиди, – не выдержав, хихикнула девушка. – Вон, воды-то на дне! Давай-ко перевернем, выльем.

– А сможешь?

Отрок недоверчиво взглянул на девчонку. Хоть та и сильна, конечно, и вынослива, но...

Не слушая его, Ладислава ухватила за нос лодки, дернула на себя, обернулась:

– Ну, что ж ты?

Спихватившись, Дивьян бросился на помощь. Вытащив челн на невысокий берег, перевернули, вылили воду.

– Вот и ладно. Пусть постоит, посохнет. – Девушка оглянулась по сторонам. – Ой, мама! Цветов-то сколько! Глянь-ка на луг – изжелто!

И в самом деле, весь луг был покрыт желтыми кружками одуванчиков. Кроме них в низинах белели подснежники, а наверху, у орешника, набирали силу первые, едва появившиеся ромашки. Ладислава улыбнулась:

– Ты иди, Диша. Если что – крикнешь.

Кивнув, Дивьян схватил лук и опрометью помчался к лесу – хоть и светел был вечер, да в урочищах все одно темнело быстро. Проводив его взглядом, Ладислава стащила с себя вымокшую по подолу рубаху, длинную, ниже колен, с вышивкой по выбеленному холсту. Развесила на ореховых кустах сохнуть, рядом приспособила узкие башмаки из оленьей кожи, сама, обнаженная, нарвала цветов, уселась на траву, понежилась – холодно. Поискав глазами, увидела старый пенёк от поваленного бурей дерева, села на корни, прислонившись спиной к теплой коре... Ага, побежали по плечам мураши! Уже и укусили – ну, то не страшно, полезно скорей, хотя приятного мало. Подхватив в руки охапку цветов, девчонка обошла пенёк... и вдруг удивленно вскрикнула. На коре, со стороны восхода, были вырезаны ножом три палки – одна большая и две – по бокам, маленькие. Очень похоже на варяжские письмена – руны – жаль, Ладислава не знала их значения. Рисунок был свежим, вряд ли больше недели прошло с тех пор, как чья-то рука изобразила его здесь неизвестно зачем. Девушка вдруг почувствовала себя неудобно, застеснялась своей наготы, бросила цветы и, подбежав к орешнику, натянула еще не просохшую рубаху. Затаилась, неожиданно услышав шаги. Мягкие такие, осторожные, вкрадчивые. Словно бы крался кто-то орешником. Ладислава нащупала на поясе нож. Что ж, наверное, это идет тот, кто вырезал руну. Эх, предупредить бы Дивьяна, да что уж теперь. Бросившись в траву, девчонка замерла в ожидании. Шаги вдруг раздались уже рядом с ней – мелькнула, едва не наступив на нее, чья-то нога, обутая в промокший башмак с обвязанной мокрой онучей. Проволоклось по земле древко копья...

Все! Сейчас заметит! Нельзя терять времени, к тому ж можно будет кликнуть на помощь Дишку...

Резким движением Ладислава вырвала из рук незнакомца копье и, дернув за ногу, повалила в траву. Вспыхнуло в руке острое лезвие...

– Ты что, Лада-чижа?! – испуганно воскликнул брошенный на землю Дивьян. Ну, конечно же, это был он, кому еще-то?

– Ходишь тут, словно лиса... – переведя дух, вымолвила девушка. – Едва не погубила тебя – думала, чужак! Да еще и пробирается тайно.

– Так я и хотел к тебе незаметно подкрасться, – признался отрок. – Пошутить.

– Дошутился б. – Ладислава передернула плечами, потом порывисто обняла парня за плечи. Поцеловала в лоб. – Хорошо хоть так обошлось... Что там с силками?

– Ничего. Все целы, – улыбнулся Дивьян. – Правда, и не попался в них никто. А ты, я смотрю, словно испугалась чего? Ишь как на меня бросилась.

– Испугалась, – коротко кивнула девчонка. – Пошли, покажу что...

Она подвела Дивьяна к старому пню, кивнула на вырезанную руну.

– Ну, не так и свежо, – внимательно рассматривая рисунок, отрок покачал головой. – Не весенний рисунок, зимний, вишь, светел, но как бы подернут чем-то. Ха! Я такой же на том берегу видел, на сосне. И тоже – зимой еще... Слушай!!! – Он вдруг замер. – А ведь тем летом их еще не было. Ни того рисунка, ни этого. И не только летом – осенью я их тоже не видел. Выходит, и вправду они появились зимой, когда... когда...

Отрок вдруг засопел носом. Ладислава понятливо кивнула, ей тоже все стало ясно. Руны появились тогда, когда неизвестные лиходеи вырезали весь род старого Конди.

– Интересно, а рядом с разоренной усадьбой в Куневичах тоже есть руны? – задумчиво произнесла девчонка.

– С какой усадьбой? Ах да... про которую говорил Келагаст, – Дивьян почесал затылок и кивнул на пенёк. – Как ты назвала этот знак?

– Руны. Или, верней, руна. То варяжский знак.

– Варяги? – отрок невесело усмехнулся. – До поры мы жили с ними мирно. Значит, кто-то из них. Конди знал некоторых... Так вот почему наши не успели оказать сопротивление! На них напали знакомые!

Дивьян сглотнул слюну и, помолчав, показал на челн:

– Поплыли?

Ладислава молча кивнула.

Вроде бы ничего и не изменилось в окружающем их мире. Все так же деловито стучал дятел, все так же куковала кукушка, и так же медленно плыли облака по белесому небу, и вода по-прежнему была гладкой, как зеркало. Но... словно бы витал над озером, над лесом и лугом, воспрянувший дух разрушения и мести. И стук дятла стал раздражать, невыносимо стало слышать кукушку, а отражающиеся в воде облака теперь выглядели зловеще.

Все так же молча они вытащили челн на мель, замаскировали в тростнике, а оказавшись на дворе усадьбы, тщательно заперли ворота.

– С сегодняшней ночи спим по очереди, – затушив очаг, глухо сказал Дивьян, и Ладислава, соглашаясь, кивнула.

– Сначала – я, – так же тихо продолжал отрок. – Потом, под утро – ты. А я наблюдаю... Днем, если все хорошо, выспимся...

Он ушел в избу. Скрипнув, затворилась дверь, и Ладислава остро ощутила свое одиночество перед этими бесконечными, вселяющими непреодолимый страх лесами, перед холодной гладью озер, перед нависающе-белесым небом, на светлом фоне которого темнели острые колья ограды, за которой чернотой маячил погребальный курган. Все, что осталось от рода старого Конди. Если, конечно, не считать Дишку.

Забравшись на пологую крышу амбара, Ладислава укрылась от холода старой шкурой и прислушивалась к звукам близкого леса. Да-а, была бы собака... Обещал ведь Келагаст, дальний Дишкин родич. О, Келагаст, староста Келагаст, непростой ты мужик, и ах как нехорошо смотрели тогда, ранней весной, твои масляные глазки. Ладислава очень хорошо чувствовала подобные взгляды, прекрасно понимая, что они означают. С тех пор больше не приходил староста, оно и понятно – весенние работы, расчистка пашни, сев. Да и рыба прет – только держись, и зверь лесной – каждый человек на счету. Предлагал ведь Келагаст к нему перебраться, в его городище, что на Паше-реке, в том месте, где наволоок. Не так и далеко отсюда. Ох, Келагаст, Келагаст. Кто знает, кабы не взгляды твои похотливые, может, и перебрались бы? Впрочем, вряд ли. Уж больно Дишка того не хотел. Дишка... Славный отрок, смешной такой и вместе с тем заботливый и в чем-то даже мудрый, а уж охотник – каких поискать.

Воздух, светлый ночной воздух, был настолько тих и прозрачен, что Лада слышала, как в озере плескалась щука. Хлопая крыльями, пролетела сова – ага, вот пискнула мышь, пойманная в мощные когти. На дальнем болоте пронзительно вскрикнула выпь. Крик ее, затухая, долетел и сюда, до усадьбы старого Конди. Бывшей усадьбы убитого старика Конди. Ныне здесь был один законный хозяин – отрок Дивьян, единственный выживший в роде... Так, выходит, это не колбеги уничтожили его род? Варяги! А может, руны не имеют к смертям никакого отношения? Тогда для чего их здесь изобразили? Нет, слишком мало всего, чтобы хоть что-то утверждать точно.

Девушку едва не сморил сон, хорошо, удержалась, чтоб не заснуть, прыгнула с крыши, побегала по двору, помахала руками, сполоснула лицо водой из дождевой кадки. Снова забравшись на крышу, посмотрела вдаль, на белую гладь озера, узкую и длинную, именно оттуда почему-то ожидалась опасность. Ну да, ведь именно там луг со старым пнем. И вырезанная на том пне руна. Эх, кабы знать, что она означает? Ведь учил же когда-то Хельги. Или не учил? А был ли он вообще в ее жизни, этот варяжский ярл, красивый, мужественный и отважный? Или просто привиделся в девичьих ночных грезах. Нет! Нет! Уж слишком хорошо помнила Ладислава запах его сильного тела. Помнила... Девушка невесело усмехнулась. Убежала от молодого варяга за тридевять земель, думала, забудется все. Ан нет. Не забывалось. Наоборот, тоска временами наваливалась – страшная. Да еще и тишина эта. И нет никого вокруг, до самого Пашозера, только они вдвоем – Дишка-Дивьян и она, Лада-чижа.

Тьма не тьма была кругом, какие-то туманные белесые сумерки. Чернели кругом холмы и деревья, изредка кричали ночные птицы, а где-то далеко, за рекою, слышался одинокий вой волка.

Человек в короткой оленьей куртке отошел от реки, оглянулся – надежно ли спрятан челн? С берега лодки было не видно. Хорошо. Человек хмуро взглянул на небо, розовеющее близкой зарею. Следовало спешить. Вождь не любит опозданий. Жаль, задержался у Келагаста под видом возвращающегося из Ладоги, теперь вот никак не успеть. От реки до усадьбы Конди вроде и не так далеко, ежели через озеро, ну а если в обход? К утру только и будешь. А надо было еще проверить на лугу – цел ли? О том настойчиво напоминал вождь, провожая. А как успеть? Как успеть, когда вместо одного дня провел у Келагаста два? Да и как было не провести – радушен был наволоцкий староста, рад был гостю, и даже скорее не столько гостю, сколько принесенным им вестям из большого дальнего мира. Лесные жители все были любопытны, только скрывали это, а Келагаст вот не скрывал. Хорошо было с ним говорить, весело, гость сказался мастеровым, артельщиком, пробиравшимся к Явосьме-реке навестить родичей. Якобы навестить. Якобы к Явосьме... Вовсе не туда держал путь Лютша-мерянин, как называли его в ватаге смурного вождя. А куда – про то никому лучше и не знать вовсе. Расслабился у Келагаста Лютша, распарился в баньке, рыбки попробовал. Келагаст себе на уме оказался, не за просто так в бане парил, все про Ладогу расспрашивал, что на что там обменять можно. Все интересовало старосту: и сколько зеленых бус дают за меру жита, а сколько серебра за беличьи да куньи шкурки, да какова цена на рабынь. Ну, про рабынь Лютша долго рассказывал – цены знал, когда-то в славном граде Киеве, куда занесло его после бегства из родных мерянских лесов, дела имел с самым знаменитым торговцем. Ну, дела, конечно, это уж слишком солидно для Лютши сказано, это он перед Келагастом выпендривался, на самом-то деле скорей так – делишки. Ну, пусть и делишки. Да зато с кем! С самим Харинтием Гусем дела имел в Киеве! В смысле – делишки... Впрочем, имя Харинтия Келагасту, конечно же, ничего не говорило. Вот ведь пнина лесной! Лешак лешаком, а туда же – красивых наложниц восхотел завести, цены выпрашивал. Ой, не зря... Так ведь еле вырвался от него Лютша. Хорошо хоть догадался про окрестные селенья спросить. На вопрос об усадьбе старого Конди Келагаст скривился. Отвечал нехотя, дескать, сгибли все в усадебке от лютых колбегов, один Дивьян-отрок остался. Живет, мол, теперь, один-одинешенек. По крайней мере, Келагаст говорил именно так. Неохотно рассказывал, все глазами кругом зыркал, потом перевел разговор на девок, а в конце – ух, и хитер же! – словно невзначай вопросик подкинул:

– А что это ты, гостюшка, про Конди выпрашиваешь?

Ну, Лютша тоже не льком шит:

– А думаю, может, заночевать там?

– Что ты, что ты, господине! – Келагаст как будто расстроился, озабоченный удобством пути. – Тебе ж там сперва все по Паше-реке, вон, челн у тебя, смотрю, ходкий. А от реки усадьба не близка! Там лесом, да лугом, да через озеро. Легче у Палуицы заночевать, чай, знаешь, речку... Там уж тебе прямая дорога. Нет, гостюшка, не советую я тебе ходить на усадьбу Конди, изрядный крюк сотворишь!

Лютша лишь плечами пожал:

– Ну, как скажешь, дядько.

Так и поплыл, почти мимо, соглядатаев Келагастовых опасаясь. И не зря – те его, почитай, до самой Палуицы проводили, не особо и таясь. Рыбачки типа. Потом повернули в обрат, к ночи ближе. Лютша выждал немного – и тоже поворотил челн. Вот и подзадержался... Там день да тут. Около недели уж набежало. За такое рассердится вождь, а уж на расправу он крут. Плелей запросто можно отведать, да как бы не хуже.

Лютша прибавил шаг. Среднего роста, худой, белобрысый, с оттопыренными ушами, он мало чем выделялся среди местных. Ну, то и понятно – весь да мера одного корня. Сколь ему лет, тоже с первого взгляда не скажешь. Издалека посмотришь – ну, совсем молодой вьюнош, а подойдешь поближе – сразу годков с десяток накинешь.

Выйдя на луг, мерянин осторожно осмотрелся. Вокруг было тихо, покойно, лишь ухала где-то сова, да изредка стучал в лесу дятел. От озера струился туман, густой и холодный, где-то там, на том берегу, скрывалась за камышами невидная из-за тумана усадьба старика Конди. Убитого старика. Остановившись посреди луга, Лютша повернул налево, тщательно отсчитал несколько шагов, затем остановился и, поискав глазами, обнаружил наконец пень. Увидел вырезанную руно и облегченно перевел дух. Вроде бы все в порядке. Оглянувшись по сторонам, мерянин вдруг резко упал на колени и, выхватив нож, принялся рыть под корнями... Ага! Нашупал руками что-то... Удовлетворенно кивнул и, забросав землю обратно, прикрыл корни дерном, про себя подивившись мудрости вождя... или того из местных, кто ему подсказывал. Место для тайника было выбрано с толком. Приметное – не где-нибудь в чаще, что сто лет ищи – не найдешь, – да и подозрения никакого не вызывает: пень и пень. Руна-то только вблизи видна. И ходить сюда никому нет надобности. Ничего тут полезного на лугу нет, кроме травы да желтых цветков-одуванчиков. Коровам траву запастись не будут – нет в ближайшей усадьбе коров, охотники на луг тоже не сунутся – незачем, разве что девы забредут за цветами, так ведь нет здесь никаких дев. Лютша усмехнулся – мудро. Зато тот, кто знает, случись что – вот оно, серебришко, вот и оружие, даже вяленое мясо – мало ли? Про мясо, конечно, вождь не подумал – а вдруг собаки рядом случатся? Разроют тайник. Ну а не собаки, так какой зверь лесной – барсук или куница. Нет, с мясом – это не дело, хоть и завернуто оно в мешочек кожаный.

Оглянувшись на клубящееся туманом озеро, мерянин прибавил шаг. По левую руку его, за лесистым холмом, розовело небо. Лютша улыбнулся. Если и осерчает вождь – теперь всегда уйти можно. Есть куда. Нежданно-негаданно встретил вдруг Лютша в Ладоге одного знакомого, из тех, кого лучше и не встречать, Вельведа-волхва, по чьему умыслу и извел когда-то Лютша князя Миронегу. С тех пор не так уж много воды утекло, он, Лютша, – изгой, кабы не вождь – так помер бы уж, поди, – а Вельвед богат и процветает! Даже усадьбу свою имеет – Лютша проследил, не поленился. Богато живет Вельвед, только про волхвовство свое, похоже, не очень-то вспоминает. И про Миронегу, мерянского князя. Ну, так про то можно и напомнить. Ну, Вельвед, Вельвед...

Дивьян потянулся, спрыгнул с крыши. Вот и прошла ночка! Схватив бадейки, побежал к озеру, пройдя по скрипучим мосткам, черпнул водицы да, скинув рубаху, ополоснулся до пояса, прогоняя сон. Над светлой озерной гладью таяли клочья тумана. Солнышко еще не показалось над лесом, но чувствовалось уже: вот-вот объявится, полыхнет в соснах, растопит остатки тумана, вспыхнет в росной траве маленькими разноцветными радугами. Еще один погожий денек. На охоту бы надо... Или лучше за рыбой? После закоптить над костром, покуда есть время. Хорошо б еще лыка надрать для корзин да сплести лапти на зиму, не одну пару – несколько, чтоб износил – не жалко. Хороший день... Дивьян улыбнулся, потрогал босой ногою воду. А не так и холодна! Сняв порты, бросился с мостков. Опп-ля!!! Нырнул, ушел с головою, достал илистое дно, вынырнув, глотнул воздуха, подплыл к мосткам, взобрался... и снова – головой вниз, чувствуя кожей приятный холодок прозрачной водицы... Да уж и холодка-то почти не было. Хорошо! Дивьян вдруг испуганно отпрянул – чье-то сильное тело вихрем пронеслось мимо него. Русалка! Сейчас поднырнет, схватит за ноги, утащит под воду, как рассказывал когда-то старик Конди. Ай, не надо! Вот и оберег на шее в виде бронзовой уточки... цел ли? Отрок схватился рукой и облегченно перевел дух – цел. И в этот момент кто-то сильно шлепнул его по спине:

– Что скулится, Дишка?

Лада! Названная сестрица. Ишь как ловко плышет, пожалуй, и не утонишься.

– А я думал – русалка.

– Конечно, русалка, – брызгаясь, засмеялась девушка. – Не похожа разве?

Она вылезла на мостки, стряхивая воду, – нагая длинноволосая нимфа. Дивьян восхищенно смотрел на нее, чувствуя, что краснеет. Отвернулся, нырнул поглубже и впервые подумал, как плохо, что эта девчонка – его названная сестра.

Стоя на мосточке, Ладислава сглотнула слюну, почувствовав вдруг знакомое томление... как тогда, в объятиях ярла. Показалось вдруг на миг: вот выйдет из-за излучины большой варяжский корабль-драккар, взмахнет веслами, а на носу – Хельги-ярл в темно-голубом знакомом плаще, сильный, красивый, родной...

– Что уставился? – Увидев вынырнувшего парня, Ладислава показала ему язык и, прихватив с мостков брошенную рубаху, побежала к усадьбе.

За лыком решили пойти к Чистому Мху – тому самому болотцу, где они по зиме и встретились в избушке.

– Лип там много, и дубки молодые, – пояснял по пути отрок. – А помнишь, тебя там волк чуть не съел?

– Это тебя чуть не съел! – засмеялась девчонка. Светлые, стянутые тонким ремешком волосы ее горели золотом только что взошедшего солнца. Вокруг тянулись леса да болота, перемежающиеся небольшими озерами и ручьями. Тропки почитай что и не было. Как ориентировался здесь Дивьян, Ладиславе было не очень понятно. Впрочем, чего понимать-то? Одно слово – местный. Весянин. Не заплутает.

– А чего здесь плутать-то? – удивленно пожал плечами отрок. – Вон, Черный ручей, а за ним – видишь, блестит за деревьями? – Койвуйозеро, а дальше уже и знакомые тебе озера – Глубокое да Светленькое... Там и липы. А за болотом – дубки. Ужо надерем лыка!

– Да уж, надерем, – кивнула девушка. Ей почему-то все больше хотелось обратно, в Ладогу, к подружкам, к родным... к ярлу. Убежать захотела, дщерь? От себя не убежишь! Хотя, наверное, и надо бы.

Лыка надрали быстро. Уже к полудню наполнили заплечные мешки и корзины. Эх, кабы лошадь! А так уж придется на себе тащить. Дивьян стрельнул глазами:

– Выдюжишь, чижа?

– Кто бы сомневался!

Поначалу шли ходко, потом притомились. Уселись под деревьями, вытирая едкий пот, – да чуть ли не в муравейник. Поползли по ногам юркие рыжие мураши. Ладислава ойкнула.

– Давай туда перейдем! – Она указала на излучину ручья.

– Туда? – недоуменно обернулся Дивьян. – Так там же мокро. Да и комары...

– Комаров и здесь хватает. А там зато цветов – глянь сколько! – Девушка просительно улыбнулась. – Ну, Диша, ну, пошли туда, а? Я ведь веночек на нашем лугу так вчера и не сплела.

Отрок махнул рукой: хочешь ноги мочить – идем. На излучине и в самом деле оказалось чуть сыровато, но вполне терпимо, к тому же можно было вдоволь напиться из ручья чистой прохладной водицы, что оба и проделали тут же, черпая воду ладонями.

– Уфф! Хорошо. – Отдуваясь, Дивьян повалился на спину, подложив под голову руки. Предупредил строго: – Полежим немножко, и в путь.

Не слушая его, Ладислава уже собирала одуванчики. Потом присела у большого серого камня. Станный был камень, серый, угловатый, поросший седым мхом. Его словно бы поставили здесь специально, подняв из густой травы.

Пойдем, девоньки,
Завивать веночки! —

сплетая венок, вполголоса напевала девушка:

Завьем веночки,
Завьем зеленые.

Надев на голову желтый венец, она обошла камень, направляясь к спящему отроку... И вдруг, замерев, тихонько позвала:

– Диша!

Дивьян отозвался сразу, словно и не спал вовсе. Встав, подошел к камню. Ладислава кивнула:

– Смотри.

На обращенной к лесу стороне камня были выбиты три линии. Две шли параллельно – левая подлиннее, правая покорооче, верхушки их были соединены третьей.

– Руна? – шепотом спросил Дивьян.

– Не знаю, – честно призналась девушка. – Та, что на озерном лугу, точно руна, я такие видала. А эта... Не знаю. Но кто-то же ее зачем-то выбил? Была раньше?

– А леший ее знает, – отрок пожал плечами. – Я тут, почитай, зимой только и бывал, а зимой и камня-то не видать. Ну что, пошли?

– Пошли, – задумчиво кивнула Ладислава. – Срисовать бы ее, да нечем.

– И так запомним, – усмехнулся Дивьян, вскидывая на плечо котомку с лыком. – Что тут запоминать-то? Одни палки какие-то.

Девчонка поежилась:

– Непонятно все это. Та руна – на пути от реки к нам, а эта... этот путь куда?

– К Куневичским погостам, к Капше-реке.

Дивьян шел впереди, стараясь не очень спешить, чтобы зря не утомлять Ладиславу. Понимая это, та старательно скрывала усталость и шла молча, экономя силы. В принципе, не так уж много и оставалось. Вон уже знакомая березка, вот тропа, речушка, а там, за холмом, озеро.

– Шуйга-река, – кивнул на речушку отрок. – Так и сестрицу мою звали – Шуйга... Которую... – Он вздохнул и остаток пути вообще ничего не говорил, только остервенело сбивал обломанной веткой попадавшийся по пути репейник.

Когда за деревьями замаячила усадьба, Ладислава вдруг осознала, что уже привязалась к этому месту, как к чему-то до боли знакомому, родному. Старый, чуть покосившийся – так и не сумели пока толком поправить – частокол, старая береза у ворот, колодец, мостки, крыши.

– Пришли наконец-то...

Войдя во двор, девушка скинула с плеч тяжелую ношу и только сейчас почувствовала, как сильно устала. Уселась у колодца, привалившись к срубам. Немножко посидела так, прикрыв глаза, – понимала, работы в усадьбе хватит. Вычесать старый лен, сварить похлебку, закоптить пойманную вчера рыбу, испечь ржаные, с кашей, лепешки – калитки – да мало ли дел? Рассиживать-сидеть некогда.

Ладислава встала и вошла в избу. Усмехнулась, увидев, как Дивьян старательно чертит на стене у лавки линии взятым из очага кусочком угля:

– Похоже.

– Не похоже, а в точности так, – обиженно откликнулся отрок. – У меня глаз памятьлив.

– Памятьлив-то памятьлив, – засмеялась девчонка. – А вторую руны ты уж совсем не так изобразил. Ну, которая на лугу. У нее вовсе вверх веточки, а не вниз.

– Нет, вниз! Я же помню.

– Нет, вверх. Если по-моему, вытащишь для меня старый мед из дупла.

- А там же пчелы!
- Боишься? А если по-твоему выйдет, я тебе буду песни петь, пока не уснешь.
- Жалостливые?
- Всякие. Согласен?
- Согласен. Поплыли, посмотрим!

Ладислава оказалась права – крайние линии руны действительно смотрели вверх, а не вниз, как предполагал Дивьян. Он, кстати, и носом не повел по поводу собственного проигрыша, стоял у пня, словно пес, приюхивался. Лада-чижа даже засомневалась – может, ну его, не посылать за медом?

- Земля, – обернувшись к ней, произнес отрок.
- Девчонка не врубилась.
- Что – земля?
- Вот, здесь, под ногами. – Дивьян кивнул на пень. – Вчера не было. А ну-ка...
- Осторожно, там змеи могут...
- Знаю.

Быстро раскопав корень со стороны руны, он засунул под пень руки, пошарил и с торжествующей улыбкой на лице извлек на поверхность несколько небольших кожаных мешочков. В мешочках оказались слитки серебра, железные наконечники стрел, разноцветные бусины, пара хорошо заточенных ножей и вяленое мясо.

- Схрон, – кивнул отрок. – Кто-то припас зачем-то.
- А там? Под камнем?
- Завтра пойдем. Сегодня уж поздно...

Под камнем тоже обнаружился схрон. Почти с тем же самым. Оружие Дивьян с Ладиславой забрали себе, а остальное закопали, как и было.

– Теперь опасаться надобно, – предупреждал на обратном пути Дивьян. – Опасаться. Чувствую, не к добру все эти руны!

Глава 7

Гости

*На лютыя козни победителя явишася,
На крепкого ратника ополчившееся
Твоею силою языки все научивше,
Во единомышление совокутивше.*

Стихотворные подписи к «Сборнику» 1647 г.

Май-июнь 865 г. Ладога

Приближался к концу веселый месяц травень, давно сошел лед с Волхова, зеленели берега, дули с юга теплые ветры, принося долгожданное тепло, пахнущее пряными травами. Ольха у ладожской пристани разрослась так, что почти не было видно покачивающихся на ласковых волнах ладей, не очень-то много их пока было, но ждали уже, ждали. Все чаще взбирался на крутой холм за мысом артельный староста Бутурля Окунь – высокий костистый мужик с худощавым лицом и бороною ключьями – высматривал корабли с юга, не идут ли... Не мелькнут ли за соснами паруса? А уж тогда пора... Пора бежать, засунув за пояс – чтоб не слетела – шапку, звать-собирать артельных – идет, идет караван, идут купцы-гости, хватит у очагов спины греть, пора и за работу. Попервости-то, пока не устоялось, можно и цены поднять, особенно если кто из гостей впервой в Ладоге, потом-то не разбежишься, постоянные-то гости цену за погрузку-разгрузку хорошо знали. Ну, платили не скупясь, главное было – перебить конкурентов, застолбить корабль первым. Хоть и меньше заработка, чем на волоке, да ненамного, к тому же многие из артельных мужики справные, с семьями не хотели расставаться, потому и прирабатывали в родном городе, не то – молодые парни. Этим-то все равно, эти и на волоке могут.

Взобравшись на холм, приложил Бутурля руку ко лбу, защищая глаза от солнца, глянул – пуста вода, не считая рыбацких челнов, зря пришел сегодня. Ну, делать нечего, посматривать все одно надо – первому углядеть. Уселся артельный на пень, снял башмаки-постолы, развесив онучи на малиновых кустах, вытянул босые ноги – хорошо! Ветерок ласково дул с Волхова, солнечные зайчики скользили по синим волнам, покачивались челны. Пара рыбаков – было видно – пытались вытянуть сети, да что-то не ладилось у них – то ли рыба большая попалась, то ли зацепились за что. Долго наблюдал Бутурля Окунь за рыбаками, интересно было – вытянут али нет? Потом глянул на солнце – ух, высоко уже, оглянулся на излучину дальнюю... Кажись, белело что-то. Ну да, точно. Паруса! Бутурля хлопнул себя по лбу – чуть ведь не проглядел, лешак старый, – подхватив постолы и онучи, бегом спустился к реке, замахал руками, узнав в ближнем к берегу рыбаке знакома – старика Нехряя, перевозчика:

– Нехряй, эй, Нехряюшко!

Дед недовольно покосился на него:

– Чего орешь? Всю рыбу распугаешь.

– Да леший с ней, с рыбой. Вези в город – резану получишь!

– Резану? – Нехряй недоверчиво прищурился. Что-то не очень верилось ему в подобную щедрость.

– Резану, – подтвердил Бутурля. Знал, для старика – сумма не малая, две резаны – куна, дирхем серебряный!

Нехряй задумался ненадолго, махнул рукой и, споро вытащив сеть, погреб к берегу.

– Быстрее, Нехряюшко, – возбужденным шепотом приговаривал артельщик. – Быстрее...

Хельги-ярл, правитель Альдегьюборга, верхом, с частью дружины, поспешал к пристани. Ходко шли кони, серебрились на воинах кольчуги, развевался за плечами ярла богатый темно-голубой плащ. Спешил ярл.

Караван! Гости-купцы из Киева, а то и из самого Царьграда. Хотя, конечно, для царьградских еще рановато. Значит – киевские. Видно, решили опередить царьградцев, распродать побыстрее ромейский, оставшийся еще с прошлого года, товар. Что ж... Милости просим! Если цены не зашибать, так и разберут, ромеев не дожидаясь. Вино, утварь знатная, оружие с узорочьем, ткани – на эдакий-то товар много охотников. И главное – у многих есть, чем платить. Накопили за зиму беличьих шкурок, а кто и куньих, и собольих даже. У кое-кого и мед с прошлого лета остался, не съели – почему б не обменять на бусы зеленые, на золоченое блюдо, на яркую, шитую золотой ниткой ткань – супруге на загляденье?

Прослышав про купцов – и откуда только? – сбегался к Волхову люд. Мальчишки, молодые парни, мужики – те шествовали спокойно; девки-бабы неслись во всю прыть, уж им-то от заморских диковин самая радость. Многие принарядились – разноцветные пояса, ожерелья, подвески – медные, бронзовые, а у кого и золотые. Словно праздник какой, право слово! Так ведь, если подумать, и вправду – праздник. Первые гости. Примета такая есть – удачно пойдет с ними торговлишка, так и весь сезон так же будет. Потому и радовались, надеялись. Да и соскучились за зиму по новым людям.

Корабли – несколько глубоко сидящих насадов, видно перегруженных, пара юрких монокилов для охраны – медленно, с достоинством, разворачивались к берегу. Вот уже были убраны паруса, вспенили воду весла, загребли правым бортом, затабанили левым, миг – и насады уже у мостков. Там уж распорядился Бутурля Окунь, довольный, в праздничной красной рубахе, застолбил, видать, первенство. Артельщики – сильные молодые парни – ловко ловили канаты, привязывали корабли к мосткам.

Хельги подъехал ближе. Увидев князя, с первого судна проворно спустили сходни. Вышел на берег толстый чернобородый купец в накинутом наспех дорогом ромейском плаще, поклонился низенько:

– Здраве будь, князь ладожский.

– И ты здрав будь, – не слезая с коня – не по чину, приветствовал ярл. – С каких краев будешь?

– С киевских. Велимиром кличут, впервой у вас.

– Удачи тебе, Велимир-гость. Посейчас тиунов пришлю – заплатишь пошлину, потом торгуй себе.

Хельги поворотил коня. Купец обернулся, незаметно мигнул кому-то:

– Не спеши уезжать, княже!

Юркий мужичок в серой посконной рубахе проворно пробежал по сходням, передал купцу сверток. Велимир развернул, повернулся к Хельги:

– Не побрезгуй подарком, Олег-князь. – Он протянул ярлу усыпанный драгоценностями кинжал.

Хельги кивнул гридям. Один из отроков, подхватив подарок, передал его ярлу, которого ни с того ни с сего вдруг разобрал смех, и странная фраза закрутилась в мозгу.

– Дача взятки должностному лицу, – вслух повторил ее ярл и засмеялся. Подарок ему понравился – изящный, удобный, с массивным булатным лезвием – под слоем светлого металла проступал узор, знать, ковали внахлест, из разного железа – остер такой клинок, прочен, гнется, да не ломается. Так франки-оружейники делали, и восточные мастера... и давно умерший кузнец-колдун Велунд.

– Благодарю за подарок, гость, – улынулся Хельги. – Теперь жди. Тиунов быстро пришло.

Ярл с дружиной понеслись прочь, к детинцу.

Быстро восстановилась после страшного пожара Ладога, да и чего б не восстановиться, леса-то вокруг – море разливанное! За лето рубили избы, ставили частоколы, крыли камышом и дранкой крыши. Все вокруг – дома, амбары, ограды – стояли молодые, чистые, недавно срубленные, в воздухе вкусно пахло смолой.

Белобрысый лохматый парень на последнем насаде с удовольствием втянул в легкие воздух. Обернулся:

– У нас так не пахнет, дядько Ятибор.

– Смотри, не привыкни, Яриле. – Ятибор – пожилой рыжебородый мужик – кормщик, ухмыльнулся в усы. Ему и самому нравился этот запах. Ярил привстал на цыпочки, ухватился за края борта, вытянул шею. Переднюю ладью видно было плоховато – скрывали ольховые заросли и гнущиеся к самой воде ивы. Тем не менее Ярил углядел князя... Давнего своего знакомого – варяга Хельги. Может, чем в артельщики, так лучше к нему в дружину? А возьмет ли? Да и не хотелось бы здесь оставаться надолго. Поутихнет все в Киеве, поуляжется, тогда и возвращаться пора – ждет ведь Любима. Любима... Ярил Зевота вздохнул – вот уж никогда раньше не думал, что полюбит так крепко деву. Да и как не полюбить такую красу? Черноглаза, черноброва, волосы – как вороново крыло, посмотрит – словно солнце встанет, а уж ежели улыбнется... Казалось, все отдал бы Ярил за одну лишь ее улыбку. Любима... Хорошо б ей отсюда подарок привезть. Хорошо бы...

– Эй, малый! – крикнул с берега какой-то мужик. – Чего сидишь? Спускай сходни!

Ярил оглянулся. Кормщик, дядько Ятибор, кивнул – спускайте, мол. Поднимая брызги, полетели в мелководье тяжелые доски, не хватило причала, ну да и так хорошо – немножко и не достали до берега, перепрыгнуть можно, а товары носить – оно и по воде приятно.

Пока не разгружались – ждали тиунов. Те появились скоро – не соврал князь – двое: темноглазый морщинистый мужик с кустистыми бровями и молодой светловолосый парень, по виду чуть старше Ярила. Подойдя к насадам, тиуны переговорили с Велимиром и разделились. Бровастый остался у первого судна, а молодой парень направился к последнему – к насаду кормщика Ятибора.

– Идет, идет, – зашептал гунявый Евсил, купецкий ярыжка. – Эх, что ж вы сходни-то этак сбросили? Да что ж вы стоите-то, олухи? Кланяйтесь, не то уж обскажу Велимиру.

Завидев подошедшего к самым сходням тиуна, гребцы поклонились. Евсил – мелкий, пронырливый мужичонка – разулыбался, словно встретил любимого родича. Кланялся:

– Пожалуй-ко сюда, батюшка. Осторожно, не замочи ножки...

Молодой тиун в свою очередь поклонился корабельщикам и вслед за Евсилом подошел к укрытым рогожкой товарам:

– Ну, друже, показывай!

Дальше Ярил к ним не прислушивался, все смотрел на берег, ожидая разрешения пойти в город. Многие уже сошли с насада, прыгали на берегу, разминая ноги. Где-то уж запалили и костерок – сварганить к обеду ушицы. Вообще-то Ярил мог уйти и не спросясь, да опасался – как оно там еще все обернется, в чужом-то городе? Потому выжидал и сам боялся признаться себе – страшновато было. Краем уже слышал бормотанье ярыжки:

– Тут ткань аксамитная по две штуки, эвон – вино ромейское в бочонках, там чаши да блюда... Не, батюшка, две гривны дороговато будет. Прямо скажу – в убыток. Не хочешь ли винца хлебнуть? Знатное... А вот, глянь, какой плащ! Из самого Царьграда. Ишь как на солнце играет... А ну-ка... Ну, батюшка, как для тебя выделан! Бери... Бери, бери, не стесняйся, не то обидишь...

Сойдя на берег, Ярил лениво попинал камни, осмотрелся... и едва успел спрятаться в кусты, увидев тощего жукоглазого мужика – врага своего Истома... Истома Мозгляк – да, так, кажется, его имя. Раньше еще увидел его в караване Зевота. Таился, да то и легко было сделать – Истома-то на главном судне был. Ярил вдруг рассмеялся – и чего он сейчас-то в кусты полез? Что этот Мозгляк ему здесь сделает? В реке утопит? Так это еще – кто кого. А больше что? Чай, не Киев. Хотел уж было Зевота выбраться нагло на видное место. Да что-то удержало его. Не страх, нет, видно – привычка к осторожности, недаром ведь лиходейничал с малолетства в шайке Мечислава-людина. Истома, кстати, тоже с Мечиславом якшался.

Дождавшись, когда Мозгляк скрылся из виду, Ярил уселся у разложенного корабельными костерка, напротив насада, с которого по-прежнему доносилось гугнивое бормотанье ярыжки:

– Вино ромейское – восемь бочек, медь – четырнадцать криц, бусы сердоликовые – десяток...

– А там что, у борга?

– Где? А, так это... это для себя, мясо да огурцы в бочонках – пища... Да что их открывать, уж, поди, стухло все...

Ярил походил немного вокруг костра и направился вдоль пристани, так, без всякой цели. Прогуляться. Любовался, как ярко желтеют городские стены, сложенные из крепких бревен, не успели еще потемнеть, смолой пахли. Видел, как кучковались невдалеке местные, молодые мужики и парни, по виду – артельщики. Вот бы к ним прибиться... Ярил подошел ближе и вдруг почувствовал, как кто-то тянет его за рукав. Оглянулся: морщинистый бровастый мужик, нос крючком, глазки маленькие, пронзительные, темные. Одет скромно, плащик линиялый, черникой-ягодой крашенный, но пояс дорогой, узорчатый.

– С насадов?

Ярил кивнул.

Оглянувшись по сторонам, мужик раскрыл ладонь, показал мелкий медный кружочек:

– Что такое – знаешь?

– Еще бы, – усмехнулся Зевота. – Обол ромейский.

Бровастый недовольно крякнул, видно, не ожидал таких познаний от босняка. Тем не менее предложил:

– Хочешь – твой будет?

– Что делать велишь? – вопросом на вопрос ответил Ярил.

– Сверток я с мостков кину. А ты отнесешь за ворота, к амбарам. Там меня и дождешься. Да, смотри, не сбегги, – пригрозил мужик. – Ведаю, с какого ты насада, плохо тебе тогда будет, паря.

– Не пугай, – Ярил прищурился. – Одного оболы маловато будет. Медяха-то мелкая. Давай два.

– Окстись, паря! Я эвон, кого другого найду.

– Ищи. – Зевота нарочито небрежно сплюнул. – Только оболы тут все знают, не невидаль. Бровастый засопел, задумался. Потом махнул рукой:

– Согласен. Только монеты – потом, как сделаешь.

– Ин, ладно...

Как и условились, Ярил дождался свертка – кстати, довольно тяжелого – и, прихватив его, быстро пошел к амбарам, тянувшимся вдоль всей пристани. Возле них толпились уже какие-то люди, ругались, бросая шапки наземь, и о чем-то азартно спорили. Усевшись невдалеке на пригорок, Зевота спрятал сверток под березой и, насвистывая, прислонился к стволу. Красиво было вокруг – ну, может, и не так красиво, как в Киеве, но тоже ничего – холмы, покрытые зеленой травой, желтые одуванчики, бревенчатый кремль с мощными воротами из крепкого, обитого железными полосками дуба, блестящая на солнце река, а за нею – темная

полоса леса, уходившего в бесконечность. Бровастый что-то задерживался, и Ярил осторожно развязал сверток: узорчатая ткань, голубоватые бусы, золотое блюдо. Украл это, что ли, бровастый? Ишь таится... А вот, кстати, и он. Ярил поспешно завязал сверток и, напустив на себя самый беспечный вид, с деланным равнодушием отвернулся в сторону, краем глаза наблюдая, как от пристани к городским воротам поднимаются двое – бровастый и молодой парень – тиун. Ха! Так бровастый-то, похоже, тоже тиун-проверяльщик! Вот откуда у него сверток – не иначе подарочек от Велимира-купца. Ну, хитер. А этот-то, молодой, простота, так ничего и не прихватил с насада, а ведь Евсил предлагал... Ну, его дело. У амбаров тиуны распрощались. Молодой пошел в город, а бровастый – к амбарам. Заранее еще углядел сидевшего под березой Ярила, ощерился, рассупонил сверток, пересчитал все, потом оглянулся, протянул монеты:

– На.

– Вот, благодарствую, не обманул, – усмехнулся Ярил. – Может, и еще какие порученьица будут?

– Разоришься с тобой, – буркнул бровастый. – Хотя... – Он задумался. – Может, и пригодишься на что. Так сделаем: ты – пока будете торговать – приходи сюда, к березе, через вечер. Понадобись, я тогда вон ту ветку обломаю, видишь?

Зевота кивнул.

– Вот как такое увидишь, явишься к вечеру в корчму Ермила Кобылы, где найти – спросишь.

Ярил обрадовался:

– Так заработаю, дядько?

– Может быть, – хитро сощурился Огнищанин. – Ишь какой прыткий. Ну, жди, паря... Да на березу не забудь посматривать.

– Уж не забуду.

Проводив взглядом бровастого тиуна, Ярил быстро пошел к насаду – судя по крикам, уже начиналась разгрузка. Кроме насадных, работали и местные артельщики под началом длинного костистого мужика со свалывшейся клочковатой бородой. Бега по мосткам, мужик деловито распоряжался артельными, успевая громко ругаться с кормщиком и ярыжкой.

– Мать твою за ногу! Да я ж просил сперва тяжелое подавать да сукно! А ты куда бочки тащишь?

– Так тяжелые ж!

– А вдруг протечет какая? Их отдельно поставим, у ворот самых.

Подбежав, Ярил включился в веселый артельный труд. Во время короткого перерыва подсел ближе к кормщику, улыбнулся хитро:

– Дядько Ятибор, хорошо б Велимир нам посеичас заплатил. Может, чего в Ладоге прикупили б.

– А чего тебе тут прикупать-то?

– Да гостинцев любе.

– Гостинцев ему... Не один ты хочешь, многие уж спрашивали. Ладно, поговорю с Велимиром, может, и заплатит часть...

В следующий перерыв Ярил уселся рядом с артельными. Слово за слово – разговорились. Вызнал все – и об оплате (не очень), и об условиях (так себе). Пригорюнился. Выходит, у купца-то побольше заработок будет! Так ведь нельзя пока обратно в Киев. Нельзя... Но и тут заработки не ахти.

– А ты, коли дело лодейное знаешь, к порогам подайся, – надоумил один из артельных. – Вверх по Волхову, недалече. Там все лодейки стоят, руки знающей требуют – где подсмолить, где досточки перебрать, где чего... И платят – не в пример к нашему.

Ярил задумался. Вроде бы – неплохое дело. На пороги и свалить! Вот только оплаты от Велимира дожидаться. Зря, что ли, во время пути за двоих робил?

Так, в задумчивости, и уснул Ярл, накрывшись старой кошмою. Снилось ему Любима, танцующая у костра с распущенными волосами, славный Киев-град, Подол и почему-то бровастый мздоимец тиун. Может, и с него чего слупить удастся?

Сняв сапоги, Хельги вытянул ноги. Тяжелый денек был, утомительный. И караван нужно было встретить, и переговорить с купцами – те в Киев плыть хотели – и потом беседовал со строителями и старцами градскими – людьми знатными с веча. Новую стену замыслили строить, эта-то низковата вышла – и чем думали, когда строили?

– Думали, батюшка, как бы скорей до зимы управиться, – признался зодчий – давно уже ослабяившийся ромей Акинфий. С белым, в отличие от обычно смуглых ромеев, лицом, мускулистый, подтянутый, он больше напоминал воина, нежели зодчего. Однако строитель был знатный. Вот только со стенами опростоволосился.

– Вообще же, князь, лучше строить из камня, – оглядывая городские холмы, советовал он. – Знатный здесь камень, крепкий, надежный, увесистый. Каменная крепость, она не то, что из дерева.

Хельги кивал, соглашаясь, и подсчитывал расходы в уме: подвоз камня, строительство, растворы, умельцы каменщики... дорого выходило. Из дерева-то крепостица куда как дешевле. Так и не договорились ведь. Вместе со старцами решили еще раз все тщательно обсчитать, а уж потом думать.

– Устал, аки пес, – пожаловался ярл Сельме.

Та, в длинном синем сарафане, заколотом золотыми фибулами, с волосами, уложенными на макушке в затейливый узор, улыбнулась, присела на скамью рядом. Сквозь небольшое оконце хмурилась уже светлая северная ночь, надоедливо зудел комар – Хельги прихлопнул его на шее, прикрыл ставней оконце. Обернулся к супруге, обнял, чувствуя под сарафаном молодое горячее тело, прошептал:

– По нраву ли подарок?

Сельма кивнула.

– Что надела?

– Надену, – шепнув, супруга исчезла за дверью. Ярл улыбнулся, довольный домашним уютом – смертью для настоящего викинга, чей дом – корабль-драккар, а ложе – холодные волны. Впрочем, Хельги давно уже поступал так, как хотел, лишь для вида учитывая обычаи, от которых нельзя было совсем отмахнуться – не поняли бы его люди. Приходилось сдерживаться...

– Ярл, – тихонько позвала вернувшаяся супруга... Сердоликовое ожерелье тускло поблескивало в желтом свете свечи. Кроме ожерелья, на Сельме ничего не было.

– Иди же сюда, о мой ярл, – опускаясь на ложе, женщина протянула руки.

– Иду, – шепотом ответил Хельги, на ходу стягивая тунику.

В эту же ночь входил с Варяжского моря в широкую Неву-реку черный, украшенный на мачте посеребренным навершьем кнорр, принадлежащий скирингсальскому купцу Ульфу Бондарсену. Корабль шел не в одиночестве – купец не любил рисковать и отправился в Альдегьюборг вместе с другими. Пусть даже и конкуренты – что с того? Хватает в прибрежных шхерах и данов, и фризов, и прочего разбойного люда, что явно не прочь ограбить более слабого. Ну а несколько кнорров плюс драккары – сила. Попробуй – тронь. Вот и не пробовали – себе дороже будет. Спокойно переваливались на волнах суда – шесть кнорров и три драккара – корабль Ульфа Бондарсена в числе прочих. На задней надстройке, накрывшись от волн и ветра рогожей, спал целый день странный молодой парень с бритой наголо головой. Днем спал, ночью бодрствовал. Действительно, странный. Нашлись было охотники задирать его, как проснется вечером, да не на того напали. В ответ на явное оскорбление парень с неожиданной

прытью схватил весло и проломил череп обидчику, после чего замахнулся и на других, едва успокоили. Странного пассажира после этого случая предпочитали не трогать и вообще стали считать берсерком. Даже страдавший излишним любопытством купец Ульф перестал расспрашивать парня о цели пути. Ну, плывет себе и плывет в Альдегьюборг, видно – изгой, поди, убил какого-нибудь родича, да ему-то, Ульфу, какая разница? Серебром за путь заплатил, хоть и одет бедно, а уж где он то серебро взял – Ульфу никак не касается. Цыкнул купец на команду, да те и сами не трогали больше парня, во-первых – побаивались после того случая с мачтой, во-вторых, привыкли к его постоянной дневной спячке, ну и, в-третьих, он больше не казался им таким уж непонятным, ясно всем стало – раз берсерк, значит, преступник, натворил чего, вот и скрывается где подальше, Альдегьюборг для этого – самое подходящее место. Вот и сейчас, когда заметно стемнело – хоть и светло было, как всегда поздней весной в этих широтах, – парень-берсерк проснулся. Потянулся, зыркнул по сторонам черными вспыхнувшими глазами. Подошел к купцу:

– Скоро ли Альдегьюборг?

– Скоро, – купец указал куда-то вперед, – там, за излучинами – Нево, озеро-море. Дальше по нему пойдем, затем и Волхов, река широченная, у вас, в Халогаланде, таких нет.

– Сколько дней еще? – нетерпеливо спросил парень.

– Как ветер, – уклончиво отозвался купец.

Берсерк – звали его Варг – усмехнулся. Всю ночь он простоял на корме, смотрел на волны и сливающееся с ними светло-серое небо. Крича, кружились чайки, ныряли вниз за добычей, с низкого берега ветер приносил затхлый запах болот. Едва забрезжило солнце, Варг завалился спать, укрывшись рогожей. И кого он, интересно, убил? И от кого бежит? Ульф покачал головой – не его дело.

В Альдегьюборг пришли к полудню, висевшее над рекой солнце слепило глаза. Если бы не взятый на Вороньем мысу лоцман, сложно было бы видеть фарватер, да и так нелегко. Осторожно маневрируя, тяжелые кнорры, груженные медью и фризской тканью, подходили к причалам. Собравшаяся на берегу толпа выкрикивала приветствия, кое-кто даже кидал вверх шапки – у многих купцов здесь жили знакомые и друзья. Ульф тоже замахал руками, увидев на берегу, у причала, Торольва Ногату, старого приятеля и компаньона. Торольв – толстопузый, осанистый, важный – стоял на берегу, кутаясь, несмотря на жару, в длинный ярко-зеленый плащ, богато расшитый золотыми листьями. Чтоб все видели – не голь-шмоль какая-нибудь, а человек уважаемый, богатый. Кнорр тяжело ткнулся бортом в причал, свистя, полетели на берег канаты. Проснувшийся берсерк, выпучив глаза, таращился на берег, словно видел такое впервые. Ульф, взглянув на него, усмехнулся. Вполне может быть, что и впервые, – кто знает, из какой глуши выбрался этот странный парень.

Вокруг стоял шум, люди толкались, кричали, ругались, выискивая знакомых и стараясь первыми справиться о привезенных товарах.

Истома Мозгяк сунулся было в толпу, но, подумав, тут же поднялся обратно к амбарам, ну его к лешему, отдавят еще ноги. Лучше уж помаячить тут, на виду, тем более что хозяин предупреждал: тот, кому нужно, сам подойдет к Истома. Что ж, сам так сам, тем лучше. Мозгяк цепко шарил глазами в толпе гостей. Вот прошли трое, веселые, явно в корчму, вот еще несколько человек – туда же, вот известный ладожский богатеи Торольв Ногата с приятелем-варягом. Что-то обсуждают, клянутся в честности, а сами так и норовят обхитрить друг друга. Вот несколько вооруженных мечами и копьями воинов, целый отряд – видно, прибыли наняться на службу. Какие-то растерянно озирающиеся женщины – обещал кто-то встретить, да не встретил? Хотя нет, вон, углядели уже кого-то. Бегут, бегут с холма родственнички, машут руками. Вот еще один неприкаянный – совсем молодой парень. Светлоглазый, голова бритая, одет не поймешь во что – кожаные старые башмаки, кое-как подвязанные ремнями,

разорванная на груди туника, усыпанный металлическими бляшками пояс с крупной литой пряжкой с надписью непонятно какими буквицами. Штаны уж совсем бедняцкие – светло-синие, выгоревшие, как бывает у дешевых, крашенных голубикой плащей, в таких штанах стыдно ходить викингу. Впрочем, парень, похоже, и не викинг – так, простой варяг, подавшийся в Альдегьюборг в поисках счастья. Лучше б в дружину к кому подался, дурачина, не пилькал бы сейчас глазами, не оглядывался...

Истома озадаченно покрутил головой. Что-то никто к нему так и не подошел. Ну, не подошел так не подошел. Хозяин, Дирмунд-князь, велел ждать, так, значит, ждать и надо. Чай, не последний караван из-за моря. Будут и еще варяги, ужо потянутся в Ладогу, словно грачи весною. Истома натянул на голову круглую, шитую мелким бисером шапку и пошел в город, не обращая больше внимания на прибывших. Мало он у амбаров маячил? На самом, можно сказать, видном месте. Неуютно себя чувствовал: а вдруг узнает кто из обиженных по старым делам? Слава богам, обошлось. Ну, а как в следующий раз – там видно будет. Мозгляк прибавил шагу, проходя мимо тарашившегося во все стороны лысого парня, у которого в толпе уже срезали пояс! Вот тетеря! Ну а ладожане-то каковы? На ходу подметки рвут. Интересно, это люди Кобылы или какие-нибудь пришлые? Хорошо б, если Кобылы, таких ушлых можно неплохо использовать. Хотя, конечно, не станет ими делиться корчмарь – самому пригодятся. Что ж, его понять можно, Истома и сам бы точно так поступил. Однако молодцы – вон как плотненько обступили бритоголового, незаметненько эдак оттесняют к ельнику, а там – по темечку, да обшарят всего – знать, в поясе-то ничего не было зашито. А раз не в поясе – так за пазухой, дураку ясно. Ну, иди, иди, глупый... Мозгляк усмехнулся, услышав в ельнике приглушенный вскрик – достали все ж таки, лиходеи.

Получив удар дубинкой по голове, хорошо вскользь пришелся, Варг перестал очумело тарашиться по сторонам и, неожиданно для нападавших выхватив нож, резким выпадом поразил одного прямо в сердце. Схватившись за грудь, тот тяжело осел на траву. Не тратя времени на разговоры, Варг тут же ударил другого, того, что оказался поближе. Тот, правда, увернулся – лезвие едва поцарапало руку – и бросился из ельника прочь. За ним и третий, видно, не ожидали такого отпора. Отбежав подальше, заголосили, завидев дружинников-гридей.

– Похоже, собираются звать полицию, – сквозь зубы процедил Варг и, обтерев о траву нож, нырнул в толпу. Теперь он уже не пялился на людей ошарашенно, нет, он анализировал ситуацию, выбирая верные ходы: ага, вот там, у причалов, народу побольше – но ведь и воины туда же направились, значит, в другую сторону надобно, ну да хоть за те низкие строения, чем-то похожие на автобусные остановки. Ага, вроде бы нет погони. Теперь – осторожненько в город. Вот, дьявол, и попал же! Да как тут не раскрыть варежку, когда вокруг такое? Ну, да обо всем этом и потом подумать можно будет, сейчас нужно выполнять поручение Повелителя. Какой-то ресторан он велел отыскать, или бар, черт его...

– Эй, господин, – высунувшись из-за угла амбара, Варг попытался остановить какого-то мужика с лучковой пилой на плече. – Где здесь...

– Плохо понимаю по-варяжски, – замотал головой мужик. – Спроси вон у этих...

Он кивнул на группу молодежи в разноцветных плащах. Варг бы, конечно, состорожничал и тут, да парни его уже заметили, остановились.

– Э... господа... бар Кобылы? Или бистро?

– Кобылы? – переспросил один из юношей, светлоголовый, в шелковой красной рубахе. – Кобылину корчму, что ли, ищешь? Как не знать, знаем. Дойдешь до детинца, там повернешь налево, по тропке вдоль холма, там, у берез, уже рядом. Ну а заблудишься – спросишь.

Парни ушли, рассказывая друг другу что-то смешное. Варг не очень-то хорошо понял их, лишь некоторые слова – холм, береза, тропинка. Ну, спасибо и на этом. Проскользнув в ворота с толпой корабельщиков, он быстро пошел вдоль холма, стараясь обнаружить что-нибудь хотя

бы отдаленно напоминающее увеселительное заведение. Что именно он ожидал увидеть – Варг и сам не знал. Быть может, скабрезную вывеску с названием типа «Только для взрослых» или, по крайней мере, красный фонарь? Парень усмехнулся. Ну и подсуропил же ему Повелитель! Называется, вырвал из лап закона. Но ведь и в самом деле вырвал же, в самом прямом смысле слова! Варг хорошо помнил, как защелкнулись на его запястьях наручники, как похожий на сенбернара полицейский – пожилой, но сильный – втокнул его внутрь квартиры с распятой на тахте полуголой и чуток порезанной ножом девчонкой. В квартиру Варг – Вольф Маллеме – так и не влетел, ударился обо что-то и потерял сознание...

А очнулся на залитом солнцем лугу. Это зимой-то! За лугом журчал ручей, срывающийся во фьорд разноцветным радужным водопадом, через ручей был перекинут узенький мостик, за ним виднелась обложенная круглыми камнями усадьба – огороды, пашня, длинный дом под покрытой дерном крышей. Точно такие же Вольф видел в далеком детстве рядом с Осло. Деревня викингов – Викингландет, отсюда, кажется, можно до Осло и на трамвае. Ну или на автобусе, на такси, автостопом... Да, скорее автостопом, денег-то нет. Прежде чем войти в деревню, хорошо бы что-нибудь накинуть на себя сверху, не тащиться же полуголым, да еще босиком.

Пригнувшись, Вольф осторожно, чтобы не попасться на глаза туристам или – пуще того – обслуживающему персоналу, обошел усадьбу по всему периметру. Видел, как целый хор седоволосых бабок пел для туристов старинные скандинавские песни. Самих туристов видно не было, наверное, расположились прямо на траве, неспешно потягивая приготовленное по древним рецептам пиво. Да, хорошо бы сейчас пива. Сглотнув слюну, Вольф-Варг проследовал дальше. Где-то ведь должна быть автостоянка или, по крайней мере, автобус. Обошел всю усадьбу – так ничего и не обнаружил.

Даже шоссе – и того видно не было. Вот когда пожалел, что оставил в куртке мобильник! Сейчас бы вызвал такси – и все дела. Подумал бы, где спрятаться... Стоп! А он ведь и сейчас – прячется. Только – где? И главное, на улице-то уже лето! Что ж он, полгода без сознания провалялся, как тот русский парень, про которого писали в газетах? Выходит, так... А коли так, тогда полиция о нем, выходит, забыла? Давно и благополучно? Скорее всего... Рассудив так, Вольф несколько повеселел и даже попытался прикинуться одним из туристов. Ведь уедут же они когда-нибудь отсюда? Или не ждать, самому добрести до шоссе? Вольф оглянулся, почувствовав вдруг на себе чей-то взгляд. Перед ним стоял парень, совсем еще маленький мальчишка. Ну, может, и не такой маленький, лет десяти. Голоногий, белобрысый, в короткой одежде из грубой мешковины – видно, из местного персонала. Приехал на каникулы, заодно и подработает.

– Эй, парень, в какой стороне шоссе?

Пацан не реагировал, просто тарачился во все глаза на Вольфа.

– А автобус, автобус где? Да ты что, немой, что ли? Стукнуть, что ли, тебя по лбу, чтоб лучше соображал?

Разозлившись, Вольф сильно тряхнул мальчишку за шиворот. Тот испуганно залопотал что-то, сдернул с шеи какую-то фиговину на грязной бечевке, протянул.

– В задницу себе засунь! – Размахнувшись, Вольф забросил фиговину в крапиву. Пообещал, скривив губы: – Ну, сейчас ты у меня получишь, парень! Мало не покажется.

Пацан вдруг упал на колени и, стащив с себя мешковину, положил ее перед ногами Вольфа.

– Ты что мне, рублище свое предлагаешь? – Варг ударил парня ногой в живот. Тот застонал, покатился по пыльной земле, маленький, грязный, голый. Варг пнул его еще пару раз, мальчишка замолк, потом вдруг с неожиданной легкостью вскочил и бросился бежать, смешно припадая на левую ногу.

– Вот козел, – сплюнул в траву Вольф. Поднял брошенную мешковину, примерил – оказалась почти впору, так и пошел вдоль ручья, пока не вышел на лесную дорогу. Вернее, на две колеи, густо заросшие травой. Однако дела.

Никого не встретив, Варг прошагал по колее до вечера, а когда зашло солнце, плюнув на все, устроился на ночлег в первом попавшемся на пути стогу. Спал мертвым сном до утра, а когда проснулся, с удивлением увидел на своих ногах кожаные башмаки с ремнями, в карманах странные монеты из какого-то светлого металла, а за поясом – широкий нож с влажным от крови лезвием.

Варг даже присвистнул от удивления:

– Однако!

Целый день отлеживался, таясь от людей, и еле дождался ночи. Заснул так же резко, как и в прошлый раз. В эту ночь ему явился черный друид, Хозяин теней мертвых. Варг понял наконец, что находится в прошлом. В далеком прошлом. И он здесь для того, чтобы помочь Повелителю, сознание этого наполняло душу счастьем и гордостью.

– Не твоя вина в том, что ты не успел принести жертву, – тихо говорил друид. – Знай, я могу быть с тобой лишь ночью. Днем же ты должен справляться сам. Так захотели боги. Сейчас больше никуда не иди днем. Куда надо, я проведу тебя ночью, ты не почувствуешь этого, но ничему не удивляйся, очнувшись. Помни, ничему не удивляйся. Ничему...

Легко сказать!

Оказавшись в мерзком древнем городишке, остро пахнущем навозом и рыбой, Варг забыл все обещания. Таращился направо и налево, даже попал в разборку по поводу «а чего это ты тут высматриваешь?». Хорошо, обошлось тумачами – успел вырваться. Побежал куда глаза глядят, да никто за ним и не гнался, так что, отдышавшись, уселся Варг у самого моря, притулился среди камней, задумался. Да, конечно, помочь Повелителю – дело хорошее, но вот только жить в этом времени что-то не очень хотелось. Никаких развлечений – ни телевизора, ни дискотек, ни баров. Девочек в мини-юбках и тех нет. Скучно! Да и гнусно так кругом. Домишки низенькие, прокопченные, крыши соломенные, полусгнившие, заборы из заостренных кольев, около каждого – гниющие кучи навоза и прочего дерьма, которым город – он назывался Скирингсаль – пропах до такой степени, что хоть затыкай нос. А людишки какие вокруг шарились? Это ж паноптикум! Одеты во всякую дрянь, с длинными железными мечами, с копьями, по всякому поводу кидающиеся в драку, бррр! Ну его на фиг, такое времечко. Не решаясь больше гулять по городским улочкам, Варг решил при первой же возможности попросить Повелителя вернуть его обратно. Ну, конечно, после того, как все будет выполнено. Все, ради чего друид и перенес его сюда.

– Я выполню твою просьбу, – торжественно заверил друид уже следующей ночью, и Варг – даже во сне – ощутил бурную радость.

– Но только после того, как ты поможешь мне.

– Я готов, о мой Повелитель! Приказывай! Кого надо убить?

Друид рассмеялся:

– Не все так сразу, друг мой. Но... твой молодой задор мне нравится. Первая твоя задача – добраться в Альдегьюборг, город на берегу озера-моря. Разуещешь здесь, в Скирингсале, купца Ульфа. Тех денариев, что у тебя, должно хватить. Если не хватит, я потолкую с купцом ночью. В Альдегьюборге получишь от меня указания. На всякий случай запомни одно тамошнее местечко – корчму Ермила Кобылы.

– Корчма Ермила Кобылы, – шепотом повторил Варг, наблюдая, как испаряется в призрачной дымке сна черная фигура друида.

– Ермил Кобыля, – коверкая слова, прошептал Вольф Маллеме, стоя у подножия холма, заросшего жимолостью и дроком. Никакого злчного заведения поблизости что-то не наблю-

далось, все строения вокруг скорее напоминали фермы. За ближайшим забором слышались истошные девичьи крики, перемежающиеся щелканьем бича и собачьим лаем. Любопытствуя, Вольф подобрался ближе. Подставив под ноги валявшееся у кустов полено, заглянул через ограду. Заглянул – и не пожалел. Зрелище, которое он увидел, очень ему понравилось. По двору, прикованная ошейником к длинной цепи, вопя, бегала худенькая голая девчонка, которую деловито хлестал плетью пожилой морщинистый мужик с густыми кустистыми бровями.

– Вот тебе, получай, – приговаривал он, ударяя. – В следующий раз будешь знать, как из-за ограды выскакивать.

– Ой, не убивай, батюшка! – закрывая лицо, голосила девчонка, вполне симпатичная на взгляд Варга. – Я ж как лучше хотела!

– Как лучше? Ах, ты ж, тля! – Бровастый снова стегнул несчастную по спине, оставляя широкий рубец. – Сколько раз говорено тебе – сидеть на усадьбе. Что, работы мало?

– Хватает, батюшка...

– Иль я тебя кормлю плохо?

– Хватает, кормилец.

– Так что ж ты, тварь премерзкая...

Наконец, утомившись, мужик положил плетль на вытащенную во двор скамью. Подозвал девку, пригнул ее, пристроился сзади и, спустив штаны, стал охаживать ее с такой прытью, что наблюдавший из-за ограды Варг подавился слюной.

– Не это ли заведеньице я и ищущу? Интересно, тут всем клиентам такое дозволяется или только избранным?

Мужик, однако, утомился скоро. Натянул штаны и скрылся в избенке. Выбрался наружу спустя некоторое время – уже в плаще, в шапке. Подошел к смирному, привязанному к воротам коньку, пнув подвернувшуюся под ногу собаку, погрозил девчонке плетью:

– Смотри у меня, дочь! Вернись быстро.

– Ждать буду, батюшка.

– То-то же. А ну, помоги...

Проворно встав на колени, девчонка подставила спину. Ступив на нее, бровастый с криком взобрался в седло, оставив на смуглой девичьей спине след грязного сапога.

– Убегу я от него, право, – закрыв за хозяином ворота, пожаловалась девчонка собаке. – Вот дождусь, как потеплее станет, – и убегу. А пусть потом на правее ставят... если поймают. Верно, собаченька?

Собаченька – лохматый, огромных размеров пес – лизнула девчонку в ухо.

Варг едва успел отпрыгнуть от ограды.

– Что ты тут высматриваешь, шпынь? – Бровастый остановил коня, и Варг, на всякий случай нащупав нож, пояснил, что разыскивает Ермила Кобылу. – Ермил Кобыла? – недоверчиво щурясь, переспросил бровастый. – Вон его корчма, за холмом, недалече. – Он указал плетью.

Варг поблагодарил.

– Э, да ты варяг, кажется. Только что-то больно уж бедный. Туда, туда... Двигай.

Найдя наконец корчму, Варг уселся за стол и принялся ждать ночи. Хозяин – мосластый мужик самого подозрительного вида – принес кислое пиво. Гадость, но за неимением лучшего... Варг отпил и почувствовал вдруг, как высоко над ним закружилась крыша, а спокойный до того стол неожиданно вскочил на дыбы, ударив его прямо в лоб.

– Готов, – скосил глаза корчмарь. – Уносите, робяты...

Робяты – корчемные служки – схватили потерявшего сознание гостя за ноги и проворно утащили на задний двор...

– Ничего, – обшарив недвижимое тело, пожал плечами слуга.

Ермил скривился:

– Ну, так бросьте его в Волхов. Вон, уж и стемнеет скоро... Не зимняя, конечно, ночь, ну, так все не день.

Он отвернулся, потеряв всякий интерес к опоенной ядовитым зельем жертве. Жалкий глупый варяг. Не первый и не последний. Жаль, оказался нищим. Солнце уже зашло, сделалось холоднее, протянулись по двору размытые тени, где-то рядом залаял пес. Корчмарь обернулся:

– Ну, что вы там возитесь?

Ответом ему была тишина. Трое корчемных служек недвижно лежали на земле, уставив глаза в светлое летнее небо, а молодой простоватый варяг... оказывается, встал и двигался теперь прямо к Ермилу, злобно сверкая страшными черными глазами.

– Ты ли Ермил Кобыла? – приблизившись, спросил он замогильным голосом.

Ермил хотел было метнуть в него нож или, по крайней мере, попытаться убежать, но руки и ноги его внезапно стали ватными.

– Я-а... – со страхом протянул корчмарь. – Я – Ермил Кобыла... Не погуби, господине.

– Не нужен ты мне, не дрожи, – усмехнулся варяг. – У тебя должен ночевать Истома Мозгляк из Киева.

Хозяин корчмы сглотнул слюну:

– Есть такой, батюшка. Спит уже.

– Разбуди, – потребовал варяг, идя в корчму вслед за побледневшим хозяином.

Истома Мозгляк спал, развалившись, в малой гостевой горнице, на сундуке с посудой. Скрипел зубами во сне, ворочался, видно, совесть была нечиста. Корчмарь потряс его за плечо, Истома замычал, просыпаясь, узнал хозяина:

– Чего тебе, Ермиле?

– Варяг тут тебя один спрашивает, – шепотом ответил тот.

– Варяг? – поднимаясь, удивился Мозгляк. Завязал постолы. – Ужо пойдем глянем, что за варяг.

Варг сидел за столом, повернувшись спиной к подошедшему лиходею. Тот кашлянул:

– Говорят, ты меня спрашивал?

Варяг обернулся, ожег властным взглядом:

– Узнал?

– Батюшка, княже... – повалился на колени Истома.

Глава 8

Друид

*Всяка убо грешная душа будет аки главня
за злая своя неподобная деяния.
Того ради отпадаем божественнаго упования.
Еще же иши в велицей славе и богатстве живут.
И бедных и беззаступных аки львы овец жрут.*

Антоний Подольский. Послание к некоему

Июнь 865 г. Ладога

– Люди недовольны, ярл, – Конхобар Ирландец потерял край плаща. – Очень недоволен. . . Боюсь даже, что многие обвиняют тебя в неспособности управлять. Правда, пока это касается только дальних жителей, но ведь они частенько бывают в Альдегьюборге. Разговоры идут, ярл!

– Знаю, – нахмурился Хельги. Придержал коня – вместе с Ирландцем он проверял состояние городских стен. Вернее, это был предлог для тайного разговора, с недавних пор ярл опасался чужих ушей. Было раннее утро, дождливое и туманное, сквозь толстую пелену облаков еле-еле пробивалось солнце, маленькое, красноватое, смешное.

– Знаю, – повторил ярл. – Ты говоришь о жалобах наволоцкого старосты Келагаста. Какие-то нидинги напали на его обоз по пути в Альдегьюборг.

– Не только это, – Ирландец покачал головой. – Нападение – полбеда, мало ли лиходеи промышляет на ближних дорожках? Справиться с ними вполне возможно, и даже довольно быстро. Наверняка все шайки имеют в городе своих людей, я даже знаю – кого, ну, не мне тебя учить, ярл. Дело в другом. Вернее, в других. – Немного помолчав, Конхобар продолжил, понизив голос: – В тех, что терзают дальние вотчины. Они никуда не делись с зимы, наоборот, Келагаст говорил, что в лесах стали пропадать его люди. . . и не только его. Уйдут на охоту – и не вернуться, сгинут. Слово кто-то специально нагнетает зло.

– Так оно и есть, – вскользь заметил Хельги. – И надобно выяснить – кто? Зачем – ясно.

– Да уж. . . – Ирландец замолчал. По его мнению, молодой ярл был одним из лучших правителей – умен, восприимчив к советам, честен. . . ну, быть может, недостаточно жесток. Крупный недостаток в определенных условиях. . . которые, похоже, и складывались. Складывались, конечно, не сами собою. Конхобар направил коня вслед за князем.

Проехав мимо ворот, они спустились к реке, к пристаням. Густой туман скрывал корабли торговцев, киевлян, ромеев и норманнов, слышалась лишь переключка сторожи, да за кустами потрескивал костерок.

Подъехав ближе, Хельги остановил коня и задумался, глядя на огонь. Келагаст, дальние погосты, Ладога. . . Какие-то темные силы коварно подвели людей к мысли о необходимости смены князя, действуя не в лоб – исподтишка, хитро. Начали с дальних погостов, хотя могли бы и с города. Осторожничали, видно, чувствовали, что в Альдегьюборге их гораздо легче выловить, не то что в дальних лесах. То-то уж поди сыщи! А как накалится обстановка в лесах, как только туда будут брошены силы – дружина и знающие люди, – тогда можно будет нанести удар здесь.

– Думаю, ближе к осени следует ожидать нападения на купцов, – словно прочел мысли ярла Ирландец. Хельги – даже не Хельги, а его второе «Я» – удивлялся, откуда в этом чело-

веке, бывшем друиде, столько здорового цинизма, пренебрежения условностями, недоверия к богам... а может, даже и неверия? Эти качества делали Ирландца непохожим на всех остальных, приближая его к Хельги. Восприятие мира было у обоих одинаковым. Ирландец, как и Хельги, был насмешлив и недоверчив, и в каждой пакости видел не волю богов, а явные человеческие усилия. Единственно, в кого он верил, был черный друид. Но и его Конхобар давно перестал считать непобедимым демоном. Мало ли друидов было в Ирландии? Ушел страх, ушел, может быть, благодаря общению с ярлом, ставку на которого Ирландец сделал еще в Мерсии, и даже раньше. И пока не разочаровался. Плюс ко всему – не ржавел без дела его недюжинный ум. Хотя, конечно, бывали моменты...

Конхобар закашлялся.

– Рюрик вчера прислал боярина. – Хельги спешил, подойдя к воде, умылся.

– Хаснульфа? – Ирландец встал рядом, правда, в воду не лез – холодно.

– Его.

– Не мог кого поумнее выбрать.

– А зачем? – Ярл обернулся. – Для исполнения такого приказа вовсе не нужно быть умным. Достаточно настойчивости и упрямства.

– Что же такого попросил Рюрик?

– А ты не догадался?

Конхобар потрепал по гриве коня – спокойного, добродушного каурку, вовсе не похожего на тех злых жеребцов, что так любили молодые воины, да хоть тот же Снорри.

– Рюрик требует людей? – погладив коня, вскинул глаза Ирландец.

– Именно. Большую часть дружины. И в такое время, когда... ну, ты сам знаешь.

– Отдашь?

– Придется, – Хельги вздохнул, потом взглянул хитровато: – Ну, конечно, не большую часть, но...

– Понятно, – хмыкнул Ирландец. – Приличия соблюсти надо.

– Дружины не жаль. Рюрик ждет и хорошего хевдинга.

– Снорри?

– Угадал. Кого ж еще-то? Жаль его отпускать – верен и честен.

– Отчего ж жаль? Пусть будет свой человек при Рюрике. Думаю, плохого в этом ничего нет.

Хельги усмехнулся:

– Свой человек? Ты что, не знаешь Снорри? Он слишком честен для любого тайного дела.

– Зато он предан тебе. С твоего позволения, я научу Снорри, что делать... без ущерба для чести. Я думаю, тебе и самому хотелось бы переговорить с ним... но ты же все-таки князь, тебе не подобает. Пусть лучше советы исходят от меня. Именно советы... Твои же слова Снорри воспримет как приказ. Выполнит, но может обидеться.

– Делай, как сказал, – кивнул Хельги и неожиданно улыбнулся. Хорошо иметь рядом с собой человека, которому можно безбоязненно поручить любое, даже самое деликатное, дело. Таков был и Найден. Но все ж таки еще слишком молод... слишком велик был у него пиетет перед родом, перед людьми, слишком уж оглядывался он на мнение окружающих, не отделяя своего «я» от «мы» ладожской общины. Но ясно уже было, что из Найдена выйдет толк... Кто еще? Никифор? Да, Никифор, несомненно, умен и начитан, сведущ в науках, особенно в богословии. И – Хельги давно это заметил – всегда добивается своего. Жаль, что при этом он слишком тяжел на подъем. Предпочитает уединение и древние ромейские книги. Кажется, и не надо больше ему ничего... Кстати, на днях он отправляется в дальние леса, хочет основать монастырь – нашел уже и охотников, правда, мало. Монастырь... Хорошая идея! Никифору нужен уединенный скит, а ему, Хельги, укрепленный пункт, острог в дальней лесной стороне. Надо будет дать Никифору людей...

С шипением выкатилась на песчаный берег волна, оставляя белую пену. Качнулся стоявший рядом насад, кто-то буркнул спросонья...

Хельги взобрался в седло:

– Я иногда вспоминаю Дирмунда.

Конхобар вздрогнул и непонимающе взглянул на ярла – с чего бы это тот помянул друида?

– И ты знаешь, у него ведь была неплохая задумка – подбирать верных людей с самого детства, воспитывать их, обучать... Жаль, у нас ничего подобного нет. Может, попробовать?

Ирландец покачал головой:

– С верными людьми не проблема, ярл. Дело в другом... Нам нужны люди не только верные, но и способные... как бы это лучше сказать? Способные иногда нарушить весь уклад жизни, отрешиться от рода, общины, даже от чести – ради тайного дела. Вот в Кенугарде был такой парень, Ярил Зевота... Помнишь?

Хельги кивнул:

– Еще бы. Этот твой парень едва не угробил нас при первом знакомстве.

– Зато потом хорошо помог. Из него бы, пожалуй, вышел толк... Ну, что уж об этом – где Альдегьюборг, а где Кенугард?

Дальше ехали молча. Главное было сказано. Миновав ворота, прибавили ходу – нужно было еще успеть собрать дружину для Рюрика.

Потянувшись, Ярил выбрался из шалаша. Попрыгал, помахал руками, разгоняя сон, увидел двух всадников, скачущих к воротам. Кажется, изумрудно-зеленый плащ одного из них он уже где-то видел. Впрочем, мало ли зеленых плащей? Разложив костер, Ярил разбудил артельщиков – молодых, безусых еще, парней – к приходу старосты следовало быть готовыми к работе. Бутурля Окунь зря не платил. Вот уже и показалась за деревьями его высокая худая фигура.

– Что, спите? – присаживаясь к костру, недовольно пробурчал староста. – С утра три варяжских кнорра на погрузку и, может, четыре насада. Если Велимир-гость не решит сэкономить.

– Он может, – наматывая онучи, отозвался Ярил. – Заставит своих таскать, гребцов у него хватает. Не то – варяги...

– Да уж, с варягами проще, – согласно кивнул Бутурля. – Ну, однако, пошли.

Ярил улыбнулся. Работа ему нравилась. Тяжело, да зато весело – и с корабельщиками языком потреплешь, и со своими. Да и с напарником повезло – хороший, работающий парень, тоже любитель поговорить, как и сам Ярил. Что-то его не видать, спит, что ли? Нет, выполз.

– Что зенки трешь, Овчаре? – поддел нового друга Ярил. – Аль с девой какой всю-то ноченьку миловался?

– Ага, – засмеялся Овчар – русский добродушный парень со шрамом на шее. – С боярышней одной тешился, ух, и сладки ж уста! Только Михря все мешал, ворочался, завидки брали, видно!

– Да ну тебя, – покраснев, отмахнулся Михря, совсем еще юный отрок, темненький, кареглазый.

– Ты б его разбудил лучше, – засмеялся Ярил. – Все веселее.

Артельщики грохнули смехом, и даже Бутурля Окунь не сдержал улыбки, хотя и старался блюсти строгость – все-таки староста.

– Да я будил, – отозвался Овчар, нагнав остальных. – Поглажу боярышню, потом обернуся, верно, Михря?

– Да ты не боярышню, ты, верно, Михрю гладил?

– Михря, не ночуй больше с ним в одном шалаше, ночуй лучше с Ноздрям.

– Да Ноздряй ему не нравится.

– Ну вас всех к лешему!

Обиженный Михря убежал далеко вперед. Впрочем, вот уже и пришли – выплыла из утреннего тумана темная кормовая надстройка кнорра.

– Ух, и кораблина же! – восхищенно молвил Ноздряй, здоровенный детина с пудовыми кулаками и детским простоватым лицом. – Нешто такой по дальним морям плавает?

– Не, Ноздряй, по озерам токмо.

Давно проснувшийся варяжский купец Ульф дожидался грузчиков на серых мостках причала.

– Сначала бочонки, потом кожи, – распорядился он. – Смотрите не перепутайте.

– Не перепутают, парни ушлые, – заверил староста. – А ну, начинай, робяты! В третьем амбаре кожи-то?

– В нем. Показать?

– Знаем. Варяга Торольва Ногаты амбар.

Таская на пару с Овчаром тяжелые кожи, Ярил с удивлением оглядывал кнорр. Видал, конечно, и раньше морские суда, те же ромейские скафы, но этот корабль казался совсем другим. Крутые, чуть заваленные внутрь борта, высокие, украшенные щитами, надстройки на носу и корме, мачта – почти до неба, дощатая палуба с широким провалом трюма. Туда и спускались по сходням. Велик кораблице, много чего влезет!

– А коров, если загнать – целое стадо влезет! – продолжал восхищаться Ноздряй. – Как и не потонет-то?

– Ну, если тебя посадить – наверняка утонет, – хлопнул парня по плечу проходивший мимо Ярил. – Так что ты смотри, ходи осторожно.

Подойдя к амбару вместе с Овчаром, он нагнулся, подхватил на плечо бочонок с медом и вдруг застыл. На старой березе, что росла за амбаром, была обломана ветка, вчера еще целая. Знак! Тот, бровастый, не обманул. Значит, вечером представится возможность заработать. Повеселев, Ярил обернулся к напарнику:

– Эй, Овчаре, а не сходить ли вечером в корчму, бражки выпить?

Овчар улыбнулся:

– Это смотря в какую.

– Ермила Кобылы, – пожал плечами Зевота.

Овчар изменился в лице.

– Нет, Яриле, – опустив на траву бочонок, тихо сказал он. – Не ходок я больше к Кобыле, не ходок. – Овчар погладил на шее шрам. – Чуть живота не лишили в драке...

– Бывает, – сочувственно кивнул Ярил. Что ж, придется идти одному. – А где хоть корчма-то?

Борич Огнищанин хмурил брови. Со вчерашнего вечера что-то было ему не по себе. Почему только? Неясно. Какие-то смутные ощущения нахлынули вдруг на него, словно сделал он что-то не так, совершил какую-то глупую ошибку, из тех, что потом могут аукнуться сторицей. Да ведь вроде и не делал ничего такого, вроде все как всегда. Ну, целый день провел, подсчитывая фураж да корм для части дружины, что вскоре должна была отправиться к Рюрику, на Городище у Нова-города. Все в точности рассчитал, даже перестраховался, кабы чего не вышло. Пересчитал по-ромейски, для пеших воинов – мало ли что река, так ведь там и пороги, и обходы-обносы, и прочее. Средняя походная скорость тяжелой пехоты – чуть больше десяти ромейских миль в день, если больше – тогда считалось, «как птицы летели», значит, от Ладоги до городища понадобится: муки – столько-то бочонков, вяленого мяса да рыбы в мешках, к этому добавить корм для лошадей, да не забыть еще списать на потери – мало ли, протекут насады – в общем, голова кругом... Когда же он и появился-то, мелкий мозглявый

мужик, чернявый, с головой словно бубен? На двор княжий заглянул... Или нет, Борич у себя во дворе считал. Покойно так, хорошо... Надоест – можно девку кнутом постегать слегка. Да, дома он и был. Девка щи варила, а он на скамейке во дворе сидел, считал... Чернявый через плетень заглянул... Нет, сам он, Борич Огнищанин, на улицу выглянул – шум там какой-то сладился, будто били кого аль скандалили, вот и не выдержал, выглянул любопытства ради. И что увидел? А ничего интересного, обычную драку – валялись в пыли какие-то парни, мутузили друга дружку да за волосы таскали.

А потом как-то чернявый рядом оказался. Спросил чего-то, слово за слово – разговорились, вечером решили в корчме встретиться. У Ермила Кобылы. И что ж тут такого странного? Наоборот, хорошо даже. Чего ж плохого в том, чтобы с новым знакомцем пива выпить? Борич напряг мозги... А плохо то, что, кажется, он этого чернявого еще раньше в Киеве видел! Или у ромеев. Ну, точно ведь, видал где-то. И чернявый, выходит, его видал, да что-то не признался. Может, в корчме разговорится? Да и вообще – а ну как показалось? И не видал никогда Борич этого мужика, просто тот на кого-то смахивает. Так что же тогда на душе неспокойно? А наверное, из-за корчмы! Ну да, из-за нее. У Ермила Кобылы заведение особое, туда одному идти – себе дороже. Вон не так давно парня какого-то порезали в драке, кажись, до смерти. Может, не ходить туда? Да нет, надо бы. Чувствуется, необычный человек чернявый, такой и пригодиться может, а чем – никогда уж не угадаешь заранее. Надо, надо пойти. Только не одному, жаль вот, слуг нет, одна девка, а ее ж не возьмешь с собою. Найдена-тиуна позвать? Нет, больно уж умен тот да ухватист. Мало ли о чем разговор зайти может? Эх, нет верной челяди – вот незадача... Борич вздохнул и тут же закашлялся. Постой-ка! А тот парень, что помог ему со мздой у пристани? Кажется, он явно не прочь заработать. Взять его? А почему бы и нет? Пусть явится отдельно, вроде как бы и незнакомы, а ежели что, можно за него и вступиться. А пожалуй, так и следует сделать. Знак-то, ветку на березине, за амбаром сломанную, не забыл, поди, парень? Как хоть его зовут-то? Не вспомнить... Ну, да леший с ним, лишь бы пришел. Там ведь, в корчме, с ним и встретиться договорились. Специально зазывать не надо. Ишь... Борич усмехнулся. Эвон как вышло-то – парню ушлому заранее у Ермила встречу назначил, ничего не боясь, хотя и тогда знал – опасно вечерами в корчме. Опасно, да зато неприметно – народищу набивается – сонмища, вот и выбирай, что тут лучше. Впрочем, чего уж и выбирать-то? Звать, звать парня надо. Самолично оседлав каурого – не доверял девке, – Борич Огнищанин поехал к пристани, мимо кузницы Лося, мимо избы Вячки-весьянина, мимо высоких, рубленных в «обло» хором Торольва Ногаты. Около усадьбы стекольных дел мастера Твердислава свернул к воротам, по левую руку засветился недавно построенной стеною детинец, из ворот выехал отряд гридей, помчался куда-то по княжьим делам, сияя кольчугами и разноцветьем плащей. Ржали злые воинские жеребцы, поджарые да рысистые, разбрызгивали копытами лужи. Впереди скакал варяг Снорри – ближний княжеский воевода, совсем еще молодой парень, а вот поди ж ты – в важных начальниках ходит. Соскочив с каурого, Огнищанин низко поклонился. Снорри заметил его, кивнул – узнал, мол, – и понесся себе дальше с самым довольным видом. Набежавшая синяя тучка закрыла солнце. Капнуло.

Борич поплотнее закутался в плащ – старый, тонкошерстный, – давно бы пора и новый плащ справить, да нет, не время – зачем излишнее внимание привлекать? Люди злы, завистливы к чужому успеху – а успех у Огнищанина на новом поприще немалый. Ум – он везде ум. Вот и продукты с фуражом для отправляемой к Рюрику дружины кто б, кроме него, рассчитал? Снорри, что ли? Ну, тому только мечом махать. Сам князь мог бы, конечно, – умен изрядно. Да и странный узколицый боярин, что ходит в зеленом плаще, – Ирландец. Вот уж змей! Побавался его Борич, и не напрасно. Не раз и не два ловил на себе брошенные искоса взгляды. В такие минуты работал, как никогда, ревностно, так, чтоб не к чему было придрататься. Тем не менее чувствовал – не доверяет ему Ирландец, следит. Попытался было Огнищанин выспросить про Ирландца у Найдена – да узнал лишь то, что и без того все знали. Приехал узколицый

вместе с Хельги-князем, сам не варяг, из иных заморских земель, оттуда же, кажется, смуглый монах Никифор, что часто захаживал к князю. Земляки, видать. Однако отношения меж Никифором и Ирландцем не очень, прямо сказать – холодны, Борич такие нюансы хорошо научился улавливать еще во время службы у мерянского князя Миронга.

Погруженный в мысли, Огнищанин и не заметил, как подъехал к амбарам. Вот и береза. Борич огляделся – дождь припустил с новой силой, – подъехал поближе, не слезая с коня протянул руку... Надломленная ветка повисла безжизненно. Еще раз оглянувшись, Огнищанин обтер руки и поскакал обратно в город.

Вечером, сменив плащ и натянув на самые глаза круглую, отороченную беличьим мехом шапку, Борич вновь взнуздal каурого. Оглянулся в воротах, погрозил кулаком девке – уж покажу тебе, подлая! – и, ежась от дождя, неспешно потрусил в корчму Ермила Кобылы.

Девчонка глядела на него со страхом, но, едва хозяин уехал, страх в ее темно-серых глазах сменился ненавистью. Малена – так на самом деле звали девушку, нареченную Огнищанином Естифеей – уселась под навес у корыта. Взяв в руку широкую заостренную тычку, принялась сечь крошево из старых капустных листьев и молодой жгучей крапивы – свиньям на корм. Дождь все поливал с самого утра, текли по двору коричневые ручьи, и Охряй – кудлатый огромный пес – укрылся в будке. Высовывался иногда виновато, поскуливал да поглядывал на Малену – не забудет ли накормить?

– Не забуду, не забуду, Охряйко, – улыбнулась та, насыпая в деревянную миску вчерашнюю кашу. Поднесла к будке, поставила. – На, Охряюшко, кушай. Уж не взыщи, что мяса нету.

Сама снова убралась под навес, взяла ненавистную тычку... Эх, кабы ей вместо крошева этой бы тычкой да по хозяйской шее! Усмехнувшись своим мыслям, Малена задумалась, механически нанося частые удары. Ну почему другим так везет? Все у них есть – и крепкий род, и богатство, и красота. Вон видела вчера через ограду молодку – шла, улыбаясь, в рубахе узорчатой, на шее – монисто блестящее, коса толщиной в руку. Лицо белое, щеки румянцем горят, увидела за оградой Малену – одарила улыбкой, словно кость бросила – на, мол, тебе, замухрышка... Улыбку ту и посейчас вспоминала девчонка, не замечая, как пополам с дождем стекают по щекам слезы. Не сложилась жизнь, не вышла, да и не было в ней ничего – ни милости богов, ни крепкого рода, ни счастья. Какое уж тут счастье, когда, сколько себя помнила, жила Малена безродною приживалкой в доме артельщика Всеслава Сушины, дальнего своего родича. Сам-то Всеслав неплохо к ней относился, а вот супружница его да сыновья так и норовили обидеть. А кто заступится, коль нет близкого родича? Плохо человеку одному – ни уважения, ни заступы. Одно слово – изгой. Ну, мужик еще как-то сможет пробиться – в дружину молодшую аль в артель какую наняться, а вот дева... Лучше б и не родиться. Шпыняли сироту Малену в доме Всеслава, а когда хозяин занедужил – совсем невоготу стало. Тычки, шлепки, подзатыльники, сыновья-то Сушины, охальники, до девок жадноваты были. Как вошла в сок Малена – затащили в овин, как раз перед просушкой колосьев. Там же на снопах и насильничали по очереди. Кажинный день, сказали, так теперь будет, а расскажешь кому – убьем. Да и кто тебе, безродине изгойной, поверит? Не выдержала Малена, в ту же ночь и сбежала, хоть и страшно было. Хотела в леса – да побоялась – чудища там всякие бродят, леший, русалки, уж лучше тут, в Ладоге, к кому в дом прислужницей напроситься. Знала девчонка – можно в богатую усадьбу продаться, в слуги, только вот как это сделать – не представляла. Долго бродила по улицам, почитай три дня, ночевала в кустах да на пристани, шарахаясь от каждого шороха, особенно пугалась дружинников-гридей – знала, в любой момент на правез ее могут свести, беглянку, да кнутом до смерти, предупреждали о том Сушинины – ты, мол, нам не ровня, челядинка гнусная, черная девка. Ежели сбежишь, засекут, да так, что выть будешь! Вот и боялась Малена. Есть хотелось страшно, попрошайничать стеснялась, да, опять же, гриди повсюду. Увидела как-то рядом с забором курицу, оглянулась – вроде никого нет – кинулась

рысью... Тут ее и поймали. Хорошо, новый хозяин Борич выручил, за что, конечно, и благодарна Малена, только... Только уж и сам Борич таким гадом оказался, гаже нету! Приставал по-всякому, какому только сраму не научил – а Малене куда деваться? Снова на улицу – под кнуты? Хотя кнутов она и тут испытала в достатке. Бил, колотил Борич ее часто... правда, не в полную силу, так, чуть-чуть, для острастки. В полную силу бить опасался – жалел собственное имущество. Малена усмехнулась – а ведь никаких прав на нее Борич не имел! Сушина и его родичи – да, другое дело. А Борич, выходит, чужое приветил! Голов-ник, тать... Молотил дождь по крытой дранкою крыше, пузырились коричневые лужи, грязные, как и все, что происходило с Маленой. А может, забраться на высокую кручу – и вниз головой в Волхов?

В заведении Ермила Кобылы к вечеру собралось порядочное число народу. Вернувшиеся с торга купцы-гости сидели за отдельным столом, деловитые, важные, не чета прочим – мелким торгашам-квасникам, странникам да артельному люду, шумно обсуждавшему последние новости – предстоящий уход из города части дружины. Бились об заклад, азартно кидая на пол шапки, спорили: насовсем уйдут гриди или же к осени возвернутся?

– Ну да, возвернутся, как же! – размахивая кружкой, орал здоровенный чернобородый детина с кулаками размером с голову. – Чего им тут делать-то? У Рюрика-князя служить, чай, и выгодней, и почету больше.

– Не, Ратля, не прав ты. У них, поди ж, у всех тут родичи, семьи.

– Это у гридей-то семьи? – Детина глухо захохотал. – Раков в Волхове не смеси, Твердисаве! Вот, скажи лучше, ты, как мастер знатный, к Олегу-князю вхож, всякий знает...

Стекольный мастер Твердислав приосанился, горделиво подкрутив пышные усы – уж конечно, вхож, правда, не столько к князю, сколько к супружнице его, Сельме, та частенько браслеты да кувшинцы витые заказывает. Твердислав в Ладоге – один такой мастер, ну, почти один.

– Так вот и узнал бы кое-что, – хитро подмигнув окружающим, продолжал Рятля. – Окромья гридей, не собирают ли к Рюрику охочих людей?

Твердислав помотал головой:

– Нет, не собирают. Да и гридей-то не всех берут, так, часть.

Проходивший мимо с кружками хозяин корчмы навострил уши. Уход всей дружины лишил бы его изрядной части доходов. Прислушался и скромненько сидевший в уголке Борич – интересно стало, о чем там болтают люди? Уж про отправляемых к Рюрику гридей онто все знал доподлинно – недаром фураж да кормежку рассчитывал. Мог бы и поспорить, кабы нужда была.

– Все спокойно, дядько, – бочком пробравшись сквозь толпу пирующих, подсел к нему на лавку Ярл Зевота. – Двор проверил – оружных людей нет, можешь смело доставать оболы.

– Заслужи сперва, – оглядываясь, недовольно прошипел Борич. – Оболы ему... Вон, видишь, у дальней стены лавку?

Ярил присмотрелся:

– У очага, что ль? Где квасники?

– Не знаю, квасники они аль пирожники, а только много их там, да и дымно. Сядешь неприметненько, как знак дам, подойдешь, а до той поры – ни-ни! Понял, чадо?

– Как не понять-то, дядько? – подмигнув Боричу, Ярл подошел к длинной, у самого очага, лавке, подсел к торговой мелочи, заговорил с кем-то, вот уже и засмеялся, обернувшись, кивнул – все нормально, мол. Любопытство разобрало парня – кого ж это его наниматель так опасается? Не иначе новую мзду брать собрался, тогда можно с него не один обол срубить и даже не два.

Зорко посматривая по сторонам, прошел мимо корчмарь Ермил Кобыла, приметив нужных людей, приветливо, как родным, улыбался, должникам цедил что-то сквозь зубы, подгонял

служек подзатыльниками – чтоб ловчей двигались. Обойдя очаг, цапанул корчемного пацаненка за ухо:

– Дровишки-то повороши, шпынь, вишь, прогорели.

– Уй! – Тот схватился за ухо. – Посейчас сполню, кормилец батюшка.

– Сполню... – проворчал Ермил, отпуская парня. – Оставь тут вас без пригляду...

Еще раз окинув взглядом длинное полутемное помещение, наполненное людским гамом и кислым запахом браги, корчмарь исчез в неприметной дверце. Прошел сенями в клеть. Там, в холодке, на широких лавках спали двое – старинный знакомец Истома Мозгляк и странный лысоголовый парень по имени Варг. Варяг из Скирингс-саля. Парень днем в основном спал, бодрствовал ночью, Истома его, кажется, побаивался, ревностно, словно пес, охраняя сон. Вот и сейчас приподнялся на лавке, потянулся за ножом к изголовью:

– Кто здесь? Ты, Ермил?

– Я, я, – гулко отозвался корчмарь. – Вставай, пришел твой огнищанин.

– Пришел? – оживился Мозгляк. – Один?

– Кажись, один. Парень с ним какой-то сидел. Ушел, видно.

Быстро повязав поверх варяжского кафтанца узорчатый пояс, Истома вышел к гостю. Подсел, улыбаясь, поставив перед собой принесенный кувшин:

– Испей, господине. Ромейское!

Борич кивнул, пригубил кубок и едва не скривился. Вино-то, конечно, может, и было ромейским – но самым дешевым, отвратительным мерзким пойлом, вонючим и кислым, которое в Константиновой граде не стал бы пить и нищий слуга. Борич усмехнулся:

– Благодарствую.

Истома махом опростал кружку и тут же налил еще. Огнищанин поморщился – не хватало еще, чтобы новый знакомец оказался на поверку тривиальным пьяницей. Чего тогда, спрашивается, звал? Кислятины этой попить?

– Немного времени у меня, – тихо предупредил Борич. – Чады с домочадцами ждут, обещал поране сегодня.

Мозгляк хохотнул. Потом пристально взглянул на Огнищанина. Шепнул, оглядываясь:

– Слышал, гриди тебя ищут, не сегодня-завтра на суд потащат.

– Это отчего ж? – обеспокоился Борич. – Вроде ничего такого не сделал. Да и искать меня нечего.

– Род Всеслава Сушины ведом тебе, господине?

– Сушина? Не знаю никаких Сушин. – Борич не врал, он и в самом деле не знал.

– Зато они про тебя проведали. Жаловаться хотят князю – девку, мол, ихнюю, сманил, Малену.

– Ах, вон оно что! – Кривоватая улыбка тронула тонкие губы Огнищанина. – Врут они все, не сманивал я у них никаких девок, – твердо заявил он.

– А они уж и послухов нашли. Вечу жалиться будут, видно, усадобку твою хотят отсудить за обиду. Могут и отсудить – ушлые.

Борич задумался, насупил кустистые брови, стрельнул по знакомцу глазами, спросил словно бы невзначай:

– Тебе что до меня за дело?

– Так... – пожал плечами Истома. – По нраву ты мне пришелся – сразу видно, добрый человек. Потому и предупреждаю. И даже помочь кое в чем могу.

– В чем же?

– Сушинины-то ведь могут и не сыскать послухов, – Истома многозначительно скривился. – Мало ль народу в Волхове-реке тонет?

Борич усмехнулся – пожалуй, он и раскусил уже этого чернявого выжигу. Покусал губы и, выждав ради приличия небольшую паузу, спросил:

– Сколько?

– Чего – сколько? – прикинулся увальнем Мозгляк.

– Сколько хочешь, спрашиваю, – нетерпеливо пояснил Огнищанин. – Ногату, куну? –

Он понизил голос: – Только уговор: послухи должны сгинуть так, чтобы никогда больше не объявиться.

– Не беспокойся, мой господин, не объявятся, – кивнул Истома.

Борич поиграл желваками:

– Так сколько же?

Огнищанин был доволен, правда, не показывал виду и даже с некоторым уважением поглядывал на нового знакомого. Ишь, проныра! С таким ухо нужно держать востро. Однако и полезен может оказаться. А что касается девки... Ух, и задаст же он ей по возвращении! Чего раньше, курва, не рассказала про тех, чья холопка? Подставила, зме-юга мерзкая! Теперь вот плати этому лешему. А придется заплатить, никуда не деться. Он, Борич, чужой в Ладого, а род Сушины – местный. На чью сторону вече встанет да старцы градские? То-то. Князь? Князь, пожалуй, и за него был бы, ежели б те пошли на суд княжий. Так ведь не пойдут – не дураки – по старине сделают. Вече... Что там народишко скажет, а точнее, старцы градские, так и будет. А кто его, чужака, здесь знает? Одно слово – чужой. Хорошо хоть этот чернявый вовремя предупредил... А не сам ли он и навел родичей? И так может быть, людишки в Ладого ушлые, ухом не вялят. Ну, сам ли, не сам – теперь уж рассупонивать некогда. Придется платить... куда денешься? Борич хоть и был прижимист, да в нужных делах не скупился. Понимал – поскупишься, себе дороже будет. Не дашь мзды этому, отсудят Сушинины девку, да еще, глядишь, и усадьбу за ущерб вытянут. Можно, конечно, попытаться по закону с ними сладить – обратиться за защитой на суд княжий, подкупить послухов, своих нанять... Ой, опять те же ногаты да куну! С этим чернявым, пожалуй что, и дешевле выйдет. Да и быстрее. Потом, конечно, можно будет и с ним разобраться, а то разохотится на шальные куну. И не откладывать это надолго... Да хоть того парня – как бишь его? Зевоту – использовать. Сидит хоть?

Борич оглянулся... Сидит. Косит в их сторону глазом – молодец, обол свой отрабатывает честно. Между тем Мозгляк широко улыбнулся:

– Зачем же с доброго человека куну брать? Есть и иное...

Огнищанин напрягся:

– Это что же – иное?

– Да кое-что... – уклончиво ответил Истома. Оглянувшись по сторонам, придвинулся к Огнищанину ближе, понизил голос: – Племяш мой в гриди собирается... Узнать бы поточнее – сколько воев идут к Рюрику-князю да когда? Говорят – лишь малая дружина туда сбирается, может, и не попадет к ним племяш-то? А хотел бы. У Рюрика-князя служить – чести больше. Наш-то, Олег, хоть и хорош, да все ж Рюриком ставленный.

– Угу, – кивнул Борич, лихорадочно просчитывая в уме – стоит ли дальнейшая игра свеч? Ни в какого племянника он, конечно же, не поверил – слишком умен был для этого. Догадался сразу – вот оно, главное дело, только сейчас начинается! Девка да усадьба – это все затравки ради. Но кого ж так интересует подробный состав отправляющейся к Рюрику дружины? И главное, зачем? Впрочем, зачем – понятно. Кто-то хочет воспользоваться временным ослаблением Хельги-князя и желает все просчитать точно. Неглупый, видать, человек этот «кто-то». Интересно – кто? И можно ли ему доверять? Этот вопрос сильно занимал сейчас Огнищанина, в душе его поднималось радостное чувство. Чего-то подобного он давно уже ждал, делая тайные записи для себя, так, на всякий случай. Вот и дружинные подсчеты перенес себе в грамотку – мало ли, сгодятся. Сгодились... А потом можно будет и толщину стен предложить, и количество стражников, и оружие, и корабли... От подобной перспективы просто захватывало дух! Тут не одной усадьбой и не одной девкой пахло. Мзду агроменную можно срубить – всю жизнь потом жить в богатстве. Не здесь только, правда... Ну, так земля славянского племени

велика и обильна, чай, и окромя Ладоги города в ней найдутся. Главное – не продешевить бы. И решить вот уже сейчас – стоит ли верить?

– Может, и помогу я твоему племяннику, – пряча в глазах азарт, прошептал Борич. – Трудно это будет, правда... Больших расходов потребует. – Он многозначительно взглянул на Истома.

Тот осклабился:

– Не переживай, господине, поможешь – чай, найдутся куны!

Огнищанин улыбнулся еще шире:

– Ты, верно, хотел сказать – гривны? Так вот, – он жестко посмотрел собеседнику в глаза, – мое слово – две гривны! И будешь знать о дружине всё.

– Да мне всё не надо...

– Как хочешь. Подумай, – Борич с деланным безразличием покрутил пальцами.

Истома замаялся. С одной стороны, князь приказал добыть сведения любой ценой... С другой стороны, две гривны – это ж полста кун, целую корову можно на торгу купить, и неплохую корову. Или – целое стадо овец! Пойдет ли на такое князь... Князь...

Мозгьяк вздрогнул, вспомнив неожиданную встречу с Дирмундом. Действительно неожиданную, хоть и предупреждал князь... И тем не менее ошарашил, явившись в образе бритоголового молодого варяга Варга, что спал в клетке на лавке, поставленной меж дубочками и тюками с припасами. Спал – до ночи. Ночью – почему-то только ночью – он становился Дирмундом, князем-колдуном, черным князем, которого Истома уважал и боялся. Так сверкал глазами – не спутаешь. Ну а днем... Днем Дирмунд словно бы исчезал, оставался лишь Варг – туповатый, словно пришибленный дубиной по голове, парень, едва выучивший пару фраз на славянском. По указу Дирмунда Варг днем спал – да и не мог не спать, ведь каждую ночь в его теле бодрствовал черный князь! И бодрствовал весьма деятельно. Горе было б Истома, если б не успевал он исполнить всех указаний. Ну, исполнял пока... Знал – Дирмунд умеет быть благодарным. Ну а на этот раз...

– Две гривны, говоришь? – Истома сверкнул глазами. – Согласен! – И тут же предупредил: – Сейчас получишь только одну, другую – после.

Огнищанин кивнул, тщательно пряча радость. Получив мзду, вышел из корчмы, честно расплатился с Ярилом.

– Не пропадай, паря, – прощаясь, предупредил он. – И знак помни.

– Да уж не забуду, – улыбнулся Зевота, довольно подкинув на ладони обол. Медная, ярко начищенная монета вспыхнула в заходящих лучах маленьким оранжевым солнышком.

Дождь кончился, в бледно-голубом небе медленно проплывали кудрявые лиловые тучки, а на западе, за холмами и лесом, быстро расширялась прозрачная чистая просинь.

Найден придержал коня, чтобы не обрызгать возвращающихся с полей смердов. Те, потные, босые, в беленных на солнце рубахах кланялись, не глубоко, но и не низко, а главное – то Найден знал – от чистого сердца. Молодой тиун по праву считался человеком справедливым и по своему положению вряд ли был так уж выше смерда. Рядович. Человек, нанятый князем по договору – ряду. В силу этого уже – не свободный человек и, ясно, не знатный – зато влиятельный и не бедный. В свою очередь поклонившись смердам, Найден тронул коня. Потом вдруг повернул, догнал прошедших:

– Ребятюшки, не знаете ль, где Борича Огнищанина дом?

Смерды остановились:

– Какого Борича? А, чужака, что ли? Во-он за той ивой. Вишь, крыша виднеется?

Найден присмотрелся:

– Да, вижу. Да пошлет Велес здоровья вам, и родичам, и скоту вашему.

– И тебе, тиун, здоровьица.

Простившись со смердами, Найден быстро порысил в указанном направлении. Старательно объезжая лужи – с детства не терпел грязи. Вот и ива, за ней – колючие заросли репейника, а там уж, рядом – окруженная частоколом усадебка. Небольшая – дом с клетью, амбар. Гремнув цепью, у ворот забрехал пес.

– Эй, хозяин! – Не слезая с коня, Найден забарабанил кулаком в ворота. – Открывай поскорее. То я, Найден, тиун княжий.

Постучал изрядно – аж отбил руку. Задумался – и чего там делает Борич, спит уже, что ли?

Наконец за оградой послышался девичий голос – видимо, дворовые Огнищанина усмиряли пса. Заскрипев, распахнулись ворота.

– А нету хозяина.

Выглянула из ворот девчонка – годков, может, шестнадцать – тоненькая, смуглая, с копной невымытых волос и большими темносерыми глазами. Одета в длинную посконную рубаху, неподпоясанная, босая. С опаской взглянув на тиуна, пояснила:

– Уехавши хозяин, не сказавши куда.

– Так-таки и не сказал? – недоверчиво усмехнулся Найден.

– У-у, – девушка помотала головой. Потом сверкнула глазищами. – На двор не пушу – не велено. Хочешь – у ворот жди.

Найден улыбнулся:

– А водички попить не вынесешь, дева?

– Водички? Да пей, жалко, что ли? – Пожав плечами, девчонка забежала на двор, к колодцу. Зачерпнув водицы, налила в корец, принесла.

– Пей, господине, – потом вдруг улыбнулась лукаво. Тиун-то оказался совсем молодым смешливым парнем! И не скажешь, что тиун. – Что, жена-то не поит?

– Нет у меня жены. – С удовольствием напившись, Найден вытер уста ладонью, вернул ковш и еще раз оглядел девушку. Та смутилась и вмиг юркнула обратно во двор.

– погоди, дева... – позвал тиун. – Еще не принесешь ли водицы? Уж больно вкусна.

Девчонка снова выглянула из ворот, оглянулась по сторонам воровато – с чего б это? – быстро принесла корец:

– Пей.

На этот раз Найден пил не спеша, разглядывая девушку из-под ресниц. Стройна, худощава, а глазищи, глазищи-то! Еще б приодеть да волосы вымыть...

– Благодарствую, – он протянул обратно корец, улыбнулся, – чего волосы-то не моешь, воды в Волхове мало?

Вспыхнув, девчонка убежала во двор, захлопнув ворота. Вернее, попыталась захлопнуть – Найден заступил конем.

– Уйди, господине, за-ради Рода с Рожаницами, – взмолилась девушка. – Осерчает хозяин.

– А, так Борич не отец тебе и не муж? – неожиданно улыбнулся Найден. – Знаешь, рад я этому почему-то.

– Почему ж рад? – тихо спросила Малена, пряча наполнившиеся слезами глаза.

– Так... Как звать-то тебя, дева?

– Ма... Ой, вон он, хозяин. Едет... Ты уж не скажи, что говорил со мною, – жалобно попросила девчонка.

– Не скажу, – кивнув, пообещал Найден, пораженный ее пришибленным видом. Видать, не очень-то добрый хозяин Борич... А девчонка ничего... Красава. Как, она сказала, зовут? Ма... Забыл. Спросить бы – да некогда, вон он, Борич Огнищанин, едет. Увидев Найдену, Борич подстегнул коня:

– Не стряслось ли чего, Найдене?

– Князь велел сыскать быстро, – кивнул тиун. – Грамоты расчетные требует. Готовы?
– Давно уж готовы, – похвалился Борич. – Чай, пять ден невпродых работал. Да ты это и сам ведаешь.

– Ведаю, – согласился Найден. – Это что у тебя за девица, челядинка?

– Ключница. Говорил с ней? – Глаза Огнищанина настороженно сверкнули.

– Нет, – покачал головой тиун. – Видел мельком только. Так ждать тебя?

– А нечего и ждать, – не заезжая в ворота, махнул рукой Борич. – Зовет князь, так посейчас же и едем. А грамоты у меня там, в подклетье. Как господин Конхобар?

– Да как и всегда. Князь приехал – шепчутся. Ну, едем?

Кивнув, Огнищанин поворотил коня.

Фиолетовый вечер сменила ночь, вначале темная – из-за туч, потом быстро светлеющая, напознала-таки с запада чистая полоска неба. Молодой варяг Варг зашевелился на лавке. Открыв глаза, уселся, отбросив в сторону укрывавшую его тело овчину. Осмотрелся вокруг удивленно, миг – и, сообразив что-то, позвал:

– Истома!

Мозглек выглянул из сеней, узнал уже, кто зовет его, и по голосу, и по горящему черному взору.

– Я здесь,

– Рассказывай, – сверкнув очами, велел друид.

– Все сделал, как ты велел.

Поведав друиду о разговоре с Боричем, Истома выжидающе посмотрел на него.

– Я доволен тобой, – милостиво кивнул князь. – Значит, этот самый Борич – и есть тот, кто нам нужен. Говоришь, он взял мзду?

– Две гривны, хозяин. Губа не дура.

– Пусть. – Друид задумался. – Есть ли вести от Лейва? Что-то засиделся он без дела в своих лесах. И серебра от него давно не было.

– Недавно был от него человек – Лютша, – доложил Мозглек. – От Лютши этого и узнали кое-что о Бориче.

– Почему не оставили посланника до ночи? – Друид грозно повысил голос.

Истома потупил взор:

– Не смог он. Говорит – быстрее возвращаться надо. А пришел-то, едва рассвело, под утро.

– В следующий раз сделаешь так, как я говорю, – Дирмунд прямо-таки придавил Истома взглядом. – И вот еще... Когда Борич принесет сведения?

– Уже, – довольно усмехнулся Мозглек. – Похоже, они уже были при нем.

– Вот как? – Друид насупил брови. – А этот Борич не так-то прост. Где грамоты?

– Да вот же лежат, – Истома кивнул на большой сундук перед лавкой.

Дирмунд взял кусочки пергамента и дощечки, повертел в руках, задумался:

– Непонятное какое-то письмо... А, вот и по-нашему... Что это? – вдруг вскричал он.

Истома вопросительно воззрится на друида.

– Здесь написано, что к Ютландцу отправятся шестеро из старшей дружины и двадцать отроков-гридей. Этот Борич не врет?

– Не думаю. Уж слишком сребролюбив, а тут – верное дело.

– Так, выходит, к Ютландцу идет двадцать шесть человек! А всего сколько воинов в Альдегьборге? Думаю, в несколько раз больше! И все они остаются в городе... Это плохо для наших планов. – Друид надолго задумался. – Вот что, верный слуга мой, – наконец проговорил он. – Я думаю, этот недоносок Хельги просто-напросто обманывает Ютландца – скрывает от него истинное число воинов. Кто приехал от Рюрика?

Мозгляк виновато потупился.

– Не знаешь? – нахмурился Дирмунд. – Узнай. И сделай так, чтобы и он, этот посланец, узнал о задумке Хельги. Пусть потребует всю дружину! Ну или почти всю. Ты понял меня, друг мой?

– Да. – Истома кивнул. – Княже, ты просил устроить жертвенник.

– Сделал?

– Все готово, – встав, поклонился Мозгляк. – В лесу, на том берегу Волхова.

Друид усмехнулся:

– Я доволен тобой. К следующей ночи позаботься о жертве.

– Сделаю, о повелитель!

– Вот-вот. Сделай. И не забудь о дружине. Теперь иди. Мне нужно готовиться к завтрашней жертве, надеюсь, ты ее подберешь.

Махнув рукой, друид выпроводил верного клеврета вон и поднял черные пылающие глаза к небу.

Глава 9

Кружкой в лоб

*Ты и прежде свершал
Преступлений немало,
Жестоких и злобных...*

Старшая Эдда. Гренландские речи Атли

Июнь-июль 865 г. Ладога

– Откуда Хаснульф узнал про дружину? – Хельги вопросительно взглянул на Ирландца. Тот сидел на ступеньке крыльца и задумчиво грыз соломинку.

– Он приходил ко мне поутру, – продолжал ярл. – Ругался. То есть не ругался, конечно, но дал понять, что недоволен. Конечно, хочет получить больше воинов. А мы здесь с кем останемся? Случись что, кто воевать будет? Ополчение? А между прочим, жатва скоро, да и вообще – страда.

Ярл раздраженно сплюнул:

– Не хватало еще ссориться с Рюриком. Но, в самом деле, откуда Хаснульф узнал? Глупый самонадеянный Хаснульф, упрямый осел, каких мало. Его явно кто-то надоумил.

– Я тоже так думаю, – меланхолично согласился Ирландец. – И тот, кто надоумил, весьма сведущ в наших делах. Так отдашь всю дружину?

– Ну, положим, не всю, – хохотнул ярл. – Но кое-что придется. И не два с половиной десятка, как мы задумывали. Что нового слышно в городе?

– В городе – ничего. – Конхобар выплюнул травинку. – Так, появилось кое-что на торгу. – Он подкинул на ладони серебряную подвеску-уточку. – Весьянская.

– Весьянская? – переспросил Хельги. – Что, они уже стали делать изделия на продажу?

Ирландец мотнул головой:

– Думаю, кто-то забирает их вовсе без желания веси. И не только подвески. Много.

– Опять грабежи? – раздраженно осведомился ярл. – И конечно же в дальних лесах?

– Да.

– Похоже, там становится горячее, чем здесь, в Альдегьюборге. Ты не находишь, Конхобар?

Ирландец снова кивнул. Почему горячее – ясно. Лето. И следовательно, неведомый враг – а такой явно был – бросит сейчас все силы на то, чтобы сорвать у окрестных племен заготовку дани. Вовсю начнутся поджоги, грабежи и убийства расцветут пышным цветом.

– Да, думаю, уже расцвели. – Хельги потер виски, пожаловался: – Ума не приложу, что делать?

Его собеседник усмехнулся, взглянул с хитринкой:

– Полагаю, ты хорошо знаешь, что нужно делать, ярл! Хочешь совета?

– Ну?

– Бери воинов – самых лучших – и отправляйся в леса. Или отправь кого-нибудь – того же Снорри, он рад будет.

Ярл покачал головой:

– Снорри я отправлю с дружиной к Рюрику. Должен же я хоть на кого-нибудь там полагаться?

– Хаснульф ожидает, наверное, что ты поедешь сам.

– Ну и пусть ожидает, – неожиданно засмеялся Хельги. – Впрочем...

Наклонившись, он что-то прошептал Ирландцу, и тот одобрительно кивнул.

– Я тут подумал уже кое над чем, ярл. – Конхобар вытащил из-за пояса свернутый в трубочку кусок пергамента. – Вот те, кто осведомлен о дружине.

– Снорри, Арнульф, Каймод-воевода, Осиф-кузнец да еще три кузнеца с усадьбы, что близ двора Вячки-Весянина, Незван-тиун, Борич Огнищанин, – быстро прочел Хельги. Изумился: – Даже Борич? Этому-то что знать о дружине?

– Там все указано, ярл.

Хельги присмотрелся. Действительно, от каждого имени вниз шли стрелочки с подписями: «кони», «оружие», «бронь», «пища»...

– Посмотрю на досуге. – Ярл сунул список за голенище. – Иди, Конхобар. Сам знаешь, что делать.

Ирландец, простившись, взобрался в седло. Челядь побежала к воротам. Хельги поднялся на крыльцо, оглянулся, задержавшись чуть перед дверью. Синее яркое небо лучилось солнцем, деревья стояли такие чистые, вымытые вчерашним дождем, трава, прижухнув было от июньской жары, ныне воспрянула вновь, словно птица феникс из пепла. Хороший денек.

Войдя в горницу, ярл скинул на руки подскочившему слуге плащ, вошел в покои жены. Сельма – как всегда, красивая и строгая – сидела за столом, заваленным деревянными длинными дощечками.

– Входи, супруг мой, – улыбнувшись, она обняла мужа. Поцеловав, кивнула на дощечки: – Староста Келагаст с Наволоцкого погоста должен нам два мешка беличьих шкурок и мешок кунных.

– Знаю, – усаживаясь на лавку, отозвался ярл. – В тех краях все должники.

Он с удовольствием окинул взглядом супругу – в длинном темном сарафане, в сборчатой синей тунике, с золотым обручем на голове – та держалась, как сказал бы Никифор, царственно, движения молодой женщины были плавны, жесты – неторопливы, выражение лица – значительно. Плюс ко всему прочему имелся и весьма острый ум.

– Есть дело к тебе, – немного помолчав, улыбнулся ярл. – Выслушай внимательно и скажи – согласна ль?..

Выйдя из покоев супруги, Хельги велел слугам седлать коня. Выбрал лучшего на конюшне – белого поджарого жеребца, статью и мощью чем-то напоминавшего Слейпнира – восьминогую коня Одина. Спустился с крыльца, взлетев в седло, кликнул гридей – для почета большего. Оглянулся в воротах, помахал вышедшей на крыльцо Сельме. Поглядел на супругу, и вдруг почему-то взгрустнулось ярлу... другая вспомнилась, та, что с васильковыми глазами, – Ладислава. Давно уже не видать ее было в городе, люди говорили – ушла жить к дальним родичам. Горько такое слышать. Хотя, с другой стороны, не осмелился бы ярл предложить Ладиславе место второй жены, и не потому вовсе, что Сельма была бы против.

Корил себя Хельги, не зная – кого больше любит? Думал, Ладислава – лишь мимолетное увлечение, а оказалось... Где-то она теперь? И... помнит ли?

Отбросив грустные мысли, ярл понесся навстречу сверкающему солнцу и синему, в мелких облаках, небу. Ветер остужал разгоряченное лицо, трепал гриву коня, темно-голубой плащ за спиной раздувался крыльями. Позади, гремя оружием, скакали гриди. Молодые, все как на подбор рослые, в одинаковых серебристых кольчугах, в шлемах. Дружина... Как стремился к этому Хельги когда-то! Было время, казалось – верная дружина да горячий конь – что еще нужно ярлу? Эйфория, однако, прошла быстро. Слишком уж много всего навалилось, слишком. И – как назло – не так и много оказалось вдруг рядом верных людей, на которых можно

было положиться. Нет, положим, верных-то было много, но вот умных, знающих, грамотных. Увы... Впрочем, то была не только беда Хельги-ярла, вряд и Рюрик мог похвастаться лучшим.

Пролетев мимо кузниц, мимо холма с зарослями березы, вывернули к усадьбе Торольва Ногаты. Там, по приезде, жил с верными людьми воевода Рюрика Хаснульф. Хаснульф Упрямый, как давно уже прозвали его.

Хаснульф встретил ярла почтительно. Сбежал с крыльца – чернобородый, дородный, в алом плаще поверх кафтана из чернобурки – поклонился радушно, а в глазах стоял лед. Не очень-то он доверял Хельги, да и вообще никому не доверял.

– Когда думаешь отправляться к Рюрику, достопочтеннейший Хаснульф?

– Думаю, завтра. Готова ль дружина?

– Давно готова. Сам пройду с вами до Рюрика. Навещу – все ж таки родичи мы.

– Буду рад.

Хаснульф вновь поклонился.

Простившись с ним, Хельги погнал коня на окраину, где в небольшом домишке проживал брат Никифор. Оставив гридей у подножья холма, ярл спешился и, бросив поводья подскочившему отроку, пошел дальше пешком – да тут и идти-то всего ничего было. Никифор встретил его радостной улыбкой, обнял, отложив в сторону книгу:

– Входи же скорее в дом, любезнейший ярл! Рад вновь увидеть тебя.

– И я рад, – улыбнулся Хельги, он и в самом деле был рад встрече со старым приятелем. – Ах, день какой, солнце! Надоели уже дожди... Давай-ко, брат, сядем вон здесь, под березой.

– Сейчас велю принести скамью.

– Не надо. – Хельги махнул рукой. – Вот если б попить чего...

Никифор подозвал слугу:

– Принеси-ко нам квасу, брат Авдий.

Тот – чернобровый, темноволосый, смуглый, чем-то неуловимо похожий на Никифора, только чуть помоложе – с поклоном принес из погреба кринку.

– Вкусен у тебя квас, Никифор, – утер бороду ярл. – Не раздумал еще основать обитель?

Никифор восторженно ожег гостя взглядом. Давно, давно уже просил он содействия, напоминал постоянно, и вот теперь ярл сам заговорил об этом.

– Люди готовы, нашлись охотники, хоть и не так много, – широко улыбнулся монах. – Нужны лишь кое-какие средства и проводник. Да мы бы, честно говоря, ушли бы и сами, не дожидаясь...

– Значит, вовремя я, – Хельги усмехнулся. – Завтра поутру и отправляйтесь. Скажи своим – пусть зайдут за припасами. Проводника я пришлю с утра.

– Да благословит тебя Бог, ярл!

– Пустое. Да, плотников я тоже дам. Помнишь уговор – тебе скит, мне – крепость?

Оба – монах и ярл – одновременно расхохотались.

От Никифора ярл поскакал к Ирландцу. Заперевшись в горнице, шептался с ним долго, потом велел позвать Найдена.

Молодой тиун явился сразу, в опрятном темно-сером кафтане поверх красной рубахи, в постолах, в узких варяжских штанах. Встав на пороге, склонился:

– Звал, князь?

– Звал, – внимательно оглядев его, кивнул Хельги. – Пути-дорожки в дальних лесах не позабыл еще?

– Как можно?

– Есть для тебя важное поручение, – ярл переглянулся с Ирландцем. – Надеюсь, тебя не надо предупреждать о том, чтоб лишнего не сболтнул?

Найден обиженно вскинул глаза:

– Не с кем мне болтать, князь, один я живу.

– А друзья? А напарник твой, Борич?

– Нет у меня друзей, – потупился молодой тиун. – То есть есть, но нет задушевных, с которыми можно было бы обо всем... А Борич... Так с ним мы так и не сошлись близко. Хотя грамоте он востер, дело знает.

– В общем, так, – Хельги понизил голос. – Дела недоделанные сдашь сегодня Боричу, скажешь – отпросился к родичам помочь с урожаем. Сам же явишься завтра с утра на подворье к монаху Никифору. Помнишь такого?

– К Никифору? – обрадованно переспросил тиун. – Ну, конечно же помню.

– Поведешь его с людьми в Шугозерье.

– В Шугозерье? – Найден ахнул. – Далече собрались.

– Как дойдете до Сяси-реки, привал устройте, – продолжал ярл. Тиун кивнул:

– Само собой.

– Подождете там... – Хельги замялся. – В общем, увидите – кого. – А...

– Не спрашивай больше ничего, Найден. Исполняй и помни – все делай в тайности.

– Не сомневайся, князь. Не сомневайся и ты, господине, – Найден поклонился. Сначала – Хельги, потом – Ирландцу, непосредственному своему начальнику. Вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Борич Огнищанин, приняв от Найдена незаконченные дела, состоявшие в основном из запутанных земельных тяжб и жалоб на потраву покосов, задумчиво насупил брови. Подозрительным ему показался внезапный отъезд молодого тиуна. К родичам, говорит? А ведь, поди ж ты, раньше-то о них и не вспоминал. Чего ж посейчас приспичило? Умен был Огнищанин – бывший волхв Вельвед – хитер, коварен. Повсюду выгоду свою сыскивал. Вот и теперь... Не поверив Найдену, к вечеру ближе пошатался по торгу, у пристаней, сплетни послушал, заодно новый кнут прикупил – справный. Таким ожжешь – долго не затянется рана. Хороший кнут. А сплетни – ничего необычного: собирались в обратный путь расторговавшиеся варяги, искали лоцмана; киевский купец Велимир со товарищи грузился у дальних мостков – от мостков к амбарам, ругаясь, сновали грузчики, в их числе и Ярил – «себе на уме парень», как мысленно окрестил его Огнищанин. Да, князьки люди набирали плотников. Только как-то странно набирали – не орали бирючи о том в людных местах, не собирали людишек охочих. Подходили к артельщикам неприметненько, разговаривали. Вроде б и не таились особо, а все ж... А зачем князю плотники? На ремонт стен людишек хватает – Борич о том доподлинно знал, сам сметы рассчитывал, на других работах – тоже. Зачем же еще вдруг понадобились?.. Вот она, верная фраза, – «вдруг понадобились»! А нельзя ль тут чем разжиться? Да продать потом полученные вести тому же чернявому Истому! Тот ведь платит щедро. Интересно, откуда у него серебро? Вроде голь голью – одет скудно, рожа – не приведи Род с Рожаницами такую ночью на безлюдной дорожке встретить. Ну, не его, Борича, дело – откуда у чернявого серебро, главное – есть. И он готов платить. Но ведь это разве тайна большая? Подумаешь, плотники! Вот если б точно знать, куда они да зачем вдруг – крепостицу какую строить? Узнать где, вот тогда и с чернявым на эту тему поговорить можно будет. А... Борич вдруг усмехнулся, вспомнив о «парне себе на уме». Он ведь, кажется, обмолвился как-то, что плотницкое дело знает? Тем лучше...

Огнищанин подошел к амбарам – сломанная в прошлый раз на березе ветка так и висела безжизненно, уже и пожелтела вся, высохла. Оглянувшись, Борич быстро обломил другую, подавая тайный знак Ярилу. В прошлый раз уговорились больше не встречаться в корчме Ермила Кобылы – слишком уж приметное место. Ярил, как показалось внимательному Огнищанину, воспринял новое предложение с удовольствием – видно, корчма произвела на него дурное впечатление... а может, и встретил там случайно старых знакомцев, из тех, с которыми лучше не встречаться. Уговорились в березняке, на холме, что близ усадьбы варяга Торольва Ногаты. Хорошая усадьба у Торольва, домина огромный – печь каменка, дощатый пол на лагах,

тут же навес, дальше еще один сруб, тоже с печью и глинобитным полом, рядом – амбары, клеть – все по уму, толково, под одной крышей. На другом конце усадьбы – округлый скотный двор, обнесенный отдельным плетнем, чтобы не повредил скот посадкам – луку с чесноком, репе, капусте. Много скота у Торольва – трех пастушат держит. Дают же боги людям такое богатство! А тут...

Желчно позавидовав варягу, Борич сплюнул, оглядывая подходы к холму. Солнце садилось уже за холлами, отбрасывая вниз, к Волхову, длинные черные тени. Огнищанин поежился – ну, где ж Ярил? Не хотелось бы оставаться в рощице до ночи. Ага! Вот послышался снизу чей-то приглушенный свист. Борич вытянул шею – по узкой тропинке, вьющейся меж молодых березок, быстро поднимался к нему Ярил Зевота. Огнищанин вышел из-за кустов:

– Долгонько ты что-то.

– А, здоров будь, дядько! – приветствовал его парень. – Чего звал?

– Слышал. Ты плотник умелый?

– От кого слышал? – стрельнул глазами Ярил.

Борич уклонился от ответа. Почмокал губами, почесал кустистые брови, усмехнулся:

– Князь плотников набирает.

– Знаю. У нас несколько парней собрались. Ну, там на сезон работенка – лодки чинить на Свири-реке.

– На Свири-реке? – изумленно переспросил Огнищанин. – Далеконько, однако.

– Вот и я говорю.

– Пойдешь с ними, – нахмутив брови, решительно заявил Борич. – Вернешься, четко доложишь – сколько лодок починено, да где, да зачем.

Парень разочарованно хмыкнул:

– Это что ж, дядько, и мне на Свирь-реку собираться?

– Тебе, тебе, – покивал Огнищанин. – Аль плачу мало?

– Эхма! – Ярил бросил шапку наземь. – Была не была, пойду, коль скажешь. Только...

Обол бы подбросил, дядько? С друзьями проститься.

– На! – Борич швырнул парню маленькую медную монетку. Не хотел было давать сначала, но решился все-таки дать, чуял – дело того стоило.

– Кто это? – Он вдруг напрягся, прислушиваясь.

Прислушался и Ярил. С противоположного склона холма, сквозь ряды берез ветер доносил песню:

Кукушечка, рябушечка,
Пташечка плакучая,
К нам весна пришла,
Весна-красна,
Нам зерна принесла, —

пели девы¹.

Весна-красна
Нам зерна принесла, —

¹ «Весна» – означало «тепло». Не было в то время ни лета, ни осени. Имея в виду год, говорили – лето. «В прошлый год» – «прошлолетось». Два времени года было – зима (холод) и весна (тепло). Так вот и начиналась весна в марте-апреле и продолжалась до глубокой осени.

приближаясь, пели девушки. Вот уже и показались они меж деревьями, поднимались к роще по тропке. Ярл с Огнищанином, не стовариваясь, нырнули в кусты.

Идущая впереди дева в белой, вышитой синим узором рубахе держала перед собой связку травы кукушкины слезки. Вырванная с корнем трава была обвязана алыми лентами.

Кукушечка, рябушечка,
Пташечка плакучая.

Ветер сносил девичью песню далеко-далеко вниз, мимо рощицы, мимо зарослей лебеды, мимо просторных хором варяга Торольва Ногагы.

Справившись с домашними делами, присела на миг Естифея-Малена, услышала песню, подпела грустно:

Весна-красна
Нам зерна принесла.

Вытерла набежавшие слезы. Хорошо девам! Поют сейчас в роще, хороводы водят. К вечеру парней позовут, костер разложат. Снова пойдут хороводы-песни да игрища развеселые, потом меняться начнут: девушка парню – платок, он ей – кушак, бусы, орехи. Побратимство-сестринство навечно, ведь каждая вещь – это все знают – связана с ее владельцем множеством невидимых глазу нитей. А траву кукушкины слезки девушки закопают в роще. Как рвали, смотрела каждая – какой корень? Ежели длинный – мальчик родится, короткий – девочка.

Кукушечка-рябушечка,
Пташечка плакучая...

Текли слезы из глаз Малены. Мучилась девчонка – а у нее-то, интересно, когда-нибудь родится кто? Хотела б иметь детей Малена, все равно кого – мальчика или девочку, – только не от хозяина своего, Борича. А вот хотя бы от того лохматого светлоглазого парня, что заезжал вчера. Как же его? Найден, что ли?

Малена вздохнула. Вечерело. Темнее становилось небо, еще немного – и зажгутся звезды. Припозднился сегодня что-то хозяин, успела Малена всю работу справиться, сидела теперь во дворе, песню слушала, плача. Хоть бы и вовсе не возвращался Борич, не пугал бы ее, не бил, не неволил. Убежать бы, да страшно. Каково это – одной, в изгоях?! Случись что – и заступиться некому. А тут что? Заступается Борич? Малена задумалась. Ну, пожалуй, что и заступается. От правежа, по крайней мере, спас, пугает – дескать, если бы не он бы – давно б ее жизни лишили. А и лишили бы? Нужна она больно, такая-то жизнь!

Малена вздрогнула, услышав крик хозяина. Со всех ног бросилась к воротам, открыла... И тут же получила пощечину, звонкую и горячую:

– Медленно поворачиваешься, дочь!

Поклоном низехоньким встретила Малена хозяина.

Тот хмурился, уселся на лавку – упырь-упырем – вскинул кустистые брови.

Малена поставила на стол лепешки и корец с медом, подала в глиняной чашке орехи.

Борич отпил меду, крикнул. Потянулся к орехам, взял...

– Ах, ты ж тварь! Орехи-то поколоть не додумалась?

– Прости глупую, господине!

– Простить? А я-то, червь, о ней все забочусь, живота не жалея! От правежа спасаю, от хозяев прежних, злыдней. Может, в обрат им тебя отдать?

Малена пала на колени:

– Не погуби, кормилец!

– Ах, не погубить?

Борич все больше и больше расходился. Надоедало дни напролет себя сдерживать, домой приходя, расслаблялся. Вот и сейчас... Так сладко было пинать безответную деву, таскать за волосы, бить кнутом, зная – все сотворить можно. Это и согревало душу, подталкивало, словно бы шептало – ударь, ударь сильнее, а теперь – пни, а потом... Сладостное было чувство. Вот и сейчас чуял его Огнищанин, нарочно себе распалаял, и не в орехах тут было дело...

– Кнут подай, – потянувшись, распорядился он. – Заголи спину-то, постегаяю для острастки.

Сняв со стены старую, давно измочалившуюся плеть, Малена с поклоном протянула ее хозяину. Расстегнув по вороту рубаху, спустила до пояса, наклонилась.

Поглядев на старую плеть, Борич усмехнулся. Вытащил из-за пояса новую, что купил сегодня на торге. Хорошая плеть, хазарская, из воловьих жил вытянутая. Такой ударишь, не всякий выдержит. Вот сейчас и проверим...

Подойдя ближе к девчонке, Борич провел пальцами по ее смуглой спине, размахнулся...

Удар!

Брызнули по углам ошметки крови, Малена дернулась, вскрикнула от боли.

– Терпи, тля! – закричал Борич. Ударил еще – на этот раз сильнее, так что едва не перешиб позвоночник. Девушка упала на пол, закрывая рукою грудь, со стоном отползла к очагу.

– Чего не вся заголилась, тварь? А ну... – Борич повелительно кивнул, раздувая ноздри, и Малена, встретившись с его взглядом, ощутила ужас – это был взгляд зверя!

– На лавку! – грубо сорвав платье, приказал девушке Огнищанин и, не дожидаясь исполнения приказа, ударил...

Удар – наотмашь – пришелся по левой груди и шее. Малена схватилась за ушибленное место, споткнувшись, упала, пытаясь хоть за что-нибудь ухватиться. Упала в очаг, больно обожгла левую руку о тлевшие угли. С дребезжащим смехом Борич размахнулся еще...

Малена и сама не поняла, что это на нее нахлынуло вдруг? Может, устала уже бояться, может, уж слишком сильной была боль... а быть может, вспомнила давешнего светлоглазого парня.

Не говоря ни слова, девушка схватила стоявшую у очага кружку и с неожиданной силой швырнула ее прямо в лицо мучителю. Тот схватился за лоб, охнул и, выронив плеть, беспомощно осел на пол. Со лба закапала кровь.

– Ой, батюшки... – забыв про боль, жалобно вскричала Малена и, прихватив с собой разорванную рубаху, бросилась прочь. Выбежав из ворот, понеслась куда глядели глаза – мимо хором Торольва Ногаты, мимо кузниц, мимо зарослей лебеды, к рошице на вершине холма. Ужасом были полны темно-серые глаза несчастной, в спину ей яростно светила луна.

Глава 10

Отъезды

*К Гьюки ведут
Зеленые тропы.
Страннику путь
Укажет судьба!*

Старшая Эдда. Речи Фафнира

Июль 865 г. Приладожье

С утра распогодилось. Зарядивший было к ночи дождь к восходу унялся, и сейчас тысячи маленьких солнышек отражались в лужах, сияли в росной траве, маленькими бриллиантиками вспыхивали среди мокрых листьев. Чистое, умытое прошедшим дождем небо, лучась бирюзовой улыбкой, отражалось в синих глазах молодого ярла, с чуть заметным волнением наблюдавшего за погрузкой дружины в насады. Собравшиеся на берегу провожающие – многие дружинники были родом из Ладоги – переговаривались, смеясь, махали руками родным. Летели в дорогу напутствия, сотни глаз не отрываясь смотрели на воинов: отцовские – с гордостью, мальчишечьи – с завистью, девичьи – с затаенной тревогой. Хоть путь и не очень далек, да кто его знает, куда нынче собирается Рюрик?

Храпя, по широким мосткам поднимались в насады кони. Один вороной – молодой, почти не обьеженный еще жеребец – скакнул вдруг в сторону, закосив глазом. Сбитый с ног слуга с шумом полетел в воду. В толпе засмеялись:

– Как водичка, Жердяй? Чай, теплая?

Не отвечая, мокрый Жердяй быстро выбрался на мостки. Вороного общими усилиями загнали-таки в насад, накрепко привязали.

Чуть хмурясь, смотрел на все это Хельги. Конечно, можно было б отправиться и посуху, да слишком уж сырой выдалась прошедшая неделя, почитай, каждую ночь шли дожди, дожидило и днем, пусть не так сильно, как ночью, но все-таки. Что там случилось с болотами волховскими – можно было лишь предполагать. Ярл не хотел рисковать и, не боясь показаться смешным, решил двигаться к Рюрику по реке, используя насады – большие суда с набранными бортами. Так не поступил бы славянский князь, предпочел бы пронестись берегом на быстрых конях, так не поступил бы и обычный викинг, вверив дружину судам, не захватил бы с собою такое множество лошадей. Но Хельги-ярл поступил именно так, как поступил, – без оглядки на чужое мнение. Умен был молодой ярл, умен и осторожен, хоть и не в чести подобное качество у норманнов.

– Погрузка закончена, ярл! – подскочив, доложил Снорри. В короткой серебристой кольчуге, с мечом, он наконец-таки дождался настоящего дела. Откровенно говоря, этот парень закил здесь, в Альдегьюборге, без жаркой сечи, без яростных встреч с врагом, без азарта боя. Не скрывая, радовался он теперь предстоящему походу. Ведь не зря же собирает Рюрик дружину – ждут, ждут воинов впереди великие битвы!

– Отплываем, – ступая на борт передней ладьи, улыбнулся Хельги.

По знаку кормчего корабельщики взмахнули веслами, и грузные суда медленно, словно бы с неохотой, пошли вверх по течению широкой, текущей меж лесистых сопков, реки.

Плывший в следующей ладье Хаснульф мог быть доволен. Хельги взял с собой почти всю дружину, оставив лишь небольшое число воинов, необходимое для несения караульной службы. Командовать ими было поручено Конхобару Ирландцу, ему же – и отвечать в отсутствие ярла за все городские дела. Рад был или нет Ирландец такому назначению – по его лицу сказать было нельзя. Бесстрастное, узкое, с длинными черными прядями, в которых кое-где искрилась уже седина, лицо бывшего друида не выражало ничего. В толпе шушукались, обсуждая отплытие. Кто-то радовался, кто-то, наоборот, грустил, а кто-то, оглядываясь, шептал зло, кивая на Конхобара:

– Эвон, князь-то своего варяга оставил, а мог бы ведь и кого из наших.

– Э, что ж в этом такого, паря? Ты бы, небось, тоже за своего был, а?

Истома Мозгяк, скривившись, растворился в толпе и быстро пошел к воротам. Нечего тут больше смотреть, пожалуй, можно и так доложить Дирмунду-князю.

Дождавшись, когда последнее судно скроется за излучиной, Ирландец тронул поводья. Оставшиеся дружинники молча последовали за ним.

Едва ладожские стены скрылись из виду, последний насад вдруг повернул к противоположному берегу. Странно, но на этом насаде не было видно коней. Не было там и воинов. Вернее, конечно, были – но немного. В основном молодые парни в бедноватой, прямо скажем, одежке, по виду – артельщики да охочие люди.

Еще немного проплыв по инерции, насад ткнулся в берег.

– Пошли, ребята, – улыбаясь,скомандовал высокий монах в темной, подпоясанной простой веревкой сутане.

– Идем, брате Никифор, – откликнулся кто-то.

Первым выскочил на берег Ярил. Парень был рад встретить Никифора и, едва увидев его, возблагодарил в мыслях бровастого Борича – это ведь по его велению напросился Зевота к плотникам. Прихватив с собой котомки с припасами, пилы, топоры да прочий плотницкий инструмент, выбирались на лесистый берег артельщики и новоявленные монахи. Кроме самого Никифора, монахов было четверо – невелика обитель, да ведь святой Колумбан, говорят, и с меньшего начинал.

– Что так сияешь, Овчаре? – оглянулся Ярил на приятеля. – Иль тоже решил в монахи податься?

– Да ну тебя, – отмахнулся Овчар, потер шрам на шее, скривился. – Слишком много у меня друзей в Ладого стало!

Ярил похлопал его по плечу:

– Ничего, друже, сладим!

Выгрузившись из насада, артельщики углубились в лес и к обеду вышли к болоту, которое обходили, ступая след в след проводнику Найдену – высокому лохматому парню в богатом зеленом плаще. Похоже, именно Найден, а вовсе не брат Никифор, был здесь за главного. Черты лица его показались Ярилу смутно знакомыми.

Дождавшись привала, Ярил подошел к Найдену поближе, улучив момент, спросил тихонько:

– В Киеве-граде не довелось ли бывать, господине?

– В Киеве? – Найден вздрогнул и быстро отвел глаза. – Нет, не довелось как-то.

Ярил отошел, но все поглядывал на проводника, да и на себе не раз замечал его косые взгляды. Темнит что-то Найден, ну, поглядим, что там дальше будет. Зато с Никифором проводник был дружен, видно – давно уже знали. Сидя у костра, обсуждали что-то, смеялись. Ярил подсел ближе, следя, как мастерит себе ложку самый молодой артельщик – Михря. Темненький, кареглазый, он даже язык высунул от усердия.

– Молодец, – подмигнув Овчару, потрепал парня Ярил. – В дальнем походе ложка – первейшее дело. Что ж старую-то свою, забыл?

– Потерял, – подняв глаза, признался отрок. – Или похитил кто. Ложка-то в котомке была, а там и припасы. Я с вечера приготовил котомочку, под голову подложил, утром глянь – ан нету! Русалка, верно, схитила.

– Сам ты русалка, тетеря!

Артельщики засмеялись. Улыбнулся и брат Никифор, развязал мешок, вытащил оттуда ложку, протянул незадачливому Михре:

– На, отроче, кушай.

– А сам-то ты как же?

– У меня есть, как видишь.

Михря повертел подарок в руках:

– Чудная какая. Медная?

– Нет, из олова. – Никифор прикрыл глаза. – Из далекой земли – Англии, довелось побывать там когда-то.

– Расскажи, брат Никифор!

Артельщики поудобней устроились у костра, на лицах их заиграли оранжевые отблески пламени.

– Рассказать? – с улыбкой переспросил монах. – Ну, слушайте. Жил когда-то в древности такой народ – римляне, могучее, сильное племя...

Хорошо рассказывал Никифор, ярко, интересно. В непонятных местах останавливался, пояснял, так, чтоб даже непутому Михре было понятно. Ярил, как и все прочие, слушал с удовольствием, не заметил даже, как ткнул его в бок Овчар. Зашептал на ухо:

– Твоя очередь караулить, друже.

Ярил кивнул – надо так надо. Без сторожи никак не обойдешься. Места вокруг глухие – болота да ельники – не ровен час...

Не шибко-то далеко он и отошел от костра – а будто совсем в другом краю оказался. Высились вокруг колючие мохнатые ели, чернели можжевельниковые кусты, бились об ноги невидимые у земли папоротники. Где-то неподалеку, совсем рядом, глухо ухнула сова. Ярил обернулся – шагах в полста мигало в вершинах елей оранжевое пламя костра, если очень прислушаться – слышен был и приглушенный голос. Мирно, по-домашнему сидели вокруг костра люди, кое-кто и лежал, вытянув ноги и подперев кулаками голову. Слушали.

– Мерсия – это такая страна там, в Британии...

Ярил отвернулся. Углубившись в лес, прошел еще немного, остановился, прислушался. И замер, услышав совсем рядом чьи-то шаги! Нащупав за поясом нож, Зевота затаился за деревом. Вокруг стояла тишина, прерываемая лишь хлопаньем крыльев ночных птиц да утробным болотным бульканьем. Показалось? Нет – вон хрустнула веточка, переломилась под чьей-то ногой. А вот прямо перед носом Ярила прошмыгнула к костру быстрая легкая тень.

– Ах ты, гад.

Затаив дыхание, Ярил неслышно пошел следом, улучил момент, увидев застывшую тень на светлеющем фоне неба, навалился – стремительно, словно рысь, спеленал поясом, чувствуя, как изо всех сил старается вырваться из его объятий неведомый лесной тать.

– Что там за шум, Яриле? – неожиданно спросили из темноты.

Зевота вздрогнул, но тут же усмехнулся, узнав знакомый голос:

– Ты, что ль, Михряй?

– Я. Тебя вот сменить послали.

– Ну, сменяй... Осторожней, тут, в лесу, рыщет кто-то. Сиди тихо, как мышь, ежели что – кричи.

Свистящим шепотом дав отроку необходимые пояснения, Ярил пнул пленника:

– Пошел, тать!

Тать – а куда деваться? – поплелся к костру, шмыгая носом. Ярл несколько раз остановился, прислушивался. Нет, вроде больше в лесу никого не было.

– Ты что, один, что ли?

– Один, – неожиданно тонким голосом отозвался тать.

Зевота повеселел:

– Ну, шагай давай, чего встал? Встречайте, други! – Выйдя к костру, он вытолкнул пленника вперед.

– Ох, ничего себе! – удивленно воскликнул Овчар. – Девка! Так вот ты как сторожил, Яриле.

Под приглушенный смех присутствующих Ярл смущенно оглядел татя. И в самом деле – девка! Довольно высокая, худенькая, в каком-то рваном рубище, глаза – так и зыркают.

– Откуда ты здесь, дева? – Никифор посветил ей в лицо головней.

Девушка отшатнулась.

– А-а, я, кажется, ее знаю, – поднялся на ноги Найден. Подойдя к пленнице ближе, взглянул пристально: – Ты не Борича ль Огнищанина челядинка будешь?

Вместо ответа девчонка вдруг рысью прыгнула на него, целясь связанными руками в горло, и повалила молодого тиуна прямо в костер. Найден закричал от боли. Шипя, разлетелись вокруг искры.

– Ты так и не смог найти мне подходящую жертву, Истома Мозгяк! – сверкая глазами, гневно бросил друид. Поднялся с лавки, заходил по клетки, согнувшись и заложив за спину руки. Новое обличье его – молодой бритоголовый парень – было, пожалуй, более жутким, нежели обличье Дирмунда Заики. Тень друида зловеще кривилась в чадающем пламени светильника, рисуя на бревенчатых стенах дрожащие колдовские узоры.

– Может быть, этой жертвой хочешь быть ты? – внезапно остановившись, спросил друид. Истома попятился.

– Что с дружиной? – Дирмунд вдруг резко сменил тему.

– Сегодня с утра отправилась по Волхову к Рюрику, – переводя дух, четко доложил Мозгяк. – В Ладоге осталась лишь малая часть, на воротах и башнях.

– Отлично! Где Хельги?

– Ушел с дружиной.

Друид рассмеялся:

– Ушел с дружиной? Глупец! Впрочем, викинги все такие. Кого же он оставил за себя?

– Воеводу Конхобара.

– Кого?!

– Того, кого называют Конхобаром Ирландцем.

– Ах, вот как. – В глазах друида вспыхнули мстительные огни. – Вот и пришла пора нам посчитаться, Конхобар, – тихо произнес он. – К сожалению, ты даже не будешь знать, кто делает тебе подлости. Что ж, придет время – узнаешь.

Он обернулся:

– Итак, дружина с ярлом ушла к Рюрику, в Альдегьюборге – воинов чуть. Что это значит, друг мой?

– Не ведаю, княже.

– «Не ведаю»! – передразнил друид. – Я думал, ты вроде не глуп, Истома. Это значит, что все Приладожье, все дальние хутора – наши. Ты понял меня?

Истома ухмыльнулся:

– Кажется, понял, князь. Ты хочешь сказать, настала пора Лейва?

– Его пора давно уже настала, – нахмурил брови друид. – А тем более – сейчас. Я сам поеду туда и возглавлю дружины, что, думаю, уже появились волею Лейва. Появились, друг мой?

Истома поспешно кивнул. Хоть он и не обладал точными сведениями в этом вопросе, но здраво рассудил, что гораздо лучше, если за все будет отдуваться Лейв.

– Ну, вот и славно. – Друид потер руки. – Я зажгу в окрестных лесах пламя. Пламя войны и великих кровавых жертв! Ты знаешь туда дорогу?

– Знает Лютша, посланник. Как раз завтра он должен быть здесь.

– Очень хорошо. С ним я и уйду к Лейву. И пускай этот глупец Хельги ищет у Рюрика воинской славы. По возвращении он не узнает своего тихого края! – Дирмунд глухо расхохотался. – Пока еще тихого. Вот тогда-то мы и встретимся с ним. Ирландца оставляю на тебя, Истома. Устрой ему тут веселую жизнь. Как корчмарь, верен?

– Себе на уме, князь.

– Гм... Ну, пусть так. Итак, завтра в путь. Завтра ночью... Сегодня же позаботься о жертве, ты хорошо все понял, Истома?

Мозгляк поклонился:

– Будет исполнено, князь.

На улице светлело, и он, простившись, поспешно покинул клеть. Знал – друид не любит, когда кто-нибудь видит, как его дух покидает тело. Чужое тело. Истома передернул плечами и потер оцарапанное запястье. Сучка! Та шальная девка, на которую он наткнулся у пристаней, вчера ночью, когда шарился там в поисках попрошайек для жертвы. Конечно, можно было бы и купить – серебро было. Да только жалко было тратить, хоть и без того немало уже прилипло к рукам, если так и дальше пойдет... Истома довольно прищурился, поймав себя на мысли о том, что ждет с нетерпением отъезда Хозяина. Да и зачем он тут нужен, Хозяин? Они и с Ермилом Кобылой действовали неплохо. По крайней мере, уж себе не в убыток – точно. Так что, купить все ж таки кого у ромейских торговцев людьми? Или побережь серебришко? Пожалуй, стоит все-таки купить, рыскать тут по ночам – себе дороже. Хватит, нарвался уже на какую-то тварь – едва не убила. А может, поспособствует чем новый знакомец, тиун Борич? Мало ль, холоп там какой заваливший или челядин. Оценив по достоинству только что пришедшую в голову мысль, Истома Мозгляк улыбнулся и, свернув в противоположную от пристани сторону, зашагал к дому Борича.

Бурая болотная гладь, покрытая кочками и редкими худосочными деревцами, на подъемах сменялась сушью, затем снова тянулась трясина с вязкой, шатающейся под ногами гатью и отвратительно зудящими комарами, на которых никто не обращал внимания, все смотрели под ноги – не утонуть бы. Бывали случаи – сколько хочешь. Идущий впереди Найден шагал уверенно, почесывая иногда обожженную руку. Кривился, но, оборачиваясь иногда, улыбался, подмигивал Малене – так звали ту сероглазую девушку, челядинку Борича, что едва не сожгла его в костре прошедшей ночью.

– А здорово ты на меня накинулась, – выбравшись на сухое место, улыбнулся Найден. – Думал – все, погибну.

– Прости меня, господине.

– Да сколько тебе говорить – не зови меня так. – Найден нарочито нахмурился. – Еще раз назовешь – прогоню точно. Иди куда хочешь. Поняла?

– Поняла, го... Найдене.

Тиун довольно сощурился:

– Вот так-то лучше будет, дева. Говоришь, гадом ползучим оказался Борич?

В темно-серых глазах Малены блеснули слезы.

– Еще каким гадом, – прошептала она. – Ты даже не знаешь каким.

– Не плачь, дева. – Найден погладил девчонку по плечу. – Ужо возвернемся, все припомним Боричу, все.

– Не надо ничего припоминать, – дернула плечом Малена. – Пускай живет, как жил. А я... Не вернусь я более в Ладогу.

– Что ж, в лесах жить будешь?

– Может быть, и в лесах.

Найден ласково потрепал девушку по волосам, взял в руку замотанное тряпицей запястье:

– Это Борич тебя так?

– Боричево все – на спине, – мрачно усмехнулась Малена. – Хватает в Ладого гадов. Особенно ночью. Спускалась к пристани, вдруг как выскочит из-за амбара какой-то. Мелкий, мозглявый, голова, словно бубен, круглая. Еле вырвалась. А его хорошо царапнула – в следующий раз будет знать, плюгавец!

Найден одобрительно засмеялся. Улыбнулась и Малена, практически она рассказала тиуну все, исключая самое главное – случившееся с Боричем. Жив ли тот? Вряд ли. Да если даже и жив – обратно в Ладогу путь заказан. Хорошо хоть встретила этих, не то б сгнула в лесах или вот в болотах этих.

– Страх-то какой кругом, – подвигаясь поближе к Найдену, призналась она. – Одни трясины.

– Скоро к Сяси-реке выйдем, – пообещал тиун. – Сясь – это по-весьянки «комар».

– Уж вижу, что комар, – улыбнувшись, Малена ловко стукнула парня ладонью по лбу. – Глянь, какой здоровый! У, кровососище.

Путники расположились на невысоком, поросшем осиной холмике, торчавшем посреди трясины горбом гигантского тритона. Разложив костер, сушили онучи, варили мучную похлебку. Кто и задремал уже, подставив лицо выглянувшему из густого тумана солнышку, кто – как Малена с Найденем – разговаривал о чем-то негромко, Никифор молился, а трое молодых артельщиков – Ярл, Овчар и Михря – метали на щелбаны ножик. Лоб Михря уже был красен изрядно.

– А вот ужо, – нервничая, суетился он. – Ужо попаду во-он в ту осину.

– В этакую-то и слепой попадет.

– Да ну вас...

Размахнувшись, отрок метнул нож, и тяжелое лезвие, дрожа, воткнулось в ствол.

– Ага! – возликовал Михряй, побежав за ножом. – Ну, готовь лоб, Овчаре!

Подбежав к дереву, отрок выдернул нож. Вся кора старой осины желтела порезами.

– А тут, похоже, и без нас кидали.

– Чего ты там застрял, Михря? Ножик не вытянуть? Сейчас поможем.

Отрок обернулся:

– Да не надо. Гляжу, тут уж кидали ножики.

– Ну, конечно, кидали, – подошел ближе Овчар. – Думаешь, ты здесь первый? Ого... И в самом деле истыкано.

– Вона порезы какие!

– Постой-ка! – Овчар всмотрелся внимательней. – Да нет, не порезы это, Михряй. Похоже – буквицы. А ну-ка, зови Найдену с Никифором.

– Это не простые буквицы, – оглядев кору, задумчиво промолвил монах. – Это руны – норманнские письмена. Интересно, кто и зачем их здесь вырезал?

– Боюсь, это мы вряд ли когда узнаем, – усмехнулся Найден. – Ну, пора в путь. Надо добраться до сухих мест к вечеру.

И снова путники зашагали вперед, через трясину, только теперь в выцветшем полинялом небе жарко палило солнце.

– Ух, и зной же. – Михря вытер лоб рукавом.

– Не останавливайся, Михряй, – обернувшись, крикнул ему Зевота. – Остановишься – болотные чудища враз утащат в трясину.

Отрок поспешно запрыгал по кочкам, время от времени испуганно поглядывая на трясину.

Прокса-челядин, посланный Ирландцем за Боричем – куда-то запропал тот, что такое? – подойдя к воротам, гулко забарабанил в них обоими кулаками:

– Отворяй, тиун-батюшка, боярин зовет!

– Кто это? – вздрогнул сидевший у очага Истома.

Борич Огнищанин почесал перемотанную тряпицей голову, скривился:

– Видно, хозяин прислал кого-то. Впусти. – Он поморщился, встал и, пошатываясь, вышел во двор.

Истома выскочил следом:

– Погодь, друже. Не надо бы, чтоб он меня у тебя видел.

– Так спрячься вон за столбиками. Войдет – выйдешь.

Скрючившись, Мозгляк затаился подле ворот. Видел, как, отворив створку, Огнищанин впустил посланца – худощего отрока со смешными оттопыренными ушами.

«А ведь подходящий парень! – выходя из ворот, сообразил Истома. – И слаб – вон от ветра качается – такого враз спеленать можно. – Он обрадованно потер руки. – Чтоб придумать только? Вон, возвращается уж...»

– Отроче, отроче, – скрючившись, жалобно позвал Истома.

Прокса оглянулся:

– Чего тебе, дядько?

– До постоянного двора не доведешь ли? Я, вишь, плоховато вижу. Обол ромейский дам, ужо.

– Обол? – Прокса заинтересованно подошел ближе, спросил недоверчиво: А покажи обол-то?

– Да вот он, смотри. – Истома раскрыл ладонь. – Видел?

– Да уж видел. А не обманешь?

– Родом с Рожаницами клянусь и водяным ящером.

– Ящером? Добрая клятва. Ин, ладно, хватайся за руку – доведу.

Ночь, теплая и влажная, опустилась на город, в темном небе серебрилась луна, на дворе Ермила Кобылы громко стрекотали кузнечики.

– Ишь, расшумелись. – недовольно цыкнул Истома. Пригладив волос, заглянул в клеть: – Можно, господине?

– Входи, – послышался из темноты глуховатый голос. – Надеюсь, ты все приготовил.

– Не беспокойся, князь, на это раз жертва готова!

– Хвалю. Ты нашел место?

– Тут, на заднем дворе.

– Жаль, слишком быстро придется.

– Зато никуда выносить не надо. Здесь же и зароем, Ермил разрешил, только сказал – платите.

– Заплатим, – мрачно кивнул друид. Глаза его горели огнем злобного торжества. Он быстро поднялся с лавки и накинул на плечи плащ: – Идем.

На заднем дворе уже был приготовлен вкопанный в землю столб с привязанным к нему несчастным челядином Проксой. Подойдя ближе к нему, друид улыбнулся и вытащил нож. Прокса задергался, очумело вращая глазами. Кляп едва не выпал из его рта. Истома подсуетился, затолкнул поглубже.

– О, Кром Кройх! – упал на колени друид. – Я дарю тебе сегодня свежую кровь, как дарят все мои люди, сражающиеся во имя твое в здешних лесах! Прими же, о великий Кром, мою жертву и окажи помощь и покровительство!

Не поднимаясь на ноги, друид резким движением вспорол несчастному юноше живот, чувствуя, как течет по рукам вязкая горячая кровь. Прокса извивался, стонал.

– О Кром! – в экстазе шептал друид, терзая ножом теплое тело. – О Кром, мой бог, о богиня Дагд, о боги...

Он ушел следующим днем, вернее, не он, а Варг, ведь только по ночам друид мог быть друидом. Вышел из ворот и вслед за проводником Лютшей спустился к реке, к спрятанной в кустах лодке. Тяжелый мешок оттягивал руку Варга, в мешке этом, в особом кувшине, находились голова и сердце несчастного челядина Проксы.

– Ну, за удачный отъезд! – присев на берегу, Варг вытащил из-за пазухи плетенную из лыка фляжку.

Глава 11

Засада

*Кто эти воины?
...смелы вы с виду,
ничто не страшит вас;
кто же ваши конунг?*

Старшая Эдда. Песнь о Хельги, сыне Хьерварда

Июль 865 г. Приладожье

Над низким болотистым берегом клубился туман. Сяси – «комариной реки» – почти не было видно, только слышался плеск воды. Стук топоров разносился далеко по туманной глади. Подойдя к реке, Лютша остановился, прислушался. Идущий сзади Варг, чуть не налетев на него, хотел было что-то спросить, но проводник быстро обернулся, приложив палец к губам:

– Чужие!

– Купцы? Торговцы? – припомнил некоторые слова Варг, казавшийся исхудавшим и бледным. Лютша никак не мог до конца понять своего спутника, днем – явного неумеху, а ночью... Ночью Лютша испытывал страх. Ему казалось, в тело Варга вселяется злой дух – да так ведь оно и было. – Может, и торговцы, – согласно кивнул проводник. – А может, и другие. Шалют по лесам-то, места исхоженные, людные – промыслом разбойным заработать можно.

Варг повел носом – ветер приносил запах дыма.

– Костер палят, – тихо промолвил весянин. – А топоры... видно, плот рубят – переправляться.

– А мы с тобой как переправимся, вплавь? – по-норвежски поинтересовался Варг.

Как ни странно, Лютша его понял – немножко знал язык норманнов – усмехнулся:

– Челнок тут у меня спрятан, чай, не впервой хожу.

Лютша нырнул в клонившиеся к реке заросли ивы. Послышался плеск, затем из тумана показался нос челнока, маленького и легкого. Войдя в воду, Варг с шумом перевалился через борт, едва не утопив утлое суденышко.

– Тише ты, леший! – вполголоса заругался Лютша. – Услышат.

Через реку переправились быстро. Вытащив на берег челнок, замаскировали корьем и ветками, переглянулись, вновь услышав стук топоров:

– Пойдем глянем?

Поначалу хотели двигаться берегом. Так бы и сделали – да туман уже был слишком редок, таял в лучах восходящего солнца. Обошли через холм, лесом, стараясь, чтоб не хрустели под ногами сухие ветки. Лютша ступал тихонько – привычка, а вот Варг – его только глухой не услышал бы! Впрочем, на реке было довольно шумно – стучали топоры, визжали пилы, падали спиленные деревья. Сквозь рдеющий туман доносились веселые голоса.

– Эй, отойди, Яриле, не ровен час!

– Сам вижу, дядько.

Варг с Лютшей осторожно подкрались ближе, выглянули из кустов. Скопившиеся на том берегу люди сооружали плоты, на взгляд Лютши, действовали сноровисто и умело. Валили деревья с умом – так, что те ложились рядом друг с другом. Проворно обрубали сучья, вязали стволы лыком.

– Раз, два... – считал Варг. – Шесть, семь...

– Вон еще двое, в кустах.

– Десять, одиннадцать...

– И там, у самой воды.

– Пятнадцать.

– Пятнадцать, – тихо повторил проводник. – Однако много. Интересно, куда путь держат? В дальние погосты, видно. А зачем? А может, возвращаются по домам с торгов. Варг, ты когонибудь из них в Ладоге видел?

Варг отрицательно качнул головой. Ну, в самом деле, кого он мог видеть, ежели все дни напролет провел в дальней клетке корчмы Ермила Кобылы? Он, Вольф Маллеме, часто думал, что все это ему снится. Викинги, корабли с драконьими головами, древние города, леса, без конца и без края. А как отвратительно воняло в корчме, какой-то кислотной, впрочем, они все тут воняли, видно, не особо-то часто мылись. Казалось, вот зажмуриться сейчас поплотнее, потом резко открыть глаза – и увидишь обычную городскую улицу с автомобилями, автобусами, трамваем... И с полицейским комиссаром, похожим на старого сенбернара. Это ведь он сам, Вольф, попросил у Повелителя помощи! Вот тот ее и оказал, спрятал от правосудия, да так, что никто никогда не найдет. Самому бы выбраться хоть когда-нибудь, уж слишком здесь все отвратительно, мерзко, и этот поганый лес, и болото, и река в тумане, и комары... Ах, укусил-таки, зараза!

Варг хлопнул себя по шее, и Лютша тут же шикнул на него – ишь расшумелся.

– Думаю, это местные возвращаются с торго, – почесав затылок, шепнул проводник. – Нам с ними здесь делить нечего. Уходим.

– Постой-ка, – Варг присмотрелся. – А вон ту девчонку я точно видал в городе!

– Какую девчонку? – насторожился Лютша.

– Ту, что у самой воды.

– Точно видал?

– Клянусь!

Проводник задумался. Встав, отошел за сосну, походил кругами, снова прилег рядом с Варгом. Сказал тихо:

– До ночи останемся здесь. Посмотрим. Лейв про них все равно спросит.

Варг пожал плечами. Останемся так останемся – еще и лучше, честно говоря, устал уже таскаться по лесам да болотам. Днем решили поспать. По очереди, все равно делать особо нечего, только что на тот берег пялиться, так ведь и без того высмотрели уже почти все. Чего ж еще глядеть-то? Так, на всякий случай, присматривать. Кинули жребий – первым, набросав под сосну веток, улегся Лютша, предупредил.

– Как солнце дойдет до середины реки, разбудишь.

Варг кивнул, хотя и не понял половину фразы, да и не собирался понимать – дождался, когда проводник захрапит, и тоже уснул, подложив под голову руку. Чего зря время терять? Эти, за рекой, куда денутся?

А за рекой шла работа. Плоты рубили основательно, крепили на совесть. Дождливое лето выдалось, воды в реке много, не как раньше – бывало, переходили и вброд. Здесь вброд не перейдешь, утонешь, потому и трудились.

Утомившись, Ярл уселся на пень, вытер рукой пот, посмотрел на присевшего рядом приятеля, Овчара:

– Не пойму что-то, зачем нам два плота? Хватило б и одного, да и не такого большого. Много ль нас? Раз, два – и обчелся. Мигом бы переправились, еще к полудню.

Овчар молча пожал плечами. Найден объявил перерыв на отдых. Повалившийся на траву Михрйй засмеялся:

– Говорят, пару дней здесь простоим, точно.

– Это кто ж говорит?
– Никифор с Найденом, я случайно услышал. Ждать будем кого-то.
– Ждать? Ну и ну, – Ярил пожал плечами. – Чего ж тогда на болотине торопились?
– Не знаю, – Михря махнул рукой. – Может, искупаемся, а то руки-то все в смоле.
– У тебя не только руки в смоле, – усмехнулся Овчар. – А и нос, и шея, и плечи. Живот даже – и тот в смоле. Ты что, брюхом деревья валил?

Ярил засмеялся.

Найден с Никифором уселись на поваленный ствол, уточняли дальнейший путь. Малена спустилась к реке. Подняла подол рубахи повыше, вошла в воду – теплой оказалась водица, коричневато-прозрачной, ласковой. На середине протоки играла рыба, серебристые стайки мальков щекотали ноги. Девушка зашла за кусты, стянула рубаху, аккуратно набросив ее на ветки, вздохнула всей грудью и с шумом бросилась в воду. Накупавшись, вылезла, присела на бережку обсохнуть, подставила спину солнцу.

– Ой! – громко вскрикнули сзади.

Малена быстро обернулась и улыбнулась, увидев Найдена:

– Чего не купаешься?

– Поработаем ужо. После. – Сжав губы, он подошел ближе. – Что это у тебя на спине?

– Борич, – грустно усмехнулась Малена. – Его работа. – Она неожиданно зарделась. – Ну, чего смотришь? Отойди, оденусь.

Кивнув, Найден отошел в сторону.

– Ну, Борич, – с неожиданной злостью прошептал он. – Как возвращусь, держись, Огнищанин!

– Знаешь, Найдене, – подойдя сзади, тихо промолвила девушка, – я, когда купалась, чувствовала... Ну, будто бы с того берега смотрит кто-то, зыркает. Найден усмехнулся:

– Нету здесь никого. Чуть подале – там да, рыбаки, охотники – селищ много. А тут пока нету.

Малена пожала плечами:

– Ну, поблазнилось, значит.

– Поблазнилось. – Тиун кивнул, неожиданно для самого себя почувствовав, как хорошо ему сейчас здесь, в этом диком лесу, рядом с приблудившейся девушкой.

– Малена, – с улыбкой произнес он. – Какое красивое у тебя имя.

Ночь наступила внезапно – не заметили за работой, да после работы купались, потом сели обедать – вечерело уже, проглядывали в небе первые звезды. Над костром, в котелке, булькало аппетитное варево.

– Все ж таки, зачем нам два плота? – помешивая похлебку, шептал про себя Ярил. – Хотя оно, конечно, ежели кого-то ждем... Эй, ребята! – вскочив на пень, закричал он. – Хватит купаться, похлебка стынет!

– Где мы? – внезапно проснувшийся Варг схватил Лютшу за шиворот, сверкнул глазами. – Отвечай же!

Проводник испуганно захлопал ресницами, чувствуя, как подкатывает к горлу затаившийся в глубине души страх. Нет, даром он боялся этого ночного Варга, и куда девался по ночам обычно недотепистый парень, понимавший проводника с пятого на десятое? Этот, ночной, хорошо понимал всё. И приказывал, ничуть не сомневаясь, что имеет на это право.

– Ты хорошо сделал, что решил последить за ними, – глядя на костер, одобрительно кивнул Варг. – Их много?

– Пя... пятнадцать, – прошептал Лютша. – Мы ж вместе считали.

– Пятнадцать, – повторил Варг. – Немного. Но и не мало. Они из Альдегьюборга?

– Ты ж сам узнал одну!

– Разве? – Варг почесал затылок. Бритая голова его уже зарастала светлым пушком волос. Встав во весь рост, молодой варяг долго смотрел на костер, на маячившие в оранжевом пламени тени. Ноздри его раздувались по-волчьи.

– Я чувствую там что-то такое, – обернувшись, зло прошептал он. – Вернее – кого-то. Нужно подойти ближе. У тебя есть челн?

– Ну конечно же есть! Сколько можно... – Лютша осекся, увидев выражение лица Варга, его глаза, налитые лютой злобой.

– Готовь челнок, – обернувшись, приказал варяг. – Мы поплывем на тот берег.

Он быстро спустился следом, ловко уселся в челнок, махнул рукой:

– Гребите!

Лютша осторожно заработал коротким веслом, стараясь не поднимать брызг. Лодка ходко шла по гладкой воде реки, в глубине которой волновались желтые звезды. Несколько уверенных взмахов – и челн мягко ткнулся носом в песок чуть ниже по течению.

Варг напрягся, словно изготавившийся к прыжку волк:

– Жди здесь. Я сам посмотрю.

Сам так сам. Проводник лишь молча пожал плечами.

Ловко выпрыгнув из лодки, Варг исчез в кустах – ни одна веточка не хрустнула. Проводив его взглядом, Лютша покачал головой – ну и дела. Вздохнув, принялся ждать и незаметно погрузился в думы. Почти всю зиму он провел в отряде у варяга Лейва, прельстившись серебром и возможностью мести. А отомстить было кому! И Варнуве с Пашозера, и роду Верийла с Горелого ручья, и даже старому Конди, чей родич три лета назад отбил у Лютши невесту. С помощью Лейва, вернее, с помощью его воинов Лютша отомстил всем, и отомстил страшно. Нет теперь ни Варнувы с Пашозера, ни рода Верийла, исчез и род Конди. Не было больше врагов у Лютши, однако был страх. Да, он хотел отомстить, но не так страшно. Хотя... Как сладостно было втыкать рогатину в живот ненавистного врага, насиловать его дочерей и жен, о, ради этого стоило насладиться мезтью! И стоило жить, подчиняясь жестокосердному варягу Лейву, его непобедимым воинам и этому непонятному парню, Варгу. Ночному Варгу – теперь Лютша в мыслях своих называл его именно так – дневной Варг отличался от ночного, как луна от солнца. Задумавшись, весянин и не заметил, как челн отнесло вниз. Спихватился уже на излуине, схватил весло...

Варг уже дожидался его на берегу. Светало, и вот-вот первый луч солнца должен был окрасить верхушки деревьев.

– Ты чуть не подвел меня, – прыгая в лодку, злобно ощерился Варг. – И будешь наказан. Там, на берегу, я узнал двоих... Старых своих знакомцев. – Он усмехнулся. – Мы пойдем сейчас как можно быстрее, и славные воины Лейва встретят этих людей у Паши-реки. Лейв будет рад кое-кого увидеть. Гребите же, что сидишь?

Варг окинул проводника таким злобным взглядом, что тот физически ощутил резкий, хлесткий удар.

– Слушаюсь, господин, – берясь за весло, со страхом в голосе отозвался Лютша. Вырвавшийся из-за холма солнечный луч уперся в сосну, и Варг вдруг неожиданно схватился за голову и, застонав, упал на дно челна. Проводник в ужасе потянулся к нему... Варяг открыл глаза:

– Где это мы, Лютша? Как же долго я спал.

Спрятав челн, они быстро ушли, прихватив мешок, пропитанный кровью. В мешке этом перекачивались голова и сердце несчастного челядина Проксы. Скрывшись за деревьями, Варг с Лютшей обошли болотце и быстро зашагали к Паше-реке. Шедший впереди Лютша то и дело застывал, прислушивался. Места приближались людные, следовало быть осторожными.

А в это самое время, совсем с другой, западной, стороны, гремя железом, шли к Сяси-реке не знающие усталости воины.

Без усталости шагали и Варг с Лютшей. Не обращая внимания на комаров, ночевали в болотах, питаясь подстреленной птицей и ягодой-морошкой. Расстилались вокруг болотные топи, затем стало суше, появились холмы и кручи, еще немного, и за соснами заблестела река.

– Паша, – останавливаясь, показал рукой проводник. – Тут места людные.

Варг и без того видел, что людные. На самой излучине раскинулось большое селение в несколько усадеб, с оградой-тыном, колодцем и пашнями. Серебрились в солнечном свете крытые дранкой крыши, лаяли псы, мычали коровы, на середине реки покачивалось несколько небольших лодок.

– Обойдем, – решительно произнес Лютша. Этого – дневного – Варга он почему-то не боялся.

Прячась за деревьями и кустами, они быстро прошли по обрывистому берегу и, обогнув пастбище, едва не встретились с идущими к реке мужиками. Хорошо – заметили издали, упали в траву, спрятались. Ух, и травы же здесь были! Не травы – травы. Высотой почти до пояса, крепкие, духовитые, сочные. Не то чтобы зеленые, а скорее изжелта-голубые, разбавленные яркими пятнышками цветов – пурпурным иван-чаем, желтыми лютиками, нежно-голубыми васильками, розовым пахучим клевером. Лютша вздохнул полной грудью его сладковатый запах, выдернув из цветка пушок, пожевал – сладко! Дождавшись, когда мужики ушли, встали, немного прошли по дороге, потом все-таки свернули в лес – на открытом месте уж слишком опасно.

– Недалече уже и осталось, – обернулся Лютша. – К ночи ближе в селении челнок схитим, там их не стерегут, челноки-то, воровать некому. А пока...

– Постой-ка, парень, – неожиданно остановился Варг. – Смотри.

Лютша присмотрелся. Рядом, за деревьями, синело озеро, небольшое такое озерко, с песчаным дном и заросшими зеленым мхом берегами. В прозрачной воде отцветали кувшинки, словно в зеркале, отражались сосны, а прямо посередине озерка плавала дева.

– Русалка, – испуганно прошептал Лютша.

– Нет, не русалка, – облизывая губы, прошептал Варг. – Вон одежда-то на берегу. А ничего девка, сладкая. – Он не отрывал от купальщицы взгляда. – Хочешь такую?

– Нельзя, – проводник замотал головой. – Места здесь уж больно людные.

– Где людные? Здесь, в лесу? Нет, ты уж как хочешь, а я...

Лютша замолк, глядя на вылезшую из воды девушку. Высокая, белокожая, с крепкой налитой грудью и длинными рыжеватыми волосами, она и в самом деле чем-то напоминала русалку.

– Ммм, – Варг застонал, обернулся. – Давай, парень, а?

– Да потом всполошатся, ловить будут.

– Не всполошатся.

Варг приподнялся:

– Ты обходи слева, а я...

Как ни странно, проводник сейчас хорошо понимал его, да и странно было бы не понять. Они накинулись на девчонку, словно голодные волки на поросенка. Не дали и натянуть платье, повалили в мох, зажимая рот, тиская теплые груди.

– Я, я первый... – рычал Варг. – А ты держи, потом поменяемся... Ах, сучка!

Изловчившись, девчонка укусила его за руку, и Варг наотмашь ударил ее по лицу:

– Получи, змея! – Он снял пояс, оглянулся на Лютшу. – Вяжи, парень.

Девчонку связали, заткнули рот, чтоб не кричала...

Насиловали по очереди, несколько раз, не обращая внимания на жалящих оводов и слепней, все никак не могли насытиться.

Первым очнулся Лютша, обвел подозрительными глазами лес, сорвал с девичьей шеи бронзовое ожерелье с мелкими крапинками слюды, бросил в мешок, ухмыльнулся:

– Теперь уходим, и быстро!

– Подожди, – ухмыляясь, Варг достал нож.

Лютша широко раскрыл глаза:

– Да ведь найдут ее!

– А мы хорошо спрячем.

Он не смог убить несчастную с первого удара, не наловчился еще попадать в сердце, весь измазался в крови. Лютша, отобрав у напарника нож, одним ударом прекратил мучения жертвы. Обернулся:

– В озеро?

– Всплывет. Лучше туда, в ельник.

Закидав труп ветками, оба вымылись в озере и продолжили путь, больше не вспоминая об убитой. Дождавшись ночи, украли челнок и дальше поплыли вверх по реке, стараясь проходить побыстрее видневшиеся по берегам усадьбы. Ночной Варг тоже работал веслом, шепотом подгоняя Лютшу. Тот кивал, учащая темп, искоса посматривал на своего спутника, думал: а есть ли вообще разница между этим, ночным, и тем, дневным, Варгом, походя расправившимся с девушкой?

Лейв Копытная Лужа встретил их недоверчиво, попенял Лютше за опоздание, а Варг вообще не вызвал у него никакого интереса. Да тот и не пытался вызвать – улегся в тени у частокола и захрапел тут же, едва коснувшись головою травы.

– Чего его принесло к нам? – Лейв кивнул на спящего.

– Ночью, господине, узнаешь, – загадочно ответил Лютша.

Пожав плечами, Лейв ушел в дом – огромный, выстроенный из крепких бревен – и когда успели, вроде не так и давно тут? А вот поди ж ты, не теряли времени даром. Правда, на месте Лейва, чем дома строить, Лютша лучше частокол соорудил бы повыше, да поставил на тропках засеки-ловушки – мало ль кто забредет? Ничего этого не сделал Лейв, недоступностью тешился – и то сказать, лесища вокруг глухие, чуть от ворот отойдешь – можешь назад и не выйти. Ну, это с первого взгляда глушь. Лютша лучше, чем кто-либо другой здесь, знал – отдаленность эта кажущаяся. День пути лесом к востоку – Пашозеро, полдня на север – разрушенная шугозерская усадьба убитого старика Конди. На закат солнца идти – и Келагастов погост не так и далек будет. А что лес вокруг безлюдным кажется, так удивляться нечего – как раз здесь пересекались охотничьи угодья Пашозерских с Келагастовыми да с Конди. Не лезли друг к другу охотники, честь блюли. Нехорошее это дело – в чужие земли заходить с промыслом, вот и не заходили.

А Лейв, кроме как домину выстроив, никак не берегся. Частокол соорудил плохонький, одно название, от зверя лесного – и то не спасет, амбаришко, правда, выстроил – для награбленного добра. Не особо много этого добра у него и было. Зимой – да, шастал по лесам с дружиной, убивал, жег, грабил. К лету успокоился, поутих, без хозяйского-то пригляду. Зажирел еще больше – в двери проходил боком – к бражке прирастался, заматерел. Сам никуда и не ездил – воинов посылал, а уж те старались. Главное, осторожны были, хитры, уходили всегда вовремя, запутывали следы, как лисы. И пока милостивы были к ним жестокие северные боги.

К ночи ближе вернулась дружина с дальних погостов. Хвастали – погулеванили там на славу! Пожгли, пограбили, с собой привезли добра разного, в основном, конечно, меха – чего ж еще-то? Но и серебришком разжились изрядно – подвесками, ожерельями, поясами. Проснувшийся Варг краем уха слушал хвастовство воинов, многие из которых были норманнами, но встречались и славянского племени люди, и – как Лютша – местные.

Затянулось ночной синевой небо, заблестели звезды, завыли на луну волки где-то за ближним лесом. Выставленные, по обычаю викингов, часовые неторопливо прохаживались в

виду частокола, с нетерпением прислушиваясь к хмельным крикам, раздававшимся из дома, – пировали на славу. Еле дождавшись смены, живо побежали туда – не кончилась бы к утру брага! Один – приземистый рыжебородый мужик – аж упал, сердечный, на бегу споткнувшись. Тут же поднялся под смех остальных, поковылял к дому. За ним – и проснувшийся Варг. Войдя, сел в уголке неприметненько, пригасил сверкнувшие было глаза, вслушался.

– Хорошие были девки, – продолжал начатую историю какой-то вдрызг пьяный воин. – И мы с Иормом и Блексой...

Лейв не слушал его, шептался о чем-то со старым слугой, лысоголовым Гормом. Слушая хозяина, слуга время от времени кивал, затем вышел. Варг – за ним, к амбару. Подкрался неслышно, настиг, позвал злобным шепотом:

– Горм!

Слуга оглянулся. Пожал плечами, увидев незнакомого, пришедшего только сегодня с Лютшей-проводником парня.

– Горм! – повторил парень уже громче. Черные глаза его сверкнули яростью и гневом. – А ну, зови сюда Копытную Лужу, да побыстрее!

– Но...

– Еще слово, и я проткну тебе сердце вот этим ножом! – В свете звезд тускло блеснуло лезвие.

Горм скрылся в доме, и...

Целая толпа воинов, вооруженных кто чем, хлынула на двор с крыльца:

– А ну, кто тут хочет видеть вождя? Покажи-ка, Горм!

Рыжебородый угрожающе махнул над головою секирой. Оттолкнув его, вышедший из темноты Варг подошел к Лейву:

– Так-то ты ждешь меня, Копытная Лужа?

– Что? – Лейв остановился, лицо его внезапно побелело.

– Вижу, узнал, – ухмыльнулся друид. – Вели всем убраться.

Обернувшись, Копытная Лужа махнул рукою:

– Все в дом. Пир продолжается!

– Слава великому Лейву, щедрому на кольца и брагу! – собравшиеся во дворе воины, казалось, только и ждали этого указания. Миг – и никого уже вокруг не было, а из распахнутой двери послышалась веселая песня.

– О мой друид! – рухнул на колени протрезвевший Лейв. – Как долго я ждал тебя.

– Дождался, – сухо кивнул гость. – С восходом солнца... нет, еще до восхода... отправишь часть дружины... эээ... куда – спросишь у Лютши, он лучше объяснит.

– Сколько воинов отправить? – деловито поинтересовался Лейв.

– А сколько их всего осталось?

– Шесть десятков и один.

Друид помолчал:

– Думаю, десятка два вполне хватит. Пусть убьют всех, кого встретят, да не забудут принести головы.

– Принесут, мой друид. Не изволь сомневаться.

– Растут ли в округе дубы?

– Есть. Я покажу днем.

– Нет, – друид покачал головой, – сейчас. Только сейчас. Иль боишься заблудиться?

Лейв Копытная Лужа потупился. Варг зыркнул на него:

– Там, у частокола, возьмишь в траве мешок.

Кивнув, Лейв отошел в сторону и тут же появился с мешком, поморщился:

– Ух, и воняет же!

– То запах крови и смерти, – неожиданно улыбнулся друид. – Он возбуждает меня, как никакой другой. Идем же!

Пройдя лесом, они обогнули небольшое озеро, перешли вброд узкий холодный ручей и поднялись на невысокий холм, поросший молодыми дубками.

– Хорошо, – оценил Варг. – Вытащи из мешка голову и сердце... Это будет первая жертва. Первая жертва в новом капище, ибо, я смотрю, ты и не помыслил давно устроить таковое.

Лейв задрожал, словно лист на ветру, быстро исполнил приказание: воткнул в землю заостренный кол и насадил на него сердце и голову несчастного Проксы. Затем, одновременно с хозяином, упал на колени.

– О Кром Кройх! – возопил друид.

Два десятка воинов Лейва вышли в поход утром, еще до восхода. Впереди, как всегда, быстро шагал проводник Лютша, за ним – рыжебородый приземистый Лепсая, поставленный во главе похода, дальше шли два берсерка – воины-медведи Блекса и Йорм – потом уж и все остальные. Шли весело, не обращая внимания на комаров и мошек, предвкушали поживу, ну и, как-никак, развлечение.

– Лютша, а есть у них серебришко-то? – спрашивал по пути Лепсая.

Лютша оборачивался, пожимал плечами:

– А я-то почему знаю?

– А девки? – не отставал рыжебородый. – Девки есть у них?

– Одна есть вроде.

– Одна? – Лепсая вдруг захохотал. – Слышали, вой? Чур, я первый!

Пройдя меж болотами, к обеду вышли к порожистой Явосьме, перешли вброд, по камням, устроили передых у озера, напились, подкрепились лепешками и вяленым мясом. Дальше пошли вдоль реки, берегом, поторапливались – до темноты успеть бы к Паше-реке выйти.

Успели! Впереди, за холмом, заголубела речка. Воины заулыбались – быстро пришли, теперь бы еще сыскать тех, ради кого сюда и тащились.

– Сыщем, – усмехнулся Лютша. – Лодок у них кет, на плотках вверх по течению несподручно, значит, идут вдоль реки, волока иль брода никак не минуют. Там их и подождем. Только осторожней – места вокруг начинаются людные. Вели, Лепсая-воин, помолчать всем. Не смеялись чтоб, да оружием на ходу не звенели.

– Не учи, – обиделся Лепсая. – О том вой и так знают. Эй, ребята! Кто вякнет теперь – душу выну.

Обойдя несколько селений, воины Лепся оказались на излучине, у брода. Лютша тщательно осмотрелся вокруг и удовлетворенно кивнул:

– Не проходили еще. Ждем.

– Во-он в тех кусточках залягте, вой, – принялся распоряжаться Лепсая, рыжая борода его смешно тряслась. Проводник улыбнулся: и вправду – Ленс, что на языке приозерной веси означает «рыжий».

– Коровы! – приглушенно воскликнул вдруг один из воинов.

– Все в кусты! – зашипел Лепсая. – Пропускаем.

Спрятавшись за кустами, нидинги следили, как несколько отроков-пастушков перегоняют через реку стадо рыжеухих коров. Некоторые животные упирались, недовольно мыча, и тогда пастушки подгоняли их длинными бичами. В основном же стадо вошло в воду ровно – друг за другом.

– Погоняй, погоняй! – кричал один из пастухов – белоголовый, повыше и постарше других. – Посматривай. Да гони от омота ту, красную... По рогам, по рогам ей! Вот так. В следу-

ющий раз будет знать, как к омуту заворачивать, глупая. На берег, на берег их выгоняйте... Потом попьют, как выйдут.

Белоголовый пастушок выбрался на низкий берег первым, прошелся босиком по пыльной дороге с застывшими в глине следами копыт, пробежался до луга, едва не задевая затаившихся в кустах воинов.

Лепсай наложил на тетиву тяжелую боевую стрелу. Нельзя рисковать. Если отрок подбежит чуть ближе...

Отрок остановился на полпути, у березы, достав нож, срезал кору, закричал напарникам: – Сейчас, парни, туес сделаем! Ужо напьемся водицы!

Прихватив кору, вприпрыжку побежал обратно. Внимательно наблюдавший за ним Лепсай видел, как, поднявшись чуть выше, черпают пастушки сделанным из коры туесом незамутненную воду, как пьют, толкаются, поливают друг друга... Ага, вот и упустили туес, растяпы! Во-он, поплыл он, вынесся на быстрину белым, приметным издалика лебедем.

Махнув на уплывший туес рукой, пастушата сноровисто согнали разбредшихся по берегу коров в стадо и погнали его за холм, к селению.

– Повезло белоголовому, – убирая стрелу, прошептал Лепсай. – Чуть ближе подошел бы, и...

– Тогда всех бы пришлось, – обернулся Лютша.

Рыжебородый кивнул:

– Я и говорю – всех.

Выбравшись из кустов, он долго смотрел на удаляющееся стадо, до тех пор, пока последняя коровенка не скрылась за плоской вершиной поросшего редким лесом холма. Вечерело, солнце садилось далеко за рекою, за тем самым холмом, куда не так давно гнали пастухи стадо. Лепсай вдруг прислушался – где-то за рекой раздался шум.

– Они? – Он обернулся к Лютше.

– Сейчас посмотрю. – Весянин быстро взобрался на высокую раскидистую березу, ту самую, с которой срезал кору пастушок. Затаился среди ветвей, внимательно осматривая округу.

– Ну, что там? – нетерпеливо спросил Лепсай.

– Они, – слезая с дерева, кивнул Лютша. – Я узнал девчонку, монаха и длинного парня. Как есть, все пятнадцать.

– Что ж, – Лепсай обернулся к своим. – Повеселимся, парни? Предупреждаю, кто раньше времени убьет девку, получит от меня хорошего тумака!

– Да нечто мы такие дурни, дядько!

– То-то и оно, что дурни, – усмехнулся рыжебородый. – Знаю я вас. Ну, по местам все.

– Может, подождать ночи? – засомневался Лютша.

Лепсай бросил на него презрительный взгляд:

– Ночью они будут уже за холмом, а там, судя по коровам, селение, и весьма большое.

– Ну да...

– Так зачем нам лишние сложности? Споровим все по-тихому и быстро. Верно, вой?

– Верно, дядько Лепсай!

– Стрелами только не палите сразу. И так справимся.

Воины занимали указываемые Лепсаем места: за камнями, у березины, в кусточках. Человек восемь укрылись на том берегу, готовясь, ежели что, преградить дорогу тем, кто попытается спастись бегством. Приказано ведь убить всех. Все и будут убиты. Одни раньше, другие – чуть позже. И те, что погибнут в мучениях позже, позавидуют убитым сразу. Лепсай не собирался лишать своих воинов мелких радостей победителя. Девка! Это уже хорошо. Ну и так, попытать от души поверженного врага – тоже неплохое развлечение. Рыжебородый с удовольствием наблюдал, как маскируются его люди. Ни одна железка не звякнула! Одно удо-

вольствие на них смотреть, но, кажется, пора и самому спрятаться. Вытащив меч, Лепсяй пригнулся за камнем... И вовремя! Из-за деревьев показались люди. Молодые парни с пилами и топорами, монах в длинном смешном одеянии, девка... Девка... Из-за нее-то и не разрешил Лепсяй поражать идущих стрелами, из-за нее да из-за берсерков – те стрелки неважные, вдруг промахнутся? Какая ж тогда потеха?

Вот подошли уже к самой реке, ступили в воду. Лепсяй обернулся, махнул рукой своим – пора!

В воздухе пропела стрела, впиваясь ему в горло. Захрипев, Лепсяй откатился от камней, орошая сухую землю алой дымящейся кровью. Он умер почти сразу, не видел, как со всех сторон запели стрелы, поражая прячущихся в кустах воинов, как неведомо откуда возникли перед ними дружинники в кольчугах и блестящих шлемах, ведомые светлородым хевдингом в темно-голубом богатом плаще. Ничего этого уже не увидел Лепсяй, а вот его оставшиеся в живых воины, опомнившись, бросились в битву.

– Осторожнее, ярл! – выпрыгивая из реки на камни, предупредил Никифор. – Тут можно поскользнуться.

Сказал – и сам полетел обратно в реку, подняв туку брызг. Следом за ним из кустов прыгнули двое... Их удачно встретили копьями. Отвернувшись, Хельги-ярл отбил мечом острие рогадины, нацеленной ему в грудь. Хоть и хороша кольчуга, да все ж не стоит проверять ее надежность таким вот образом. Лучше отбить. Две стрелы, одна за другой, пропели возле самого уха. Кто-то стрелял из кустов, сзади. Ярл оглянулся – ага, вращая подобранным в пыли мечом, туда уже несутся через реку Ярл Зевота. Молодец. А это кто впереди? Полуголый, огромный, весь в пыли. Кусает свой щит! Берсерк! Этого нужно взять на себя – уж слишком опасен.

Вложив в ножны меч – что он против секиры берсерка? – Хельги схватил лежащее в пыли копье, парировал удар, отбив древко секиры. Тут же сам нанес ответный, тупым концом копья выбив сопернику глаз! Берсерк бешено завизжал, видно, не ожидал такого, да и чего ждать от берсерков? Тупые озлобленные существа, в бою впадающие в неистовство, непредсказуемые и опасные даже для своих. Прут напролом. Даже неинтересно с ними. Ярл снова отбил удар, а от следующего уклонился, опасаясь за целостность копья, слишком уж ретиво орудовал окрипевший берсерк секирой, словно деревья валил. Экий лесоруб, право! А ну-ка, так! Ярл резко отпрыгнул в сторону, заставив рычащего берсерка озираться по сторонам, моргая недоуменно уцелевшим глазом. Что, потерял добычу? А вот тебе! Резким ударом Хельги вонзил острие копья прямо в красную от напряжения шею берсерка. Завыв, тот повалился на землю. Ярла он больше не интересовал, куда интереснее были те двое, что бежали на него с мечами. Куда ж вы сразу оба, дурни? Ведь у левого совсем не будет места для замаха. Отметив про себя это, Хельги сосредоточил внимание на правом – кряжистом, волосатом, с яростно сверкающими глазами. Что, еще один берсерк? А не слишком ли их много в этом диком краю? Это наводит на вполне определенные мысли.

Х-хэк! Меч просвистел над головой вовремя присевшего ярла. А он неплохой воин, даже если и берсерк. Но левый-то, левый, так и пыжится, рычит что-то. Ну, размахнись же, давай! Хельги нарочно подставил грудь. И воин, стоявший слева, замахнулся... зацепив клинком толстую шею своего приятеля-берсерка. Так тому и надо, нидингу! Что, хрипишь? А вот тебе еще! Ярл сделал неожиданно длинный выпад, целя мечом в горло берсерка. Судя по воплю и фонтану хлынувшей крови, удар вполне достиг цели. Напарник убитого заволновался. Жидковат парень. Интересно, хоть кого-нибудь уже захватили в плен? А почему б не этого? Светлоголового, тонкошеюго, с оттопыренными ушами. Ловким ударом Хельги выбил у него из рук меч... Впрочем, кажется, тот и сам его с удовольствием выпустил. Пал на колени, прося пощады.

– Возьмите его, – обернулся ярл. Вытерев меч травой, убрал в ножны. Прошелся, оглядывая поле битвы. Дружинники уже подсчитывали трупы врагов, снося их в одно место, у самого брода.

– Шестнадцать убитых, ярл, – с улыбкой отрапортовал Ярил Зевота. – И несколько – исчезли.

– То есть как это – исчезли? – удивленно приподнял брови ярл.

– Утонули, видно, в реке, – бодро пояснил Ярил. – Но, может, и убегли.

– Чтоб их утащили тролли, – Хельги выругался. – Впрочем, если и убежали, невелика беда – раз напали, все равно уже про нас знали. А где пленный, тот, лопухий?

– Да леший его знает. Может, и зарубили невзначай.

– Ну, да пес с ним.

Пройдя вдоль реки вверх по течению, разбили лагерь. Дружинники ярла сноровисто вырубали колья – устраивали шалаши. Артельщики уже разложили костер. Зачерпнув из реки воду, бежал с котелком Михряй, весь такой довольный, прямо-таки светящийся, еще бы – в бою вел себя достойно, не трубил. Раненный в руку Овчар взял принесенный котелок здоровой рукой, повесил над костром, Ярил подкинул нарубленного сухостоя. Заклубился еле уловимый дымок, темные ночные кусты окрасились оранжевым светом. Невдалеке разложили еще один костер – дружинный, варили похлебку, смеясь, пересказывали друг другу эпизоды сражения:

– ...а я-то ему ка-ак промеж глаз, а он...

– ...бежит на меня, глазищи – во! Горят, как у совы. Ну, думаю...

– ...прямо в спину!

Ярл прислушивался, переодеваясь в разбитом для него шатре. Молодцы дружинники, не подвели, да и не зря взял с собой самых умелых. Пусть их не так много, но зато какие! Два десятка воинов повел с собой Хельги-ярл, когда, простившись со Снорри, повернул насад к правому берегу Волхова. Все вроде предусмотрел – и отъезд с толпами провожающих, и воинов выбрал лучших, и время – удачное, а вот всего в голове удержать не смог. К берегу причалив, дернулись за проводником – ан, нету! Не подумал об этом ярл, совсем из головы вылетело. И, как назло, Найдена отправил уже с Никифором, наказав ждать в известном месте. Сам-то его найдет теперь? Не нашел бы, если бы не вспомнил про Жердяя. Длинный костистый парень, такая сухостоина, на насаде отыскался, да сам же Хельги его туда и пристроил, только позабыл потом. А вот, когда надо – вспомнил. Места лесные Жердяй знал изрядно, уж куда лучше, чем ярл, хотя и тот при нужде мог бы и сам отряд повести, да лучше подстраховаться, чай, не зима – болотины кругом, трясины непроходимые. К месту Жердяй пристатился. Согласился сразу, только часть монет вперед попросил – передал родичу своему, Трофиму Онуче.

– Сбереги, – сказал, – дядько Трофиме.

Трофим усмехнулся в усы:

– Сберегу.

Остальные монетины зашил Жердяй в пояс, который и потерял сегодня в гуще битвы. Упал в реку пояс. Вот Жердяй и нырял полночи, всю-то реченьку излазив. Так и не нашел ничего, вернулся грустный.

– Что, зря ходил? – участливо спросила его Малена. – Ничего, не кручинься, князь еще раз заплатит.

– Ага, заплатит, как же! – Жердяй расстроено развел руками. – Дел у него больше нет, как растяпе всякому вдругорядь платить.

– А это кто с тобой? – Малена кивнула на стоявшего за Жердяем отрока. Высокого, бело-голового, с засунутым за пояс большим пастушьим кнутом.

Жердяй оглянулся:

– А, это Лашка, пастушок местный. Сильно он нам помог. Говорит, князь обещал куну.

– Вот, и ему куну, – притворно посетовал Ярл Зевота. – Так никаких кун не напасешься.
А что нам, сирым?

Малена расхоталась:

– Это ты-то сирый? Молчал бы уж про свои оболочки.

– Про какие оболочки? – под общий смех насторожился Ярл.

– Про монеты ромейские, – напомнила девушка. – Про которые ты вчерашнюю ночь хвастал.

– Я хвастал?!

– А то кто же?

– Цыть, князь идет!

Завидев идущего к костру ярла, все, встав, поклонились.

– Что за шум у вас? – подсаживаясь к огню, осведомился князь.

– Парень местный пришел, пастушонок.

– А... – Хельги с улыбкой посмотрел на пастушка. – Ну, иди же сюда, не бойся.

– А я и не боюсь. – Отрок смело взглянул на ярла.

– Здорово ты нам помог, не скрою. – Встав, Хельги положил руку на плечо пастушка. –

Коры, правда, мог бы и поменьше взять.

– Думал, не заметите.

– Да уж заметили. Как ты догадался, что там точно засада?

Пастушок вдруг засмеялся:

– Коровы.

– Что – коровы?

– Краснуха, корова наша, чужих издалека чует. Так упиралась у брода, еле в воду загнали.

– Ах, вот оно что...

– Ну, а потом присматривался. Заметил траву примятую, и следы чужие... ну, не наши, наши в такой обуви не ходят. После на холме спрятался, малых со стадом домой отправил.

– Молодец, – одобрительно кивнул Хельги. – Как звать-то тебя?

– Лашком.

Ярл вскинул брови:

– Что-то не похож ты на лентяя!

Пастушок пожал плечами:

– Так уж прозвали.

– О чем это они? – удивленно поинтересовался Ярл у Малены.

– «Лашк», – тихо повторила та. – То по-весьянски – ленивый

– Ну и ну, – покачал головою Ярл. – Это ж надо так парня назвать!

– Проси, Лашк, награду, – улыбнулся ярл. – Да не стесняйся. Куну, две?

Пастушонок покачал головой:

– Мне не надо кун.

– Да он, видно, корову хочет, ярл!

– И не корову... Возьми меня с собой, князь! Я хороший воин.

– С собой? – Хельги удивился. – Но что тебе в нашем деле?

На глаза отрока вдруг навернулись слезы:

– Сестрицу мою недавно убили. Страшно убили, опозорили. Хочу отомстить.

– Знаешь кому?

– Чужакам, тем, с которыми вы бились сегодня.

– Так они ж убиты!

– Все ли?

– Хороший вопрос. Что ж, будь по-твоему, Лашк. – Ярл посерьезнел. – Пойдешь впереди, с Жердяем. Он у нас провожатый.

Глаза отрока сверкнули.

– Клянусь, ты не пожалеешь о том, что взял меня, князь!

Покончив с похлебкой, разбрелись по шалашам – спать. Как водится, выставили сторожу со всех сторон – у реки, у холма и близ лесной опушки. С этими предосторожностями согласились все, даже Никифор.

– Признаю, Хельги-ярл, свою ошибку, – подошел он к шатру. – Думал, вряд ли нас поджидает подобное. Но как ты догадался?

– Я викинг, – просто ответил ярл. – К тому ж знаю, с чьими людьми имею дело. И... – Он усмехнулся. – И не боюсь показаться смешным и трусом. Если на пути имеется очень удобное место для засады – почему бы ей там не быть? Вот и подстелил соломки.

– Так вот зачем ты шептался с этим пастушком.

– Ну да. Я уговорил его подать нам знак, если заметит у брода что-либо подозрительное. Свернутая в туес береста подходит как нельзя лучше – и не вызывает подозрений, и хорошо заметна на темной воде.

– Ты очень предусмотрителен, ярл, – уходя, произнес Никифор. И добавил: – Совсем не так поступил бы обычный викинг. Совсем не так... И как вовремя ты предвидел эту засаду! Вот уж поистине, правы люди – Вещий! Чудны дела твои, Господи!

Глава 12

Фибула

*Часто волкам
Достаются трупы, —
Пали сыны
Граммара в битве.*

*Старшая Эдда.
Вторая песнь о Хельги, убийце Хундинга*

Июль-август 865 г. Шугозерье

Вот он, заяц! Ну, точно, его следы. Никуда теперь не денешься, серый. Дивьян осторожно раздвинул ветки – совсем рядом, за папоротниками, стоял на задних лапах ушастый, вполне упитанный зверек и лакомился вкусной корой яблони-дичка. Дивьян осторожно поднял лук, наложил тупую стрелу, чтоб не попортить шкурку – хоть и заячья, да все прибыток. Прицелился...

Вдруг что-то насторожило косого. Пошевелив ушами, он застыл как вкопанный, а потом, резко сорвавшись с места, исчез в густом подлеске. Пущенная отроком стрела ткнулась в дерево. Дивьян покраснел от обиды. Хорошо, Лада-чижа не видела, охотник называется, в зайца попасть не мог! Ну, серый... Да как же он догадался? Учутья не мог – Дивьян не дурак, подбирался с подветренной стороны, услышать – тем более, по мягкому мху отрок передвигался бесшумно. Может, почуял лису или волка? Хорошо бы лису, хотя, конечно, и рановато ее брать на мех, зимой надо. Волки? Отрок их не боялся, сейчас звери сытые, человека не тронут, много другой добычи найдется. Лось? Вот с кем встречаться не хотелось – если это место сохатый считает своим, вполне может забить копытами, удар у него ого-го, сильный! Дивьян прислушался – не хрустят ли кусты, раздвигаемые сильным лосиным телом? Нет, похоже, тихо. Все как обычно – жужжит шмель, пересвистываются в кустах птицы, где-то в отдалении стучит своим длинным носом дятел. Но что же... Чу! Отрок вздрогнул, прислушался... Показалось? Нет, точно: какие-то звуки, которых ну никак не должно быть в лесу. Стук... Так ведь – дятел. Нет, дятел не так стучит, поглуше, да и привычно, ни с кем не спутаешь. Этот звук – другой, звонкий. Вот, снова! В какой же стороне? Похоже, у Пильтяцких болот. Глухое место, правда, клюквы да морошки там много, да и черники-ягоды. А зимой – глухари с рябчиками. В этой земле заканчивались охотничьи угодья рода Конди, и, если в полдень встать лицом к солнцу, по левую руку будут земли кильмуйских родов, а чуть дальше – людей с Пашозера, по правую же руку – угодья Келагаста с Наволока, дальнего родича Конди. Очень дальнего, такого, что не прочь наложить лапу на чужие земли. Дивьян не очень-то доверял наволоцкому старосте. Тут, в здешних местах, границы меж угодьями весьма условны: вот, до Пильтяцкого болота – земли Конди, а там, за леском, – Кильмуйских, а на заход солнца – Келагаста. А чье болото? А леший его знает, ничье. Дальнее место, с какой стороны ни смотри – и наволоцким шагать далече, тем более – кильмуйским, а уж тем паче пашозерцам. Да и сам-то Дивьян сюда редко захаживал, хватало и поближе дичи да грибов с ягодами. Сегодня вот занес леший, встал пораньше – заозерные силки проверить – пусты. Чтоб не возвращаться, решил пройтись немного, до Журчащего ручья – Пал-ойя, а и не заметил, как ушел дальше, почти до Лепойя – ручья Горелого. В старые времена был тут сильный пожар, до сих пор остались проплешины, вот и прозвали ручей Горелым. Приятно было идти по утреннему холодку, а вот сейчас жарковато стало –

палит, палит солнышко. Да и пусть палит, надо ж хоть когда-то погреться, кезаку – июнь-месяц – дождливым выпал, да и начало июля. Ну, хоть сейчас, к елоку-августу, распогодилось.

Да, это от Пильтяцких болот звук! Дивьян подумал немного и решительно направился туда, с ходу перепрыгивая узкие холодные ручейки, полные вкусной форели. Взгляд юного охотника примечал по пути все – и форель в ручьях, и рябчиков, и чернику, и первые появившиеся грибы, и орешник – орехов в этом году много будет, надо бы наведаться ближе к осени. Звук повторился где-то впереди – словно кто-то ударял по дереву колотушкой. Отрок похвалил себя – значит, правильное направление выбрал. Состорожничал – нырнул в низину, в папоротники, так пробирался, хоть и длиннее было. И не напрасно! Только высунул нос из папоротников, как тут же увидел человека – растрепанного парня, длинного и худощеого, словно жердь. Парень, вооруженный короткой рогатиной и луком, сидел на поваленной ветром сосне и, время от времени вскакивая на вывороченные корни, настороженно осматривал округу, видно, караулил что-то.

Неслышно обойдя часового, Дивьян взобрался на раскидистую березу, выглянул, снова скрылся в густо-зеленой листве. Ага! Вот он – источник непонятного звука. Ну, конечно же, топор! Вырубка. Около десятка молодых парней валили лесины на бревна, сноровисто обрубали сучья, ошкуривали – тут же и ставили срубы. Работа шла споро – месяц-другой – и выстроят крепкую усадьбу, вон уж бревен-то заготовили – на частокол не хватит, а на избу – вполне. Но откуда они взялись здесь, в этих всегда безлюдных местах? Кильмуйские? Может быть, а скорее – Келагастовы! Ну да – кому же еще? Недаром точил наволоцкий староста зубы на чужие земли, вот – и года не прошло после гибели рода старого Конди, а Келагаст уже здесь, ставит усадьбы на дальних подступах. На следующее лето уже и к Шугозеру переберется, если не остановить. Да как остановишь? Подпалить их, что ли? Хорошая мысль. Дивьян нащупал в котомке огниво и трут. А пожалуй что и подпалить. Нечего по чужим землям хутора ставить! Хотя... с другой стороны, Пильтяцкое болото – один леший знает, чья земля. А может, это и не Келагастовы вовсе? Посмотреть еще? Тогда поближе надо пробраться, на березе-то сидя, мало чего увидишь, а услышишь и того меньше. Вон вроде подходящий овражек.

Дивьян осторожно спустился с дерева, спугнув с ближайшей сосны белок, кинулся в овраг, прополз, притаился. Осторожно высунув голову, увидел в отдалении, на опушке, шатер – разноцветный, с вышитыми узорами – молотками, секирами, лошадьми. Над пологом шатра змеились черные, изломанные зигзагами буквицы, очень похожие на те, что были вырезаны на старом пне у Среднего озера и на камне у болота Чистый Мох. Руны! Варяжские руны – именно так называла такие буквицы Лада-чижа. Дивьян чуть не вскрикнул. Так вот это, выходит, кто! Все не Келагастовы, а варяги! По рассказам – жестокие убийцы, может быть даже это они, а не колбеги вырезали этой зимой весь род старого Конди? Если так – дело плохо. Полог шатра вдруг распахнулся, и наружу выбрался молодой варяг в необычной темно-коричневой рубахе, узкой и длинной, вышитой блестящими в лучах солнца золочеными нитками. На поясе варяга висел меч в богато украшенных ножнах, с плеч ниспадал яркий густо-голубой плащ, окрашенный явно не голубикой. Солнце палило немилосердно, варяг – синеглазый, светловолосый, красивый, с небольшой, аккуратно подстриженной бородкой – сняв плащ, небрежно бросил его на папоротники. Отскочившая заколка-фибула, сверкнув в ярких лучах, укатилась в овраг. Дивьян протянул руку. Тяжелая, по-видимому золотая вещь, вся в рисунках, а посередине – две буквицы зигзагом, словно молнии. Сунув фибулу в заплечный мешок, отрок еще раз выглянул, заметив вышедших из лесу воинов в блестящих кольчугах – точно не Келагастовы! – и осторожно пополз назад, запоздало подумав: а нет ли здесь собак? Судя по всему, собак не было, иначе б давно уж залаяли. Беспрепятственно выбравшись из оврага, Дивьян обошел с запада прозрачное Пильтяцкое озеро и, выйдя лесом к Горелому ручью, направился вдоль него к дому. Кровь билась в его висках, а перед глазами кроваво туманилось страшное слово – «варяги». Безжалостные убийцы, грабители и насильники. Правда, к северу от Шугозерья

жили на реках и мирные варяги – вполне достойные люди, но эти, случайно встреченные у Пильтяцких болот, точно не были мирными! Зачем мирным людям столько оружия? И взгляд того высокого варяга, чья фибула, вовсе не был взглядом пахаря или охотника. Погруженный в свои думы, Дивьян перепрыгнул через ручей, выбирая дорогу посуше, и не заметил, как, забрав чуть правее, вторгся в Кильмуйские земли. А может, и заметил, да не придал значения – в конце концов, кто знает, чьи тут были земли у этого затерянного в дремучих лесах ручья?

Широкая, покрытая редкими кустами долина расстилалась до самого леса, темнеющего на юге острыми вершинами елей. К северу начинались холмы, заросшие орешником, березой и все той же елью. На вершине одного из холмов пряталось среди деревьев огороженное частоколом селенье. Не большое, но и не малое – с полдесятка изб, амбары, хлева, пашни. У подножия холма, за березняком, на розовом от клевера лугу мычали коровы, две речки стекались за холмами вместе: большая и малая Пяльицы, через обе были перекинута мостки, по мосткам шли по воду бабы. Ласковый, дувший от леса ветер шумел густыми кронами росших вокруг речек берез, покрывая темную воду рябью. На краю селения, в яме, несколько мужиков месили босыми ногами глину, чуть дальше, у оврага, заготавливали дранку на крышу – на околице уже высился сложенный из сосновых бревен сруб. Хорошую избу срубили родичи Змеяну – сыну старосты Ончипа. Стар был Ончип, да крепок: полный двор внуков да правнуков. Шестеро сыновей у старосты да три дочки на дальние погосты замуж повыданы. Старший сын – Змеян – тоже уже немолод, и как стало тесновато в просторной Ончиповой избе, решил отделиться Змеян, поговорил с отцом, тот подумал, почесал бороду, да и разрешил. А что? Ведь и в самом деле – тесно. Прошлый год всю весну таскал Змеян с детьми – взрослыми уже, здоровенного вида парнягами – камни: подложить под сруб. Земля сырая, холодная, нельзя прямо на нее ставить. Бревен натаскали быстро – вот он, лес-то, рядом. Ошкурили, сложили в «обло», законопатили серым болотным мхом, оставили на просых. Нынешней весной прорубили оконца: волоковое – дымное, да и так, для свету. Настлали пол из толстых досок, возвели крышу, принялись за очаг из круглых камней – для того и месили глину. Почитай, все уж и сделали, очаг вот остался да кровля – и можно жить-зимовать. Обычно хмурый, радовался Змеян, глядя на новую избу, улыбку довольную в бороду не прятал, все считал дни – еще немного, и можно будет приносить богам жертвы, чтоб крепко стоял дом, чтоб не завелась по углам гниль да чтоб не случилось пожара. Блеяла уже в старом хлеву приготовленная для жертвы козочка, белый петух гордо расхаживал по двору, по-хозяйски поглядывая на кур, не догадываясь, что и ему уготована та же участь – кровью своей оградить новый дом от всякого зла. Довольный ходил Змеян, посмотрел, как месят мужики глину, прошел к пастбищу – окинул коров хозяйским глазом, поднявшись в селенье, заглянул на конюшню.

– Что, батюшка, к осени новоселье справим? – обернулся к нему молодой темнобородый парень, средний сын Олельк.

– Ужо и справим. – Змеян усмехнулся в бороду. – Все попросторнее будет.

– И то, – кивнул Олельк, не так давно приведший в дом невесту – светлоокою деву из рода наволоцкого старосты Келагаста. Справная жена оказалась – и рукодельница, и не хвора, да и принесла уже двух детей Олельку, правда, пока только девок, ну да ничего, будет еще и сын, обязательно будет.

– Пойди-ка на кузню, – внимательно осматривая коней, промолвил Змеян. – Вон Серого-то перековать бы.

– Инда, и я так мыслю, – согласно кивнул Олельк. – Вчера еще подумывал было, да Муст-племяш упросил в лугах покататься.

– Вот пускай сам и перекует, хватит ему без дела у кузницы ошиваться!

– Да не без дела он, – Олельк защитил племянника. – Авдл-кузнец говорит, зело железное дело знает Муст!

Змеян ухмыльнулся:

– Ну, вот и поглядим, как знает.

Выйдя с конюшни, направился к кузнице, издалека уже увидел внука – юркого черноглазого парня с волосами как вороново крыло, потому и прозвали Муст – Черный.

– Эй, Муста, подь сюда!

– Иду, деда. – Отрок ловко перепрыгнул через стоявшую у кузницы телегу – чумазый, длиннорукий, тоненький, словно тростинка. Ветер растрепал его волосы, и Муст быстро пригладил их рукой. И в кого такой черный?

– Серого на конюшне возьми, перекуй. – Змеян внимательно посмотрел на парня. – Сможешь ли?

– Конечно, смогу! – заверил тот, не удержался, похвастал: – Я уж перековывал тут пару гнедых.

Змеян улыбнулся в бороду. Хороши удались внуки, а Муст из них – самый умелый, и кузнец, и быстр, как ветер, и плавает – лучше всех в селенье.

– Как подкуешь, скачи к речке – коня выкупай.

Круглое лицо Муста вспыхнуло радостью. Серый – не конь, ураган! И как же здорово будет пронестись на нем через все селенье, мимо пастбища, через поля, чтоб все видели, особенно Ивля с Собином – братцы троюродные, с которыми споря с десятков раз подряд переплывал под водой речку.

Улыбаясь, смотрел на внука Змеян, а тот переминался уже нетерпеливо с ноги на ногу, видно, готов был бежать за Серым.

Обернувшись, Змеян бросил взгляд на долину:

– Эвон, травищи-то ныне. Богатый покос. Как Серого поведешь купать, захватишь косцам квасу. Не забудь.

– Не забуду, – смешно наморщил нос Муст. – А правду говорят, в дальнем лесу трехголового гада видели?

– Врут, – засмеялся Змеян. – Ты не всем верь-то! Ну, что стоишь? Беги за Серым.

Миг – и только пятки сверкнули на месте, где только что стоял Муст.

А старый Змеян все смотрел на долину, не зная, что с другой стороны ее, из-за сумрачных елей дальнего леса, так же пристально вглядывается в селенье молодой злобнолицый варяг Лейв по прозвищу Копытная Лужа.

Отряд воинов в шлемах, кольчугах и кожаных, с металлическими бляхами, панцирях ожидал одного лишь его слова. Лейв медлил, размышляя – все ли предусмотрел, ведь если что-то пройдет не так, друид затаит злобу. Конечно, хорошо, что Хозяин Дирмунд может являться в теле пришельца только по ночам, однако тем строже он спрашивает с Лейва за все, что происходило днем. Копытная Лужа поежился, вспомнив, как шипел на него друид, узнав о провале засады. Тогда он чуть не поседел от одного взгляда Хозяина, ну и глаза у того были! Не хотелось бы вновь испытать такое. А для этого необходимо было думать. Хоть и туповат был Копытная Лужа, однако ж ума хватало слушать чужие советы, потому, может, и жив был до сих пор, в отличие от многих других, куда более умных. Вот и сейчас Лейв внимательно оглядывал округу. Ждал сигнала от Вельмунда с дальних холмов. Молодой варяг всмотрелся. Ага! Вроде бы что-то блеснуло. Договорились, что Вельмунд подаст сигнал ярко начищенным серебряным блюдом, а когда окружит деревню с севера, сверкнет еще несколько раз. Хитрость эту придумал Дирмунд, сам бы Лейв вовек до такого не додумался. Да и не мыслитель он – исполнитель. Исполнитель... Лейв вздохнул. За исполнение своего плана друид спросит строго. Не хотелось бы подводить его, действовать нужно тщательней, не торопиться.

– Знак, воевода Лейв, – кивнул на вспышки Лютша, один из тех троих, кто рассказал о провале засады. Дирмунд хотел было примерно казнить всю троицу, да почему-то раздумал.

Может, решил – пусть лучше проявят себя в деле? Вот Лютша и проявлял, как и те двое, что были сейчас с Вельмундом.

– Пора, – кивнул Копытная Лужа. – Ты, Лютша, возьми воинов. Незаметно подкрадетесь к селению с берега реки, там могут быть рыбаки – смотрите, чтоб ни один не ушел. Вельмунд возьмет на себя тех, что на пашне, косцы же – наши. Как раз по пути. Ну, все готовы?

– Готовы!

– Ну, да поможет нам Тор!

Словно юркие змеи, скрылись в густой траве воины, ведомые Лютшей. Душа молодого мерянина пела – еще бы, впервые ему поручили командовать! Теперь только бы не подвести, и тогда... тогда награда не заставит себя ждать, воевода Лейв умел, когда надо, быть щедрым.

О, если б только скупой по природе Лейв мог слышать его мысли! Возгордился бы, никак не иначе. Еще бы – «щедрый на кольца» – так теперь могли бы спеть скальды и про него, Лейва Копытную Лужу.

Дождавшись, когда Лютша с воинами скрылся из вида, Лейв выждал еще немного и махнул рукой. Личная двадцатка преданных тяжеловооруженных воинов вышла из лесу и, прячась за кустарником, направилась к холмам. Шли не торопясь, берегли силы – они еще пригодятся в сражении, – да и отряду Лютши необходимо дать время для действий. Друид сказал – никто не должен уйти. Никто и не уйдет, слишком тщательно все было спланировано.

Прошуршав в сухой траве змеями, ведомые мерянином воины выбрались к реке – неширокой, с черной торфяной водою. На середине реки двое парней, сидя в долбленом челне, вытаскивали сети. Спрятавшийся за кустом Лютша махнул рукою. Лучшие стрелки подползли ближе, натянули тетиву луков. Миг – и пропели стрелы, каждая из которых нашла свою цель. Было двое парней – стало два трупа с торчащим из груди опереньем. Черная вода реки окрасилась кровью. Ни звука не издали бедняги, погибли одновременно, не почувствовав даже, что с ними. Лютша довольно улыбнулся, кивнул головой. Двое воинов быстро скинули кольца, зашли в реку, оттащили к прибрежным кустам лодку с убитыми. И только ветер теперь играл речной рябью, словно и не было здесь никого. А воины поползли берегом дальше. Вот и мостки. Две женщины, утомившись, присели на тяжелые деревянные ведра. У одной плотно подогнанные бруски были стянуты лыком, у другой – сплетенными прутьями ивы.

– А лыковые-то обручи лучше, – похвалилась одна баба другой.

Пропели стрелы...

Воины Лейва – молодые проворные парни – едва успели утащить мертвых женщин в кусты, как сверху, с холма, послышался стук копыт. Вихрем промчался по мостику черноволосый парень на сером поджаром коне, мелькнул молнией – не успели и выделить.

– Леший с ним, – махнул рукой Лютша. – Идем дальше!

А черноголовый Муст, пьяный от счастья, скакал вперед, отдавшись воле коня и ветра. Что-то не так было на мостике, неправильно что-то... Парень вспомнил об этом, уже подъезжая к покосу. А, ведра. Четыре полных ведра стояли на мостике, а где ж были женщины? Купались? Да нет, их было бы видно. Ну да ладно, выясним на обратном пути.

Спрыгнув с коня, отрок скинул с плеч котомку с большим, плетеным из лыка жбаном:

– Квасок вам, косари.

– Вот хорошо-то! Холодный?

– С погребца! Змеян прислал.

Косари, утирая пот, расселись под липами, шумно пили, бережно передавая жбан друг другу. Тут были почти все мужчины селения, кроме кузнеца с помощником – Мустом – и тех, что помогал достраивать избу. Да двое ребят с утра отпросились у старосты проверить на челне сети.

– Хорошее солнце, – посмотрев на небо, прищурился один из косарей – длиннородый мужик, небольшого роста, но приземистый, широкий, словно сундук, с сильными мускулистыми руками. – Постояло б ведро – за неделю покос бы закончили.

– Да, не пошли бы дожди, – поддержали его другие.

Надоевшие за прошедший месяц дожди косари не ругали, боялись осложнить отношения с дождевыми духами, уж больно те обидчивы, услышат нехорошие слова в свой адрес, рассердятся, зальют землю водою.

Нет уж, лучше жить мирно.

– Осталось еще в баклаге? – облокотившись на липу, спросил молодой парень.

Кто-то протянул ему жбан:

– На, Бажьян, пей.

Бажьян задрал голову, на худом горле заходил кадык... тут же пронзенный стрелой!

– Что такое, робята?!

А стрелы свистели уже всюду, не давая пощады! Мало того – выскочили из-за лип одетые в кольчуги воины в остроконечных, надвинутых на глаза шлемах. Их мечи быстро окрасились кровью. Не ожидавшие нападения косари бестолково бегали по лугу, мешая друг другу – они были хорошей мишенью. Те же, что пытались оказать сопротивление косами, становились легкой добычей мечей и копий. Впрочем, нет, приземистый мужик все ж таки успел зацепить косой одного из чужаков – словно подкошенный серпом сноп, тот рухнул в траву... а мужик уже оцетинился стрелами, словно еж, и, падая, закричал Мусту:

– В деревню! Гони в деревню... Гони...

Муст наконец добрался до коня, вскочил. Серый, заржав, встал на дыбы, затем стремительно помчался прочь. Низко пригнувшись к гриве, отрок слышал, как засвистели над самой головой стрелы. Ничего, выбрался! Вот уже и мостик, и ведра. Муст выпрямился, подогнал коня, оглянулся... И почувствовал дикую боль в правом боку, чуть ниже лопатки. Пощупал рукой – стрела! Еще две стрелы, пущенные от мостков, пронзили широкую грудь Серого. Конь захрипел, заваливаясь набок, и всадник, кубарем прокатившись по мостику, подняв тучу брызг, упал в реку.

– Молодец, – похвалил меткого стрелка Лютша. – Воевода будет доволен нами.

Змеян с Олельком и мужиками не смогли и опомниться, как вся деревня была заполнена вооруженными до зубов чужаками. Они шли отовсюду – от ручья, с покоса, от пастбища, даже с дальних полей, неотвратимые, как смерть. Да эти злобные, не знавшие пощады воины и были смертью. Убивали всех, кто попадался на пути. Схватившийся за оглоблю Олельк был пронзен стрелами, кузницу сожгли вместе с кузнецом, а на сруб водрузили длинный шест с отрубленной головой Змеяна. Шест покачивался на ветру, и глаза старосты строго смотрели на творившиеся вокруг злодеяния. Крики раненых, мычанье скота и визг насилуемых женщин – все стихло к полудню. Лишь кое-где воины Лейва добивали еще живых да по очереди развлекались с обреченными на смерть девами. Для вожака же, зная его вкусы, закрыли в сарае двух связанных мальчиков. Солнце, палящее июльское солнце, все так же стояло над головами, освещая луга, лес и трупы.

– Хорошо! – Выйдя из сарая, Копытная Лужа обтер об траву дымящийся свежей кровью кинжал. Обернулся к подошедшему Вельмунду: – Никто не ушел?

Тот горделиво кивнул седеющей головой.

– А у тебя, Лютша? – Лейв подозрительно посмотрел на мерянина.

– Ни один, – поспешно заверил тот.

– Разве? А тот парень, что свалился с коня в воду?

– Двое воинов ныряли за ним, вождь.

– И что?

– Тело унесло в омут.

– Что ж, пусть так, – кивнул Лейв. Глаза его сияли от удовольствия, лоснились щеки, а походка сделалась медленной, важной. Он имел право гордиться собой – порученное ему задание выполнено без сучка и задоринки, будет о чем доложить Повелителю.

– Собираемся, – приказал Лейв. – С собой брать мясо и лошадей. Кстати, Лютша, я что-то не видел близ селения метки богов?

– Плохо смотрел, вождь, – улыбнулся мерянин. – Во-он, видишь ту сосну на холме?

– Где стога?

– Да. Там и метка. Руна «Т» – как нужно богам.

– Устройте там схрон, – распорядился Лейв.

– Сделаем, как прикажешь, вождь.

Нагруженные добычей победители возвращались в лес. Спустившись с холма, они перешли по мосткам речку и пошли дальше лугом, где кружились над трупами косцов жирные зеленые мухи.

Солнце уже скрылось за стволами деревьев, когда Дивьян, встав с мягкого мха, потянулся, проверяя, на месте ли добыча – пара подстреленных уток да заяц. Умаялся за утро, вот и решил отдохнуть, улегся на берегу ручья, укрывшись от палящих лучей под орешником. Выспался и теперь готов был идти дальше. Пора было возвращаться. Хотя если б попалась еще какая-нибудь достойная внимания дичь, можно было б и погодить, заночевав в лесу, а вернуться домой лишь утром, как иногда и поступал Дивьян, если была к тому охота. А может, и вправду погодить с возвращением? Коли уж оказался здесь, так пойти дальше, проверить старые уголья у реки Черной, а что – давно уже в той стороне не был. Так, видно, и нужно сделать. Правда, придется переправиться через Пашу-реку, а есть ли в тех местах сейчас брод? Ведь первая половина лета стояла дождливой, эта теперь вот жарит. Ну, в крайнем случае можно переправиться вплавь, не особо-то и широка речка, да и вода сейчас теплая, искупаться – одно удовольствие. Дивьян вдруг покраснел, вспомнив купавшуюся в озере Ладу, сестрицу-Ладу – Ладу-чижу, как он ее называл. Какая она все-таки красивая, Лада, какая гладкая у нее кожа, а грудь... Отрок покраснел еще гуще, подумал, что пора бы уже на следующий год подыскивать себе жену. Да и Ладу-чижу выдать замуж неплохо бы. Приданого, чай, хватит, зря, что ль, охотились оба всю зиму. Настреляли и куниц, и белок, и лис – хватит меха купцам! Размечтавшись, Дивьян и не заметил, как дошел до реки, сильно забрав вправо, – да и как иначе выйдешь к старым угольям? Темнело уже, но не так, чтобы очень, хотя и близилась ночь. И солнце скрылось, оставив на память о себе лишь золотисто-оранжевые лучи, бьющие в край неба. Никаких облаков там видно не было – знать, и завтра день выдастся славный. Спустившись к реке, отрок принялся выбирать место для переправы – как он и предполагал, вода стояла высоко, и брод был затоплен. Вырубив ножом несколько ольховых палок, Дивьян соорудил из них небольшой плот для одежды и добычи, разделся и, толкая перед собой плот, вошел в реку. Вода оказалась теплой, приятной, сделав несколько шагов, отрок оттолкнулся ногами от дна, поплыл, в несколько взмахов рук достигнув противоположного берега. Вытащил плот на песок, подумал: а не искупаться ли еще? Обернулся... И тут увидел челн. Он выплыл из-за излучины, ткнулся носом в камень, развернутый течением поплыл дальше, так же безалаберно, как и раньше. Видно, унесло лодку течением у кильмуйских разъяв, привязывать надо! Однако... Дивьян присмотрелся. Челнок явно не был пустым! Какой-то мешок лежал на самом дне. Интересно... Не раздумывая больше, отрок бросился в воду и, заглянув в челнок, вскрикнул от неожиданности. То, что издали виделось мешком, оказалось вблизи человеком. Молодым парнем, по виду – чуть младше самого Дивьяна. Парень лежал на дне навзничь, из-под правой лопатки его торчал обломок стрелы. Жив ли он?! Забравшись в челн, Дивьян осторожно перевернул незнакомца – тот застонал. Жив! Схватив весло, весянин быстро погнал челн к берегу, высматри-

вая место, где только что оставил плот. Ага, вот оно, меж камней. Выскочив на песок, Дивьян вытащил за собой челн. Осторожно перенес раненого на траву, положил на бок и принялся осматривать рану. Уже стемнело, и было мало что видно. Насобирав сухих веток, отрок разжег костер, и в его дрожащем свете тронул торчащую из спины незнакомого парня стрелу. Тот застонал, дернулся и вдруг отчетливо произнес:

– Больно.

– Кто ты? – воскликнул Дивьян. – Откуда?

– А... а ты? – видно было, что слова давались раненому с трудом.

– Я Дивьян, с Шугозера, из рода Конди.

– Свой... – незнакомец слабо улыбнулся. – А я Муст... из Кильму... – Застонав, он потерял сознание.

– Муст, – тихо повторил отрок, усмехнулся, посмотрев на черные волосы парня. – И вправду – черный. Ничего, потерпи немного, если рана невелика – выживешь, если ж глубокая... что ж... Мне тебе ничем не помочь.

Дивьян вытащил из мешка глухаря, быстро обципал, насадил на острую палку, закрутил над углями, вытапливая жир и собирая его в скрученную бересту. Перевернув раненого на живот, осторожно разорвал на спине рубаху, капнул жиром на рану... Тот снова дернулся – значит, еще жив. Дивьян снова попытался вытащить стрелу, та не вытаскивалась, видно, крепко застряла. Вздохнув, отрок вытащил нож и, раздув пламя костра, накалил его до красноты.

– Потерпи, друг, – тихо сказал он, осторожно вонзая лезвие в рану.

Муст, страшно закричав, изогнулся дугой, выпучив глаза от нестерпимой боли.

– Терпи... Терпи... – приговаривал отрок. Закусив губу, он резал ножом по живому мясу.

Муст вдруг еще раз сильно выгнулся и затих – то ли умер, то ли потерял сознание от боли. Дивьян пригнулся – нет, вроде дышит.

– Не умирай, пожалуйста, – жалобно попросил он. – Видишь, как я с тобой долго вожусь. Осталось совсем немного. Ага... Вот, кажется, и наконечник... А ну-ка...

Резкий рывок – и окровавленный обломок стрелы с раздвоенным наконечником оказался в руках самозванного лекаря.

– Ну, вот и все, – Дивьян вытер рукавом пот со лба. – Теперь – либо выживешь, либо умрешь... Сейчас еще жирку капнуть, а завтра – травами... Да не дергайся ты так... Вот, хорошо. Спи теперь. Да не стони, спи. Я и сам посплю, если смогу только. Это хорошо, что у тебя челн, очень хорошо. В челне-то мы с тобой быстро доберемся!

К утру Муст выглядел хуже некуда, весь какой-то изжелта-бледный, бескровный, больше похожий на труп, нежели на живого человека. Тяжело дыша, лежал молча, лишь иногда чуть постанывал, искоса поглядывая на Дивьяна. А тот, быстро закинув в челнок добычу и пожив на дно мягких веток, осторожно перенес туда раненого и, усевшись на корме, заработал веслом. В левый глаз ему светило утреннее нежное солнце, вокруг было хорошо – не жарко и не прохладно, как бывает в здешних местах очень и очень редко. Дивьян улыбался. Плыть по высокой воде – одно удовольствие, лишь иногда приходилось огибать замшелые камни, да пару раз стаскивать челнок с мели. До цели добрались быстро – вон уже и показалась на излучине знакомая береза, мостки... Причалив, отрок крепко привязал челн с раненым Мустом к мостику, махнул рукой:

– Ну, коли не умер – жди, парень! Одному мне тебя не утащить, схожу позову сестрицу. Донесем тебя до озера, там лодка... Ты жди, не помирай, слышишь? – Дивьян улыбнулся.

Улыбнулся и Муст, только слабо, однако в улыбке его, наряду с болью, сквозила теперь и надежда.

Ладислава потрошила только что пойманную рыбу – с десяток больших форелин, шуку и окуней – когда услышала вдруг с берега озера отдаленный крик названного братца. Выскочила к мосткам – и где его носило всю ночь?

- Иди ко мне-е-е, Лада-чижа! – увидев ее, закричал тот. – Человека понесем.
- Какого еще человека? – нахмурилась Ладислава.
- Уви-и-идишь. Посконинухвати.

Прихватив с собой, как и было велено, кусок грубой ткани, девушка проворно прыгнула в лодку. Названный братец ждал ее на том берегу, нетерпеливо прохаживаясь меж кустами. Протянув руки, нагнулся, помог вытащить лодку.

- Посконину не забыла?
- Да вон, – Ладислава кивнула, вытащив ткань, вскинула глаза. – А это еще что за колья?
- Так я ж и говорю – человека потащим. Посконину к палкам привяжем – легко нести будет.

- Откель человек-то?
- Кильмуйский. – Дивьян посмурнел ликом. – Боюсь, неладно там.
- А сам он идти не может?
- Ранен. Стрелу едва вытащил.
- Так что ж ты раньше молчал! – ахнула Ладислава. – Бежим!

Они быстро пробежали мимо осин, мимо березовой рощи и, обогнув небольшой холм, спустились на песчаный берег.

- Вон он, челн!
- Да вижу... Ой, этот, что ли, твой человек?
- Он.
- Ну, такого донесем быстро. Не переживай, парень, копь не помер, так вылечим!

Она весело подмигнула черноголовому Мусту. Тот улыбнулся в ответ и почему-то заплакал.

Лишь через три дня раненый пришел в себя настолько, что смог внятно рассказать о нападении на свой род.

– Говоришь, в кольчугах, в шлемах с остриями? – время от времени переспрашивал Дивьян. – А главный кто?

- Да не видел я главного. Говорю – улетел с коня в реку. Еле потом выплыл.
- А еще что помнишь?

– Да стрелы одни. Я не особо-то и разглядел воинов. Помню только, что в кольчугах, с мечами... да, у некоторых бороды в косички заплетены.

– В косички? – переспросила Ладислава. – Кажется, я догадываюсь, кто они... А щиты, щиты какие?

- Круглые. Червлёные, с медными обручами.

– Я знаю, кто напал на ваш род, Муст, – нахмурясь, произнес Дивьян. Глаза его метали искры. – К знаю, где их искать, и я найду их, прежде чем они придут сюда!

- Придут сюда? – вздрогнула Ладислава.

– Обязательно придут, Лада-чижа. Рано или поздно. Как пришли к роду Муста и как зимой приходили к нам. Теперь я знаю, кому отомстить за смерть моего рода! Тем же, кто убил и твоих, Муст. Я отомщу им!

- Один?

Дивьян усмехнулся:

– Убью главного, а затем мы уйдем – спрячемся у Черных болот, там места безлюдные, глухие. Сто лет будут искать, не найдут.

- Но здесь же нашли! И род Муста...

– То другое дело, – возразил отрок. – Мы на реке – чего нас искать, издалека видно. А попробуй-ка отыщи в болотах!

Раненый Муст дернулся:

– Я пойду с тобой.

– Ты ранен, – улыбнулся ему Дивьян. – И помни, у тебя, как только оправишься, есть неотложное дело, кроме мести.

– Какое же?

– Похоронить родичей, – сурово пояснил отрок, и Муст крепко сжал зубы.

– Я пойду с тобой! – Ладислава схватила брата за локоть.

Дивьян мотнул головой:

– Нет. Есть кому мстить и без женщин. Тем более – это мой род!

– Но теперь – и мой! – возразила девушка.

– Нет, – еще раз покачал головой отрок. – Ждите меня с Мустом, он пока нуждается в защите. Ты знаешь, Лада-чижа, я проворен и ловок, и к тому я хорошо пользуюсь луком. Я убью их главного, вгоню ему в сердце стрелу – и пусть потом ищут, кто это сделал. Ну, а найдут – я буду знать, что мои убитые родичи не остались неотомщенными. Я все сказал. – Дивьян по-мужски важно наклонил голову и вышел.

Ладислава выскочила вслед за ним, проводить. Дошла до самых мостков, отвязала лодку, понимала – от такого дела мужчину не удержишь. Наклонилась к севшему в лодку Дивьяну и крепко поцеловала в губы:

– Брат мой, я буду молить за тебя всех богов, которых знаю. Пусть дорога твоя будет гладкой.

Отрок поднял глаза, улыбнулся:

– Не кручинься, Лада-чижа. Я скоро вернусь, вот увидишь... – Он поправил за спиной тяжелый, клеенный из лосиных рогов лук. Уже хватало силенок, чтоб натянуть.

– Да, чуть не забыл, – отчалив от берега, обернулся Дивьян. – Там, в моем старом мешке, застежка, что оторвалась от плаща врага. Кажется, золотая...

Ничего не ответив, Ладислава глядела ему вслед до тех пор, пока маленькая фигурка на том берегу не скрылась за деревьями. Вздохнув, она вернулась в дом, раздула в очаге огонь – приготовить раненому целебное варево. А есть ли нужная трава? Девушка заглянула в сундук – ага, вот она. Взяла с лавки старый мешок Дивьяна, сунула не глядя в сундук... что-то глухо стукнуло. А, братец говорил о какой-то застежке... Развязав мешок, Ладислава вытащила из него изящную овальную фибулу, по виду – и в самом деле золотую. Чтоб лучше разглядеть, поднесла застежку к огню... и вздрогнула, увидев начертанные на ней знакомые зигзагообразные руны. Вспомнила: «Сиг» – руны победы. Коли ты к ней стремишься, вырежи их на меча рукояти... Это были руны Хельги-ярла!

Глава 13

Встреча

*Дева любила
меня одного,
но Гуннару я
не нанес уцерб...*

Старшая Эдда. Краткая песнь о Сигурде

Июль-август 865 г. Шугозерье

Хельги подошел к низкому берегу озера, нагнулся к воде, умылся, прислушался. Со стороны леса слышались веселые крики – закончив на сегодня работу, молодежь затеяла прыгать через костер. Как водится, подначивали Михрю – слабо, мол.

– А и прыгну! – выпячивая впалую грудь, хорохорился тот. – Только вы хвороста больше не бросайте.

– Давай, давай, Михряй, прыгай, – подзадоривал парня Ярл Зевота. – Малена тогда тебя поцелует – обещала.

Отрок оживился:

– Правда обещала?

– Правда, правда, – закивал головой Овчар. – Чего стоишь? Разбегайся.

– Не слушай их, Михря, – Малена незаметно подошла к ребятам. – Врут они все. Ничего я такого не обещала. – Она повернулась к Ярилу с Овчаром. – И не стыдно вам над малым тешиться?

– Да ладно, – замахал руками Ярл. – Шутим мы. А ты, Михря, коли не хочешь прыгать, так скажи прямо!

– Нет, прыгну.

– Не вздумай, обожжешься только.

Неподалеку, за ореховыми кустами, негромко молился Никифор, время от времени бросая неодобрительные взгляды на расшалившуюся молодежь. Ишь разложили кострище, огонь – чуть не до неба. Теперь вот прыгать через него собрались, бесов тешить. Ну, что с них взять – язычники. Пожав плечами, Никифор закончил молиться и обернулся на чьи-то шаги:

– Ходил к озеру, ярл?

Кивнув, Хельги посмотрел на закатное солнце.

– Не видал ли ты Найдена, Никифор? – Ярл перевел взгляд на монаха.

– Пошел к ручью с Маленой, – задумчиво ответил тот. – Девчонка, правда, уже вернулась, а Найдена что-то не видно. Кажется, где-то в той стороне носят черти и приبلудного парня с белыми волосами.

– Ты говоришь о Лашке? – уточнил Хельги. Монах кивнул.

Ярл улыбнулся:

– Не устаю поражаться твоей наблюдательности, друг Никифор! Удивительно, ты вечно в стороне от других, но всегда все знаешь – где, кто и с кем.

Никифор смущенно закашлялся – похвала ярла была ему приятна.

– Просто я умею слушать. – Он пожал плечами и искоса взглянул на Хельги. – Думаю, ты не зря пришел сюда.

Ярл рассмеялся:

– Верно думаешь. Не хочешь ли немного прогуляться с утра? Прихватим с собой Найдена с Лашком, дойдем до реки, так, посмотрим.

Согласно кивнув, монах усмехнулся – «немного прогуляться» на языке ярла означало тащиться неизвестно куда неизвестно зачем. Впрочем, «зачем», наверное, известно – ведь не зря Хельги взял с собой сюда лучшую часть дружины. Пусть небольшую, но преданную. И недавнее нападение у брода явно не было случайностью.

Ярл тоже вспомнил тот случай:

– Не могу понять, почему все они оказались убитыми?

– Ты имеешь в виду врагов? – поднял глаза морах. – Просто наши сражались лучше, иначе все было бы наоборот.

– Нет, друг мой, – Хельги досадливо помотал головой. – Мы должны были захватить хоть кого-нибудь в плен и потолковать с ним, бились они ни шатко ни валко, я так и думал, что захватим, а нет...

– Ты что-то подозреваешь?

Ярл пожал плечами:

– Так, кое-что.

Ах, как же не хватало ему Ирландца с его холодным циничным умом! Тот бы живо догадался, что к чему, еще во время боя, не лез бы в самую гущу, как Хельги, больше бы наблюдал, чем бился, и наверняка увидел бы, как нападавшие добивают своих. Хельги тоже заметил это, но, к сожалению, слишком уж поздно. Да-а... Никифор, конечно, славный малый и преданный друг, но у него есть четкие моральные принципы перед людьми и распятым Богом, и этих принципов у него слишком уж много. Похоже, он даже верит людям... вернее, пытается верить. Но все же Никифор ничуть не глупее Ирландца, просто у него другой ум, который тоже надо наконец использовать для пользы дела. Можно, конечно, пройтись завтра и в компании с Найденем и Лашком – людьми, хорошо знающими местность, – но... пусть лучше будет рядом Никифор. Может, и даст какой-нибудь дельный совет, надо только не забывать спрашивать.

Простившись с приятелем до утра, Хельги-ярл обошел сруб, потом спустился к ручью, проверил часовых – те несли службу зорко, ярл остался доволен. Напившись холодной водицы, он повернул назад, чуть не наскочив на воркующую в кустах парочку – Найдена с Маленой. Девчонка прибилась к ним у самой Ладоги. Оставшись сиротой, искала родичей. Вот, в общем-то, и все сведения о ней, но теперь они не удовлетворяли ярла. Он чувствовал, что опасность распространилась по окрестным лесам, и знал – в случае чего слабое звено может оказаться гибельным для всех – уж слишком мало их тут было, и, главное, совсем не было связи с Ладогой. А ведь и в самом деле – не было! Хельги стукнул себя по лбу, выругался – вот идиот! Поглупел, видно, за последнее время, оброс жирком от спокойной жизни и упустил такой важный вопрос. Ладно, пока нет особой информации, а если вдруг таковая появится? Послать Найдена? А затем – приبلудного Лашка? Они единственные знают дорогу, да еще Жердяй. Жердяя можно послать, тиун же нужен и тут – деловит, распорядителен, собран – замечательные качества для задуманного ярлом дела. Лашк? Приблуден и не проверен. Кто знает, можно ли ему доверять? То, что он предупредил о засаде, еще ни о чем не говорит – вполне возможно, он был специально подставлен, внедрен, так сказать, в качестве соглядатая. Хельги усмехнулся. Однако не слишком ли? Из-за одного соглядатая губить два десятка воинов, подобных которым потом поди-ка сыщи в этой глуши. Нет... Неведомый враг вряд ли пойдет на это. Впрочем, если б этим врагом был черный друид... От него-то можно ожидать и не такого. Однако Лашка завтра придется взять с собой – здешние леса он знает лучше Найдена с Жердяем, что и понятно – те двое бывали здесь наездами, а Лашк тут жил.

– Ты... ты самая красивая девушка, Малена, – донесся из-за кустов возбужденный шепот Найдена. Ярл усмехнулся – Никифор на его месте поскорей бы ушел, заткнув уши. А Ирландца...

дец? Что сделал бы Ирландец? Обязательно подслушал бы весь разговор. Так, на всякий случай, с целью получения информации. Хельги вздохнул – пусть это и не очень-то прилично, но он сделает так, как сделал бы Ирландец. Девчонка-то – тоже приبلудная, как и Лашк.

Затаив дыхание, ярл укрылся за папоротниками.

– Я тоже рада, что встретила тебя, Найден, – донесся до него приглушенный девичий голос. – Но... я не знаю, смогу ли... смогу ли стать твоею. Ты тиун, а кто я? Без роду, без племени.

– Я тоже незнатен, Малена!

– Нет...

– Да почему же?

– Ты... тебе нужна чистая, верная жена, а я...

Малена разрыдалась. Обняв ее, Найден принялся нашептывать слова утешения. Несколько раз ярл услышал имя – Борич. Борич Огнищанин. И произнесено оно было с ненавистью.

Хельги удивился – при чем тут Борич? Верный, трудолюбивый работник, грамотей, каких мало. Интересно, зачем эта приبلудная девка настраивает Найдену против Борича? Кому на руку, чтобы два тиуна вредили друг другу? Уж конечно не ярлу! Значит, девчонка подослана. Осталось только выяснить – кем. Тем же, кто устроил засаду? А зимние убийства – не звенья ли это одной и той же цепи? Хитрую игру ведет этот «кто-то» – засада, подосланная девчонка, Лашк... тоже, наверное, подослан. И все это направлено против него, Хельги-ярла. Кто же это, кто? Завистники? Местная знать, недобитые сторонники Вадима Храброго, претендующие на место правителя Ладоги и окрестных земель? Или... Интриги друида? Хельги боялся даже подумать об этом, хоть и намекал когда-то Ирландцу. Уж слишком невероятно. Да и зачем ему это? Что, друид хочет владеть Ладогой? Впрочем – почему бы и нет? Посадит своего человека, а сам попытается занять престол в Киеве, сбросив или подчинив себе Хаскульда. Если так случится – ничто больше не помешает черным планам друида. Да... вполне возможно, что все случившееся здесь – следствие его интриг. Может, конечно, и нет, но нельзя исключать такую возможность. И следует быть осторожней. Предупредить о приبلудах тех, кому доверяешь безусловно, – Никифора, дружину, Найдену... Найдену? Девчонка, кажется, успела уже влюбиться в себя! Плохо дело. Выходит, теперь и Найдену нельзя полностью доверять. Какой же выход, какой? Ирландец, конечно, не говоря худого слова, придушил бы девку ночью да бросил в озеро – мол, сама утопла. И на подозрительного весянского паренька Лашка ни с того ни с сего упало бы тяжелое бревно – Ирландец потом первый бы горестно качал головою. Зато не стало бы подозрительных и вновь можно было бы свободно действовать без оглядки на возможность предательства. Да, так бы поступил Конхобар Ирландец и был бы по-своему прав, но он, волею Рюрика правитель Ладоги Хельги-ярл по прозвищу Вещий, так поступить почему-то не мог. Ну, не мог, и все! Не мог расправиться с людьми просто так, по одному смутному подозрению. Не мог, потому что был не таким, как все! Тот, кто приходил в мозг молодого ярла под яростный бой барабанов, казалось, давно покинул его и никак не напоминал о себе, никак, кроме вот этого чувства, что следует поступать так, а не иначе. Словно душа ярла была уже и не его душой, вернее, не только его.

Оставив влюбленных ворковать дальше, Хельги осторожно выбрался из папоротников и, пройдя сквозь орешник, вернулся в лагерь.

За липами горел большой костер, хорошо видимый в сгустившейся тьме. Длинные языки пламени, казалось, доставали до самых вершин растущих рядом деревьев, с хрустом разламывались в костре угли, рассыпая вокруг себя красные искры. Подойдя к костру, Ярл пошевелил дрова веткой, отгреб часть углей в сторону, брызнул в огонь водой из плетеной баклаги, обернулся:

– Ну, теперь-то прыгнешь, Михряй?

– Теперь прыгну, – поглядев на сбитое пламя, кивнул отрок. Разбежался и под одобрительные крики присутствующих перемахнул через притушенный костер даже с большим запахом, приземлившись далеко за деревьями... В болотце!

Разлетелась во все стороны тина, отпрыгнули прочь недовольно квакнувшие лягухи, молодежь захохотала над незадачливым парнем.

– Вот ржут, лошади, – выбравшись на сухое место, плюнул тот. – Порты только намочил из-за вас.

– Так ведь зато не сжег! Ходил бы с прожженными, а так – повесишь на ветку, к утру и высохнут.

– Ага, повесишь тут с вами, – отрок недоверчиво взглянул на смеющихся приятелей. – Утром и не найдешь!

– Да не нужны нам твои порты, Михря!

Белоголовый весянин Лашк не принимал участия в общем веселье. Сидел скромненько в сторонке на свежем пне да, нахмутив брови, смотрел на темную гладь озера.

«Не сбежал бы ночью». – Хельги подозрительно посмотрел на него и, отойдя в сторону, на всякий случай предупредил старшего дружинника Нехлюда. Нехлюд – несмотря на любовно отращиваемую бороду и нарочито суровый вид, еще совсем молодой парень – важно кивнул. Последим, мол, не беспокойся, княже.

Отдав необходимые распоряжения часовым, Хельги отправился спать. Уже подойдя к шатру, оглянулся, увидел, как, затушив костер, расходилась по шалашам молодежь. Простоватый Михря все ж таки повесил мокрые порты на осину – не поленился, залез почти к самой вершине, – попробуй, доберись-ка! – да и пошел себе спать. Тут же объявились под осиною и Ярл с Овчаром. Ярл нахмурился – а не слишком ли сильно издеваются над Михрей эти ушлые парни? отошел от шатра, крикнул:

– Ярл, подойди-ка!

Зевота тотчас возник перед ним, вытянулся:

– Звал, князь?

– Звал, – ярл присел на бревно, указал кивком место рядом, – сядь.

Ярл послушно уселся.

«А вот еще одна недурная голова, которой можно вполне доверять!» – неожиданно для себя подумал Хельги, а вслух спросил:

– Ты так и не рассказал о себе, Ярл. Признаюсь, не ожидал увидеть тебя здесь, так далеко от Кенугарда.

– Я приехал на заработки с купцом Велимиром, – уклончиво ответил парень.

Ярл усмехнулся:

– Что, поближе заработков не нашлось? Выкладывай-ка начистоту – спугнул кто?

Помрачнев, Ярл пожаловался:

– Мечислав-людин совсем житья не давал, едва успел. Вот, надоумили на время далече скрыться.

– Кто надоумил? Любима?

Ярл удивленно вскинул глаза:

– Неужто ты помнишь ее, князь?

– Я помню всё, – ответил ярл, и ушлый киевский парень поежился под его пронзительным взглядом.

– Кого еще из старых знакомцев ты видел в Кенугарде? – продолжал Хельги. – Меня интересует не столько Порубор с Вятшей, сколько другие. Ты понимаешь, о ком я говорю?

– Да, княже, – Зевота сглотнул слюну. – Говорят, Дир-князь помирился с Аскольдом и вернулся в город.

– Вот как? Значит, Дирмунд все-таки в Кенугарде. Старый Хаскульд совсем, что ли, судрел, простив его? Ну-ну... Что еще?

– Ха! – Ярл вдруг чуть не подпрыгнул. – Знаешь, князь, кто еще приплыл с Велимиром в Ладогу?

– Кто же?

– Истома Мозгляк!

– Истома?! – Ярл вздрогнул. – Что ж ты раньше молчал, парень? Хотя, конечно, вряд ли охрана пустила бы тебя на мой двор в Альдегьюборге. Выходит, Мозгляк здесь!

– Да, в Ладоге. Я случайно увидел его в корчме Ермила Кобылы.

Хитрый Ярл нарочно не сказал князю о бровастом знакомце Бориче. Зачем зря хватать? На Бориче он надеялся неплохо подзаработать и по возвращении. Ведь именно Борич пристроил его сюда и, вероятно, будет ожидать каких-то сведений. Не дождется – кроме и так всем известных. Но зачем знать об этом ярлу? Борич – это чисто его, Ярила Зевоты, дойная коровенка! Он слышал, правда, как ругала бровастого Малена – да и пес с ней, вернее, с Боричем. В конце-то концов он ведь Ярилу не друг и не родич, так – просто возможность заработка. И незачем знать об их знакомстве князю, по крайней мере – пока.

– Истома в Альдегьюборге, – тихо повторил ярл. – Значит, я был прав – здесь интриги друида. А кроме Истома, вполне может быть и кто-то еще. Жаль, с самим Дирмундом не придется скрестить мечи, а слуги – Истома и прочие – это совсем не то, что их Хозяин. Тем не менее нужно быть осторожней.

– Вот что, Ярл, – Хельги сменил тему. – Что ты можешь сказать об этой девушке... Малене, кажется?

– Красивая девка, – не задумываясь, отозвался Ярл. – Сказала, будто родичей ищет, да, видно, врет – нет у нее никого. К Найдену вот прилипла... ну, это все знают.

– Скорее – он к ней. Присмотри за нею, Ярл. – Оглянувшись, ярл понизил голос: – Понимаешь, о чем я?

Зевота кивнул – как не понять.

– Заодно не выпускай из виду и весянина Лашка, – продолжал инструктировать Хельги. – Будешь докладывать каждый вечер. Следить за ними тебе гораздо удобней, чем кому-либо из дружины, – вы ведь работаете вместе на бревнах.

– Не беспокойся, князь, – приложив руку к груди, заверил Ярл. – Сделаю так, как ты скажешь!

– Вот и славно, – ярл похлопал парня по плечу. – Теперь ступай. Слышишь, твои приятели уже возвращаются с озера.

Утром Хельги проснулся еще до восхода солнца. Разбуженные гремями Никифор, Найден и Лашк уже ждали его под липами.

– В какую сторону идем, княже? – поклонившись, спросил тиун.

– Пока вдоль ручья, – на ходу бросил ярл. – Дальше – как скажете. Надеюсь, вы захватили оружие?

Он посмотрел на Никифора. Тот усмехнулся, показав заткнутый за пояс нож. Такие же ножи имелись и у остальных, а Найден, кроме того, прихватил боевой лук. Мельком осмотрев своих спутников, ярл остался доволен и, не высказывая ничего вслух, кивнул – пошли, мол.

Спустившись вдоль ручья до небольшой речки, путники выбрались на большую поляну и остановились посоветаться.

Дивьян следил за ними из густых зарослей смородины. Проголодавшись, рвал губами зеленые еще ягоды, проглатывал, не замечая кислого вкуса. Взшедшее только что солнце пекло ему спину, а колени были мокрыми от холодной росы. Отрок исхудал за последнее время, с круглого курносого лица сошел румянец, резче обозначились скулы, русые волосы отросли

до самых плеч, обещала подстричь Лада-чижа, да так пока и не собралась. Дивьян тихонько сдул с глаз выбившуюся из-под тонкого, стягивающего волосы ремешка челку – чужие стояли поблизости, на другом берегу мелкой порожистой речки, отрок отчетливо видел, как что-то говорил высокий варяг в голубом плаще, остальные – трое молодых парней – его почтительно слушали. О чем говорил главный – не было слышно из-за шума реки, да и не так хорошо Дивьян понимал речь варягов, хоть и учила сестрица. Наконец, договорившись о чем-то, они свернули в сторону, углубившись в лес. Прямой путь к Паше-реке, а дальше – к Шугозеру! Значит, хорошо знают дорогу. Ну да – вон, впереди неслышно шагает белоголовый парень, по виду – соплеменник, кажется, Дивьян даже видал его как-то года два назад на весенних игрищах у Келагаста. Предатель! Идет уверенно, будто всю жизнь здесь ходил. Так, глядишь, к полудню доберутся и до усадьбы Конди, а там... Дивьян на ходу передернул плечами, представив себе, что могут сделать чужие с названной сестрой и раненым Мустом. Тут же поправил себя – не «могут», а «могли бы», если б не он, Дивьян!

Отрок поправил на левом плече лук – может быть, сначала убить предателя? Во-он, маячит впереди за деревьями его узкая спина, светятся в солнечных лучах белые волосы, он повыше Дивьяна, предатель, аж почти на целую голову, пошире в плечах и, наверное, сильнее, впрочем, для стрелы нет никакой разницы. Убить его сейчас? Неслышно зайти вперед, притаиться во-он в том сосняке, прицелиться не торопясь... Нет! Тогда может уцелеть главный! Тот, что убивал родичей, не жалея ни старика Конди, ни малых детей, ни сестер. Страшные картины разорения усадьбы вновь встали перед глазами отрока: кровь на полу, изнасилованные и убитые девчонки, отрубленные головы братьев... Дивьян закусил губу, подавив готовый сорваться стон. Этот варяг умрет! Они умрут все, вторая стрела достанется предателю, первая же – варягу. Именно он ответит за все как главный виновник смерти близких – отрок наконец нашел, кому отомстить! Души убитых родичей тоже радуются, глядя на него, поступившего истинно по-мужски, не оставив убитых без мести, как и подобает воину. Обойдя чужаков стороной, Дивьян затаился на холме, в густом подлеске. Знал – тропка приведет врагов сюда, нет здесь другого пути. Первая стрела достанется варягу, вторая – поразит предателя. После этого останутся еще двое – лохматый светлоглазый парень с важным лицом и черноволосый в длинном смешном балахоне. Справиться с ними, наверное, будет легко, вряд ли они так же хорошо знают местность, как белоголовый. Впрочем, может быть, они и окажут сопротивление, и его, Дивьяна, убьют в схватке. Пусть! Это не будет иметь никакого значения, главное – отомщен род. Осторожно раздвинув рукой ветки можжевельника, отрок наложил на тетиву тяжелую стрелу. Вот уже показался из-за сосен предатель, а за ним, рядом, маячила высокая фигура варяга в голубом плаще. Варяг шел, улыбаясь. Дивьян улыбнулся тоже. Позади него вдруг хрустнула ветка. Рысь? Отрок резко обернулся – нет, показалось. Он снова тщательно прицелился, чувствуя, как гудит туго натянутая тетива. Ну, варяг, прощай! И в этот момент кто-то прыгнул на него сзади, а выпущенная стрела, со свистом пролетев мимо цели, впилась в дерево. Дивьян быстро вытащил из-за пояса нож... и опустил его, едва не ударив в бок Ладучижу!

– Сестрица? – удивленно моргая, произнес он.

А вокруг уже толпились чужие... Дивьян попытался вскочить, но сильные руки сдавили его плечи. Закрыв от обиды глаза, отрок чуть не заплакал, – теперь что уж, теперь пусть убивают. Он ведь так и не сумел отомстить за гибель рода, а значит, недостойн жить.

– Не дергайся, мы не причиним тебе зла, – глухо произнес лохматый. – Но руки все-таки свяжем.

Он споро связал тонкие запястья юного мстителя. Дивьян вдруг снова дернулся – а где же Лада-чижа? Поднял глаза и тут же зажмурился, не в силах поверить увиденному. Лада-чижа, названная сестрица, с которой вместе делили и горе и нехитрые радости, держала варяга за руки и улыбалась. Тот тоже расплылся в улыбке и даже – о боги! – заключил деву в объятия

и, никого не стесняясь, крепко поцеловал в губы, и сестрица не сопротивлялась! Наоборот, похоже, ей это нравилось.

– Эх, Лада-чижа... – скрывая злые слезы, тихо промолвил Дивьян.

Названная сестрица, оставив варяга, вдруг бросилась к нему, обняв, погладила по голове, прошептала радостно:

– Это друзья, братец!

– Друзья? – усмехнулся Дивьян. – Эти друзья убили моих родичей.

– Что он такое говорит, Ладислава? – удивленно переспросил ярл. – Мы никого не убивали.

– Этот парень с Шугозера, с усадьбы Конди, что была разорена зимою. Вот он и подумал, что это вы.

Нагнувшись к пленнику, Хельги вытащил нож. Отрок презрительно улыбнулся:

– Что ж, убивай.

– Помолчи, дурень, – скривился ярл, разрезая путы. Потом крепко схватил Дивьяна за плечи: – Клянусь Одним, Тором и Велесом-богом, ни я, ни мои люди не убивали твоих родичей, парень! Да, мы были в усадьбе Конди зимой...

Отрок вспыхнул.

– И погребли убитых, – грустно продолжил Хельги. – Нелегкое это было дело – насыпать курган из промерзшей земли.

– Я не могу поверить вам, – Дивьян покачал головой. – Вы убили моих родичей и сейчас убьете меня. Так убивайте же скорей, а не лгите! А ты, Лада-чижа, – он повернулся к девушке, – зачем только я тебя встретил? Пусть боги накажут тебя за ложь и предательство!

– Дивьян! – Покраснев, Ладислава закрыла лицо руками и, резко сорвавшись с места, побежала к реке.

– Ты зря обидел ее, парень! – заиграл желваками ярл.

– Убивай!

– Поди прочь, – Хельги устало опустился на землю. – Надоело мне с тобою возиться. Ну, иди, что сидишь? Только оружие я тебе верну потом, еще наделаешь глупостей, дурень.

– А ты не обзывайся! – обиженно сверкнул глазами Дивьян. Он осторожно привстал, осмотрелся исподлобья, словно загнанный охотниками волчонок, – маленький, взъерошенный, тонконогий, отошел в сторону и, резко прыгнув в кусты, побежал, петляя между деревьями. Никто за ним не гнался.

– Где Ладислава? – Хельги посмотрел на своих спутников.

– Там, у реки, – махнул рукой Никифор. – Странно было увидеть ее здесь.

Найден вытащил из коры стрелу:

– Похоже, дева спасла нас от смерти. Но этот парень каков, а? Волчонок! Ты зря отпустил его, ярл.

Хельги усмехнулся, подумав, как бы поступил на его месте Ирландец или обычный викинг. Да, в таком случае ничего хорошего для попавшегося вражонка не вышло бы. Но Ладислава...

Поднявшись на ноги, ярл спустился к реке, углядел сидящую на берегу девушку. Плечи ее тряслись от рыданий.

– Не плачь, Ладислава, – подойдя, нежно обнял ее ярл. – Не надо.

Освобожденный Дивьян кружил по лесу, в любой момент ожидая стрелы. Да, еще совсем недавно он был готов к смерти, но вот сейчас, оказавшись на свободе... Чувство мести вспыхнуло в нем с новой силой. Однако теперь в душе парня зародились сомнения. Почему варяг не убил его? И зачем помешала совершить месть Лада-чижа? Ведь она никогда раньше не вредила ему, а тут... Этот высокий варяг, наверное, ее старый знакомый, если не сказать больше.

Может, из-за этого он и не тронул Дивьяна? И поклялся, что не убивал родичей. Поклялся Одином и Тором – отрок знал, это варяжские боги, – но в их ряду был назван и Велес, особо почитаемый в окрестностях Ладоги. Велес был славянским богом. Так кто же этот высокий – варяг или славянин? И что делает он со своими воинами в здешних лесах?

Хрустнула сухая ветка. Дивьян оглянулся. Прямо на него, ничуть не скрываясь, шел белоголовый предатель. Ну конечно, чего ему бояться? Знает, что оружия-то у Дивьяна нет! В руках белоголовый нес что-то знакомое. Котомку! Увидев отрока, остановился:

– Ты забыл свой мешок. – И, бросив котомку в кусты, повернул обратно.

– Постой! – тихо позвал Дивьян, сам еще не зная зачем.

Белоголовый обернулся, присел.

– Хочешь лепешки? – Неожиданно улыбнувшись, он скинул с плеча торбу.

Дивьян покачал головой:

– Нет.

– Ну, как хочешь... Ты из рода Конди?

Отрок кивнул.

– Знаю, что произошло у вас зимой, – помрачнел белоголовый. – И понимаю – ты хотел отомстить. Я тоже хочу. Несколько дней назад убили мою сестру. Убили страшно, как волки, забросав ветками тело. Чтобы найти их и отомстить, я пошел с князем, тем, что в голубом плаще.

– Откуда ты знаешь, что не они убили твою сестру?

– Нет. Они появились позже. Но я разыщу убийц, клянусь злобными духами леса!

Дивьян поежился – это была страшная клятва.

– Три дня назад кто-то уничтожил род кильмуйского Змеяна, – тихо сообщил он. – Я думал – эти.

– Нет, – белоголовый покачал головой. – Обязательно скажи об этом князю!

– Так этот, в голубом плаще, князь?! – наконец дошло до отрока. – Но кто же тогда Лада-чижа? – удивленно прошептал он. – И где она теперь?

– У реки, плачет. Ты зря обидел ее.

– Князь, – прошептал Дивьян. – Если так, то ему и в самом деле незачем было убивать наших, ведь Конди всегда платил дань исправно.

– Кто-то хочет оболгать его. Дескать, не может ни защитить людей, ни собрать вовремя дани. Именно потому князь и здесь – разобраться во всем, найти и наказать виновных. Тебя звать Дивьяном?

Отрок кивнул.

– А я – Лашк.

Дивьян улыбнулся:

– Что-то не похож ты на ленивца!

– Так прозвали, – усмехнулся Лашк. – В детстве, говорят, даже материнскую грудь сосать ленился. Вот и обозвал кто-то – Лашк – «ленивый». Пойдешь сейчас с нами или к себе?

– Не знаю еще, – покачал головой отрок. – Ты говоришь, у реки Лада-чижа? Пойду к ней, поговорю.

Хельги ласково держал руку девушки, шептал что-то, он и в самом деле был несказанно рад видеть ее, тем более при таких неожиданных обстоятельствах.

– Ты знала, что я здесь? – поцеловав Ладиславу в шею, тихо спросил он. – Откуда?

Девушка молча показала ему фибулу с двумя молниями-рунами.

– «Сиг» – руны победы, – прошептал ярл. – Коль ты к ней стремишься, вырежи их на рукояти меча. У меня и были такие, на мече, который я когда-то выковал сам при помощи

кузнеца Велунда, моего учителя. Где-то теперь тот меч? Остался в хазарских степях? Помнишь Хазарию, Лада?

Кивнув, Ладислава вытерла слезы, пожаловалась:

– Жаль, убежал Дивьян. Так и не поговорили.

Хельги усмехнулся:

– Вон он, твой парень, прячется в орешнике. Эй, иди сюда, не прячься!

Ладислава позвала:

– Выходи, Дишка.

Дивьян выбрался из кустов, уселся на берегу рядом:

– Ты прости меня, Лада-чижа.

– Лада-чижа? – удивленно переспросил ярл.

– Сестрица-Лада, – погладив отрока, улыбнулась Ладислава. – Так он меня называет. –

Она обернулась, сверкнув глазами, синими, как васильки. – Я так рада встрече, мой ярл.

Дивьян отвернулся. Посидел немного, посмотрел, как играет в речке форель, потом попросил:

– Поклянись еще раз, что это не твои люди расправились с родом Конди.

Ярл серьезно посмотрел на него, встал и, вытащив нож, надрезал ладонь:

– Клянусь кровью, и, если не так, пусть поразят меня боги – мудрый Один, яростный забияка Тор, Велес – повелитель подземного царства, правительница мертвых Мокошь, солнечный Дажь-бог, Род с Рожаницами, Перун-громовержец. Впрочем, Перуна я не люблю – слишком кровав!

– И это говорит викинг?! – неожиданно рассмеялась Ладислава.

Неизвестно, что убедило отрока больше – клятва на крови или веселый смех девушки.

Он улыбнулся, посмотрел на ярла.

– Князь, Лашк сказал – ты ищешь здесь тех, кто убивает?

– Да. Ты уже успел познакомиться с Лашком?

– Конечно, – Дивьян помрачнел. – Три дня назад неизвестные злодеи вырезали род кильмуйского Змеяна. Всех до одного, только один парень, Муст, спасся, и тот бы помер от ран, да были милостивы к нему боги.

– Ты знаешь это место? – встрепенулся ярл.

– Идем, – просто ответил отрок.

Ладислава не пошла с ними, вернулась в усадьбу – раненый Муст требовал ухода. Прощаясь, отозвала в сторону Хельги, поцеловала, прошептала тихо:

– Приходи на Шугозеро, буду ждать.

– Приду, – одними губами обещал ярл.

Он и сам не мог понять, что вдруг такое с ним случилось? Ведь осталась в Ладоге любимая жена, дочери – уже две, – а вот, поди ж ты, встретил в лесу Ладиславу, Ладию, и снова потерял голову, как тогда, в далеких южных лесах. Так хотелось обнимать эту златовласую деву, гладить ее шелковистую кожу, нежно заглядывая в глаза, чистые, синие-синие, словно луговые цветы васильки.

– Ладия... – улыбаясь, шептал ярл, не в силах до конца поверить в неожиданно случившуюся встречу.

А Ладислава неслась к усадьбе, чувствуя, как переполняет ее бурная радость. Радость от встречи с любимым. Любимым – несмотря ни на что. Именно из-за этого чувства и покинула дева родную Ладогу, надеясь, что утихнет оно в этих дремучих лесах, однако не утихало. Сколько раз Ладислава ловила себя на мыслях о Хельги! Поначалу гнала их из головы, а потом махнула рукой, перестала, лишь тихо грустила. И вот стоило появиться ярлу, как чувства ее вспыхнули с новой силой... Вспыхнули. А может, и не угасали никогда?

Глава 14

Покой вечный дай им!

*Злые дела
там свершились,
когда наступило
печальное утро.*

Старшая Эдда. Речи Хамдира

Август 865 г. Шугозерье

Ведомый Дивьяном небольшой отряд Хельги-ярла добрался до селенья Змеяна лишь к вечеру. Выйдя из леса, ярл остановился, пораженный открывшейся перед ним картиной. Меж лесом и грядой синих холмов, маячивших вдаль, раскинулась широкая, покрытая редкими кустами долина, залитая лучами заходящего солнца. Яркие лучи слепили глаза, и долина казалась бесконечной. Хорошо были видны раскидистые, отдельно стоящие деревья, сметенные стога, даже шалаши пастухов, правда, ни самих пастухов, ни коров, видно не было, словно исчезли они куда-то в одночасье, пропали, сгинули волею какого-то злобного колдуна.

– Вон там, на холме за рекою, – селище, – показал рукой Дивьян.

Ярл оглянулся:

– Успеем до ночи?

– Нет, – отрок покачал головой, – это только кажется, что близко, на самом деле – идти и идти.

– Тогда ночуем вон у той сосны.

Хельги специально выбрал стоящее в некотором отдалении от леса дерево, окруженное редким кустарником, вполне достаточным, однако, чтобы укрыть спящих; костра решили не разжигать, наскоро перекусив взятыми в дорогу припасами – рыбой и запеченным в глине рыбчиком, подстреленным еще вчера кем-то из воинов ярла.

Еще только решив двигаться сюда, Хельги отослал к дружине Лашка – предупредить, чтоб не ждали к ночи, и распорядиться о негласной охране усадьбы Конди. Старший дружинник Невлюд сразу же и направил туда троих воинов, с которыми, услышав о Ладиславе, напросился и Ярл Зевота.

– Хорошая дева, – улыбнулся он. – Рад буду вновь ее увидеть. Про Любиму расскажу с Речкой... это девчонки, ее знакомые, да ты и сам знаешь.

– Знаю, – кивнул старшой. – Однако Лашка говорил, ярл не велел заходить в усадьбу. Приказал зря не беспокоить, охранять тайно.

– Да я и не собираюсь пока никого беспокоить, – отмахнулся Ярл. – Так, посмотрю издали. Наговорюсь еще, успею.

К сосне натаскали из лесу лапника, разложились в кусточках – вполне мягко, а на комаров никто не обращал внимания. Да и мало их было здесь, на открытом месте.

– Что это? – обойдя сосну, вдруг воскликнул Найден. – Вроде вырезано на коре что-то.

– Где?

Все – Хельги, Дивьян и Никифор – с любопытством подбежали к нему.

– Руна «Т», – задумчиво произнес ярл. – Интересно, что бы это значило?

Дивьян, не говоря ни слова, вытащил нож и принялся рыть землю у корней сосны. Взглянув на него, остальные удивленно переглянулись.

– Вот! – Запустив руки под корни, Дивьян торжествующе вытащил наружу кожаный сверток, развернул осторожно. Звякнув, упали в траву два ножа, несколько серебряных монет-дирхемов и широкое лезвие секиры.

– Схрон! – шепнул Найден. – Не мы, выходит, здесь первые.

– Ну, ясно, не мы, – усмехнулся Никифор. – Кто-то же разграбил усадьбу Змеяна! – Обернувшись, он перешел на язык фьордов: – Ты еще не догадался – кто, ярл?

Жесткая усмешка искривила губы Хельги.

– Боюсь, это наши старые друзья – люди друида Форгайла.

– Я тоже так полагаю, – отозвался монах. – Похоже, нам нигде нет от них покоя.

– Как и им от нас! – засмеялся ярл.

Ночь прошла спокойно. Стояла полная тишь, лишь где-то далеко в лесу гулко куковала кукушка. Утром поднялись рано, едва рассвело, пошли через долину к холмам. Отбрасывая длинные тени, перепрыгивали через ручьи и овраги, обходили стороной колючие кусты, поражаясь стоящей вокруг тишине – не лаяли на селище собаки, не мычали коровы, не доносилось ни звука, казалось, даже птицы не пели.

– Что-то не нравятся мне эти люди! – кивнув на идущих, нахмурился невысокий мужик с пегой кудрявой бородкой и пронзительным взглядом. Еще трое – молодые поджарые парни, вооруженные рогатинами и ножами, – стояли позади него и тоже не спускали глаз с чужаков.

– Может, это люди Змеяна? – предположил один из парней, постарше и посильнее других. – Охотники или рыбаки, а, дядько Твор?

Твор покачал головой:

– Не думаю. Слишком тихо идут. Останавливаются часто, присматриваются, будто бы ищут чего-то. Нет, свои так не ходят, Ильбез!

– Я схожу гляну?

– Давай, – кивнул Твор. – Только быстро.

Ильбез и в самом деле оправдывал свое имя – «Рысь» – передвигался бесшумно, быстро, прячась за деревьями и кустами, осматривался настороженно, словно был готов в любой момент выпустить острые когти. Вот он совсем исчез из виду, и Твор на всякий случай снял с плеча лук. Зашуршала трава – Твор с парнями чуть отошли в сторону, переглянулись. Старшой тихонько свистнул. Тут же послышался ответный свист, и из травы показался Ильбез.

– Точно, не Змеяновы люди, – вполголоса доложил он. – И вообще не наши – одеты чудно, похоже – варяги.

– Варяги? – переспросил Твор. – Что им делать у Змеяна? Здешние места слишком уж далеки от обычных торговых путей.

– Так, может, у самого Змеяна про них и спросим? – предложил самый молодой.

Твор усмехнулся:

– Лучше чуть погодим. Друзья Змеяна еще не обязательно друзья Келагаста. Кильмуйский староста – себе на уме, предупреждал о том Келагаст, да вы и сами слышали. Выходит, Змеян водит дружбу с варягами? Проверить бы... Что-то не видно вокруг косарей, да и рыбаков на реке.

– Может, за рощицей они? – Ильбез кивнул на ольховые заросли и вопросительно взглянул на старшого.

– Охолони, – строго приказал тот. – Обождем чуть. Как покажутся чужаки у мосточка, тогда и сбегашь к рощице. Знакомые у тебя здесь есть ли?

– Да есть, как не быть.

– Вот и поговори, коли встретишь. Про нас не рассказывай, про варягов – вызнай. Так, за беседой. Зачем пришли, откуда, да часто ли заходят? А там и решим – заходить в гости к Змеяну аль домой топать.

– Сполню, дядько Твор.

Все четверо улеглись на склоне холма, за кустами, внимательно наблюдая за извивавшейся внизу тропинкой, ведущей к мосткам через неширокую, громко журчащую по камням речку с коричневой торфяной водицей. Долго ждать не пришлось – едва устроились, как показались из-за ольховых зарослей чужаки.

– Да, видно, и вправду варяги, – тихо протянул Твор, рассматривая высокого молодого мужчину в темно-голубом богатом плаще. – Ну, можешь идти, Ильбез!

Ильбез проворно спустился с горушки. Он вернулся быстро – выскочил из травы, словно ошпаренный крутым кипятком:

– Они все убиты!

– Кто?

– Косари, пастушата, бабы с ведрами, – одними губами перечислил Ильбез. – В основном – стрелами, но некоторые и мечом порублены.

– Вот как, значит? – Твор немного подумал. – Ин ладно, возвращаемся по-тихому. Келагасту расскажем, что видели.

– Так, а может, в селище зайти?

– К варягам в гости? – Твор усмехнулся. – Нечего нам там делать, все ясно и так. А к покосу свернем, посмотрим – все одно по пути.

Он махнул рукой, и люди наволоцкого старосты Келагаста бесшумно спустились с холма.

Войдя в распахнутые ворота селища, Хельги чуть было не схватился за меч – прямо на него упал прислоненный к воротной створке труп сторожа, пронзенный длинной черной стрелой с перьями ворона. Чуть слышно выругавшись, ярл отодвинул мертвое тело в сторону и направился к избам, вокруг которых во множестве валялись убитые. Змеились в пыли вывалившиеся из вспоротых животов сизые кишки, над черными лужами уже успевшей подсохнуть крови вились зеленые мухи. На длинном шесте, прибитом к недостроенной избе, покачивалась отрубленная голова с длинной седой бородой.

– Это Змеян, староста, – опасливо покосился на голову Дивьян.

– Да, похоже, никого в живых не осталось. – Найден внимательно осматривал убитых.

– Смотри, ярл – кровавый орел! – закричал вдруг Никифор, переворачивая сапогом обнаженный труп молодой женщины. – И там тоже. – Он кивнул на заваленный мертвыми телами двор. – И там.

– Развлекались, как могли, – вздохнув, заключил Хельги. – И напали с разных сторон. Часть отряда расправилась с косарями и теми, кто был в долине, а в это время другой отряд внезапно нагрянул с севера. Интересно только, как они так точно сговорились.

– Гонец.

– Нет, слишком долго бежать...

– Значит, зеркало, вернее, маленький, начищенный до блеска щит, – взглянув на солнце, предположил Никифор. – Я видел, как используют их в городе Константина.

Хельги с уважением взглянул на него – все ж таки, выходит, не зря взял с собою.

– Поди-ка сюда, князь! – высунулся из дальнего сарая Найден.

Хельги и последовавший за ним монах вошли в темное невысокое помещение. Амбар. Крепкий и достаточно просторный для хранения всяких припасов. Хотя – нет, все ж таки не амбар, а овин – вон под ногами сложенный из камней очаг для сушки злаков и намокшего сена.

– Там, в углу, – тиун показал рукой.

Ярл подошел ближе. Два голых отрока с круглыми от ужаса глазами и перерезанными шеями. Руки их были связаны.

– Думаю, кто-то сначала использовал их как женщин, а уж потом убил, – шепотом высказал мысль Никифор.

Хельги обернулся к монаху:

– Когда-то так поступал Лейв Копытная Лужа. Но он давно сгинул в болотах.

– Сгинул? – Никифор усмехнулся. – На все воля Божья. Меня очень беспокоит вопрос – почему убийцы не замели следы? Ведь, казалось бы, поджечь – чего уж легче? Дни стоят сухие – вспыхнуло бы враз, и ничего бы мы тут не увидели. Так нет, как нарочно, оставили все как есть – глядите, мол, какие мы!

– Именно для этого и не подожгли, – кивнул головой ярл. – Как не сожгли зимою и усадьбу старика Конди, и несколько погостов на Капше-реке.

– Кажется, я понял тебя, ярл. – Монах нахмурился. – Кто-то хочет настроить местных против тебя и твоего правления!

– Хочет? – неожиданно горько расхохотался Хельги. – Не просто хочет, а очень сильно хочет! Прямо из кожи вон лезет. Не случится ли вскоре какой-нибудь праздник, общий для всей местной веси? Ну, когда ходят друг к другу в гости целыми селениями, водят хороводы, присматривают невест.

– Вообще, к осени у многих народов бывают такие игрища, – кивнул Никифор. – Но чего гадать? Давайте спросим у нашего парня. Дивьян – так ведь его зовут?

– Да, Дивьян, – отозвался ярл, вышел на улицу, подозвал отрока.

– Праздник? – поначалу не понял тот. Потом сориентировался, улыбнулся даже. – Да, будет такой скоро. Дожинки – окончание жатвы. Большой праздник, людный. Помнится, мы почти всем родом хаживали на лодках к Келагасту, и сюда, к кильмуйским... потом и они к нам приходили.

– И я такой праздник помню, – улыбнулся Найден. – Правда, наш род близ Ильмень-озера жил, но тоже жнивье праздновали. Оспожники – так называли праздник. Песни пели: «Жнивка, жнивка! Отдай мою силку на пест, на колотило, да на молотило, да на криво веретено!» – Напев, тиун вдруг смущенно опустил глаза.

– Раз праздник, следует и сюда ждать посланцев, – промолвил Никифор. – Если уже не приходили.

– Нет, не приходили, – мотнул головой Дивьян. – Коли б были уже – так погребли бы мертвых. Вот и нам бы... – отрок вздохнул.

– Да тут непочатый край – тризну готовить! – невесело усмехнулся монах. – Однако парень прав, без погребения мертвых оставлять нельзя... хоть они и язычники, а все ж люди.

– Последнее дело – оставить без погребения мертвецов, – согласился Найден. – Говорят, они потом мстят.

– Конечно, мстят, – хмуро кивнул Хельги. – Думаю, мы вполне сможем стащить убитых в какую-нибудь одну избу, пока они окончательно не разложились. А к тому идет. – Он понюхал пахнувший сладковатым тленом воздух и поморщился, как никогда бы не поступил истинный викинг, для которого запах смерти – лучше всяческих благовоний. И дальше ярл поступил так, как никогда бы не поступил ярл, тем более – законный правитель Альдегьюборга. Вместе со всеми он стал таскать трупы. Даже не помыслил о том, чтоб стоять в стороне и распоряжаться, и не слышал в ушах холодного барабанного боя, просто поступил так, как поступил бы... Тот, кто являлся к нему под этот бой.

Поначалу все с удивлением смотрели на закатавшего рукава туники ярла, потом привыкли. Споро таская трупы, отмахивались от мух, даже шутили. К вечеру изба была забита полностью. Дивьян треснул огнем, поджег пучок соломы, а от него – сделанный из смолистой головни факел. С поклоном протянул его ярлу:

– Зажги, князь!

Приняв горящую головню, Хельги аккуратно, со всех четырех сторон, поджег крытую сухой дранкой крышу, обернулся:

– Молитесь своим богам!

Изба вспыхнула в один миг, занялась оранжевым пламенем, и густой черный дым повалил в сиреневое вечернее небо.

– Requiem aeternam dona eim, – зашептал Никифор.

– О, Мокошь, подземная хранительница, о Велес...

– Один, многомудрый повелитель...

– Светлые духи леса...

– Сварожич, Род и Рожаницы...

– Хель, богиня загробного мира, Фрей и Фрейя...

– Койвист – березовый бог...

– Покой вечный дай им!

Глава 15

И снова руны

*Клятвы он принял...
...верности клятвы
От воинов смелых.*

*Старшая Эдда.
Краткая песнь о Сигурде*

Август 865 г. Шугозерье

Обнаженное загорелое тело девушки светилось в лучах клонившегося к закату солнца, оранжево-желтый пылающий шар которого отражался в светлом зеркале озера.

– Лада, душа моя, – лаская любимую, шептал молодой ярл – повелитель Ладоги и всех окрестных земель, в том числе и этих.

Они лежали в высокой траве у самого озера, посреди васильков и ромашек, слушая, как бьются о песчаный берег волны.

– Я... я хотела сбежать от тебя, мой князь, – погладив Хельги по плечу, призналась Ладислава. – Но, похоже, ничего не вышло...

– Потому что я появился здесь? – Ярл крепче прижал в себе деву.

Та засмеялась тихонько:

– Нет, не поэтому. Если б ты не пришел, я бы вернулась сама... не выдержала бы, сама не знаю почему...

– Любимая... – Хельги не мог оторваться от светло-синих девичьих глаз, таких любимых, родных... чуть светлее, чем у Сельмы.

Ярл вдруг поймал себя на мысли, что, кажется, любит обеих. Он не представлял себе жизни без Сельмы, любимой супруги и матери его дочерей, но не мог бросить и Ладиславу. Как быть? Ввести Ладиславу в дом второй женой? Как знатный господин, он ведь имел на это право. Но согласится ли на это васильковоглазая девушка? И как воспримет ее Сельма? Формально, конечно же, согласится, но будет ли в семье лад? И... и как в таком случае вести себя самому? Никто не мог посоветовать ярлу, даже Тот, кто являлся ему в грохоте барабанов! А ведь он постоянно советовал в трудную минуту, и ярл всегда точно знал, как поступить, оттого-то его и прозвали Вещим. Всегда знал... Но вот сейчас...

– Не думай о плохом, любый. – Ладислава обняла ярла. – Не хмурь брови, не надо. Наслаждайся тем, что есть...

– Ты стала мудрей, дева.

– Я просто повзрослела, мой князь, – грустно улыбнулась девушка. – Целую зиму я провела здесь одна, вернее вдвоем с Дишкой, названным братцем...

– С кем?

– С Дивьяном. Это я зову его так – Дишка. Он славный. Скоро хочет жениться на одной из куневичских дев, они почему-то считаются работающими, словно все остальные бездельницы.

– Жениться? Хорошее дело. Если надо, могу быть сватом!

– Дишка и сам хотел просить о том, да постеснялся. Он почему-то сильно заужавал тебя в последнее время. Куневичские, кстати, тоже... Они приходили недавно, купили у ваших бусы – повесить над разоренным погостом. Мы тоже такие повесили. Там, над курганом.

– В злое время живем мы с тобой, Лада, – погрустнел князь. – Злое, нехорошее время.

– Разве? – Ладислава погладила ярла по щеке, заглянув в глаза, шепнула что-то смешное. Хельги чувствовал, как сладко кружится у него голова.

– О каких буквицах мне все время твердил Дивьян? – Он наконец оторвался от девушки. – Говорил, что ты знаешь.

– О буквицах? – удивилась Ладислава. – А, наверное, он имел в виду руны. Здесь, около Шугозера, напротив усадьбы Конди, вырезанная на старом пне руна «Ф», а на куневичской дороге у болота Чистый Мох – «У», на камне.

– И под обоими – схроны?

– Ты и это знаешь?

Хельги кивнул, задумался. Вспомнил – неизвестные нидинги сначала напали на усадьбу Конди – руна «Ф» – первая руна из числа так называемых «старших» рун общих, для всех германских племен, следующей идет руна «У» – и она на куневичской дороге, а ведь Куневичский погост был разорен вторым. Третьим – селище Змеяна, и там же, рядом, нашлась третья по счету руна – «Т». Интересные дела получаются! Четвертая руна – «А» – отыскать ее – и можно узнать место следующего нападения, так, что ли? Ярл усмехнулся, погладил по животу Ладиславу. Солнце уже совсем скрылось, и над темной водой озера поднималось мрачное алое зарево.

Вернувшись в лагерь, Хельги собрал дружину. Он не хотел больше ждать, он собирался искать и найти тех, кто творил злодеяния по всей округе. Конечно же одной дружины было мало, да и не так уж и много воинов взял с собой ярл в эти глухие места. Хельги надеялся на местных жителей, таких как Дивьян, Муст или Лашк, которому он все больше доверял. Больше всего людей сейчас было у наволоцкого старосты Келагаста, его-то и собирался навестить ярл.

– Знаешь дорогу, Лашк? – Он посмотрел на белоголового весянина.

Тот молча кивнул – еще бы не знать.

Собрались быстро – да и чего было мешкать, Хельги не брал с собой охочих артельщиков, хватало работы и здесь, на Пильтяц-ком озере, взял с собой только гридей во главе с Невлюдом, а им-то собраться – подпоясаться только, люди военные, привычные ко всему. Накинули кольчужки, прицепили к поясам мечи, прихватили копья – все, в дорогу готовы. Дивьяна тоже не стали брать – пусть лучше сидит у себя на Шугозере, все какая-никакая защита Ладиславе и раненому Мусту. Дивьян обиделся было – уж больно хотелось присмотреть у Келагаста невесту, да потом махнул рукой, рассмеялся:

– Уж, так и быть, останусь. Только ты, Лашка, присмотри там девок.

– Присмотрю, – улыбнулся тот. – Сговорюсь на Дожинок-праздник прийти, вместе и сходим.

Дивьян обрадовался:

– Это ты славно придумал. А будешь с девами знакомиться, про меня скажи, что... – Парень задумался, засмеялся. – Нет, ничего не говори покамест. Я уж потом сам все скажу.

Хельги подал знак воинам, и те быстро направились за ним, скрываясь в густых ореховых зарослях. Чтобы не тратить времени даром, решили не добираться напрямик, по лесам да болотам, – хотя и там можно было пройти, – а, спустившись к Паше-реке, дальше плыть на челнах, позаимствованных у разоренного селища Змеяна, с этой целью ярл еще с вечера отправил туда верных людей. Солнце, проникая сквозь густую листву, веселыми зайчиками играло в наверхьях шлемов, сверкало в наконечниках копий, отражалось в кольчугах сияющей серебристой рябью.

Вот когда позавидовал Дивьян, что нет у него ни такой кольчуги, ни шлема, если б были, куда как сподручней было б сватать Келагастовых девок! А может, попроситься с князем в далекий поход? Добыть богатство и славу. Но тут кто же тогда будет? Не дело это – бросать

родные места... Отрок вздохнул. Засмотревшись на воинов, не увидел, как блеснули за дальней осиною чьи-то внимательные злые глаза. Блеснули и скрылись.

Еще немного посмотрев, как артельщики ставят на смолистый сруб крышу, Дивьян помахал рукой белобрысому хитровану Яриле Зевоте и, вскинув на плечи охотничий лук, отправился в лес за добычей. К вечеру он обещал привести в усадьбу Ярила, Лада-чижа аж сама не своя сделалась, как услышала об этом парне, запросила – «приведи» да «приведи» – видно, немало их связывало из прошлой Ладиной жизни, о которой та немножко рассказывала Дивьяну долгими зимними вечерами. Ярил обрадовался, узнав, что вспомнила его Ладислава, хотел было сразу бежать, но – работа есть работа – не по усадьбам бегать он нанялся к ярлу, а строить. Дело спорилось – уже четыре сруба сверкали еще не покрытыми крышами, а частокол был готов почти весь – осталось только сладить ворота.

Черновоносый – еще черней Муста – монах Никифор в длинном смешном балахоне улыбнулся, увидев на пути Дивьяна. Отрок поспешно посторонился, пропуская, он почему-то побаивался этого странного парня, совсем не похожего на других, хоть Ладислава и говорила, что добрее нет человека. Монах придержал весянина за рукав.

– Я тоже вечером пойду с вами, – тихо произнес он. – И еще Найден с Маленой собрались. Видно, и не ждет Ладислава столько гостей. Впрочем, – Никифор улыбнулся, искоса взглянув на распорядившегося работой тиуна, – Найден вряд ли дойдет до вашей усадьбы, у них с Маленой явно найдутся другие дела.

– Рады будем всем, – поклонился Дивьян. – Угощения хватит.

Еще раз поклонившись, он исчез в лесу. А на постройке острога весело стучали топоры, визжали лучковые пилы, разбрызгивая желтые, словно лучики солнца, опилки, перекликались друг с другом артельщики:

– Михря, ну-ко, подай доску! Да не ту, парень, другую.

– Эй, Яриле, голова на крыше не кружится?

– Закружится, упаду. Ловить будешь?

– Надо больно! Пушай Овчар ловит. Порты мне новые кто обещал?

– Да ладно тебе заедаться. Обещали – подарим, вот как только обратно в город вернемся.

– Это ждатель-то сколько!

– А зачем тебе тут порты, Михря? Девок нету, одна Малена, так и та не твоя.

– А он, верно, Ярила застеснялся. А, Яриле?

– Не знаю, не знаю. То самому Михре лучше ведомо.

Так и звенели голоса на весь лес, на все Пильтяцкое озеро, достигая через болота сумрачных берегов Горелого ручья, заросших жимолостью и орешником. Именно в ту сторону и направился Дивьян, надеясь достигнуть вскорости порожиистой речки Явосьмы, посмотреть, что там да как, а к вечеру и вернуться уже, повести гостей к Ладе-чиже. Хорошо было бы подстрелить для гостей глухаря, или рябчика, или хотя бы утку, а лучше – двух. Отрок шарил глазами по кустам, несколько раз прилаживал к натянутой тетиве стрелу... потом опускал лук, вздыхая – не то... Не везло что-то пока с дичью. Зато набрал полную котомку грибов – маслят, подберезовиков, рыжиков, даже несколько белых. Ну, хоть что-то. Лада-чижа грибы любит, да, в общем-то, найдется в доме, чем угостить гостей – рыбы всякой полно: форель, налим, хариус, щука, не говоря уж об окунях, которых никто никогда и за рыбу-то в здешних краях не считал, как, впрочем, и щуку. Ну, что за мясо у нее? Мягкое до безобразия, а костей... Нет, форель куда как лучше.

Хельги-ярл горделиво осматривал окрестные берега. Сколько лесов в этой дальней стороне, сколько много рыбных рек, озер с мягкой прозрачной водой, сколько работающих людей. Ярл старался никого не «примучивать», искать другие пути, доказывать необходимость дани для общего дела, для той же безопасности, в конце-то концов. А вот на этой-то почве престиж

его вполне мог и рухнуть. Черные дела творились в здешних местах, начиная с зимы, кто-то незнаемый, неуловимый, словно невидимка, убивал людей, разорял усадьбы – и ведь не было в них особых богатств, все, как везде здесь, вполне обычные запасы – сушеные грибы с рыбой, моченая брусника, клюква, из особо ценного, пожалуй, только меха. И тем не менее люди гибли. И гибли страшно. Положить конец кровавому беспределу – ради этого, собственно, и пришел сюда Хельги. Но ничего не смог сделать без помощи местных. За этим сейчас и шел к Келагасту, вернее сказать – плыл. По обеим сторонам неширокой реки тянулись пологие холмы, заросли ольхи и ивы, высились чуть в отдалении стройные высокие сосны, дремучие ели угрюмо качали мохнатыми ветками, словно грозили пришельцам.

– Смотри, князь! – Воевода Невлюд показал мечом на излучину. Срубленный ствол сосны, упав в воду, доставал почти до другого берега. Дружинники подняли копьё. Взмахнув веслами, лодки причалили боком. Хельги выскочил первым, подошел к срубленной сосне – вокруг желтели свежие щепки, видно, рубили недавно – ярл наклонился, заметив что-то на пне... И вздрогнул, увидев то, что в общем-то давно уже ожидал увидеть, – похожую на однобокую елочку руну – «А». «Ф», «У», «Т», и «А» – следующая. Тем временем гриди споро осматривали округу.

– Никого нет, княже, – выбравшись из кустов, доложил Невлюд, и Хельги приказал плыть дальше. Нет, вряд ли сейчас кто-то нападет на его отряд... У нидингов явно другая цель.

– Приплыли, – тряхнув белыми волосами, оглянулся на ярла Лашк. – Вон мостки Келагаста, а там, за холмом, селенье.

– Что-то тихо здесь, – подозрительно произнес воевода. – Если позволишь, князь, я с дружиной пошарю в лесочке.

– Вместе пошарим, – отрезал ярл. – Тут нас, похоже, не ждут.

Первым выскочивший на мостки Лашк вдруг вскрикнул:

– Похоже, ты ошибаешься, князь. Смотри! – Он вытянул руку. Да и без этого жеста Хельги увидал за деревьями вооруженных луками и копьями воинов. Падая за сосну, схватился за меч. Рядом зашуршал иголками Лашк.

– Это местные, княже! Вон у елки и сам Келагаст.

– Вижу. – Хельги раздраженно стряхнул с коленей иголки, убрал меч в ножны, вышел из укрытия и направился к Келагасту. Он шагал нарочито медленно, не показывая, что чувствует себя не очень уютно под прицелом сотни стрел. Наволоцкий староста вышел навстречу ярлу – с разлохматившейся от ветра бородой, надменный. Ярл остановился.

– Уходи по-хорошему, князь-волк! – не поклонившись и не подходя ближе, бросил ему староста. – И знай, мы больше не будем платить тебе дань... ты уже и так достаточно получил ее... разорив кильмуйские селища!

– Смерть убийцам Змеяна! – выкрикнул неожиданно выскочивший из кустов полуголый грязный старик с дикими выпученными глазами. – Смерть! – выхватив у Келагаста копьё, он метнул его в ярла.

Дивьян вышел к Явосьме к полудню. Зачерпнув горстью водицы, напился и дальше пошел берегом, знал – где-то здесь в позапрошлом лето он запромыслил нескольких тетеревов. Продвигался не торопясь, внимательно осматривая небольшие, затененные деревцами поляны, именно такие любят тетерева и рябчики. Каждую такую полянку отрок примечал издали, не доходя, ложился брюхом на мох, подползал остороженько... Пока не везло. И вдруг... Жирный, темно-серый, в мелкую красную крапинку рябчик выпорхнул из травы буквально из-под самых ног и тяжело полетел низко над землей. Дивьян пустил стрелу навскидку – промазал и наладил другую, как вдруг маячившая, казалось, перед самими глазами птица исчезла, словно провалилась куда-то. Отрок осторожно прополз между елками, выглянув на поляну. Небольшую, темную... покрытую пнями. Пни? Нет, это не поляна – вырубка! А вот и стволы дере-

вьев вкопаны кругом, и почти на каждом из них что-то насажено. Дивьян подошел ближе и вздрогнул – с кольев скалились на него полусгнившие, объединенные до самых костей птицами и муравьями человеческие головы! Посредине поляны, в окружении кольев, в траве лежала плоская каменная плита, заляпанная застарелыми бурыми пятнами. Отрок внезапно почувствовал страх – никогда раньше нигде он не видал ничего подобного! Сумрачная вырубка, темные ели, колья с мертвыми головами, странный камень – все указывало на то, что совсем недавно здесь приносились жертвы каким-то кровавым богам! Но местные боги вовсе не были настолько кровавы! Ну, может быть, Койвист, березовый бог, но и тот довольствовался кобылой или свиньей, уж никак не человеком! Это какие-то чужие боги... Дивьян вдруг застыл, словно пораженный молнией, – да это же капище тех самых, что убили его родичей! Тех, кому он должен отомстить за их страшную смерть. И за смерть рода Змеяна, и за Куневичский погост, и за... Кто знает, как много крови пролито для этих неведомых страшных богов? И именно он, Дивьян, отыскал-таки их, хотя если бы не рябчик...

Чья-то поджарая тень неслышно подобралась к отроку сзади, и скользкий округлый камень с силой обрушился ему на голову...

– Ну, вот, – отбрасывая в сторону окровавленный булыжник, ухмыльнулся лопоухий растрепанный парень. – Сегодня вождь будет доволен.

Ярл спокойно сделал шаг в сторону, и копье, просвистев около его шеи, воткнулось в землю.

– Я не буду воевать с тобой, Келагаст, – подняв вверх правую руку, громко произнес Хельги. – И хочу мира твоему роду.

– Так же, как ты хотел мира роду Змеяна? – с вызовом ответил староста. – Мои люди мне все рассказали. Они видели там тебя и твоих людей!

– Да, мы были там, – кивнул ярл. – Но не убивали, а лишь совершили погребальный обряд, ибо негоже оставлять мертвых на поруганье зверью. Я клянусь в этом Одним и Веле-сом.

– Мы не верим твоим лживым клятвам, варяг! – крикнул кто-то из-за деревьев. – И отомстим за всё.

Краем глаза ярл видел, как люди наволоцкого старосты окружают его небольшой отряд. Дружинники ярла выстроились полукругом и, обнажив мечи, готовились подороже продать свои молодые жизни. А Келагастовы наступали все ближе...

– Стойте! – громко воскликнул Хельги, обернулся к своим. – Убери меч, верный Невлюд, мы не хотим зла этим людям.

Невлюд невесело усмехнулся:

– Зато они хотят принести зло нам.

– Мы только лишь наказываем ваше зло, – покачал седой головой Келагаст. – Но мы не будем убивать вас, подобно волкам. Мы устроим суд. Так, люди?

– Так! – пролетело по лесу стократное эхо.

Ярл скривил губы:

– Тогда судите сейчас!

Он бросил меч наземь и, скрестив на груди руки, высоко поднял голову:

– Если тебе недостаточно моих клятв, Келагаст, ты можешь послушать уцелевшего родича Змеяна, он точно укажет настоящих убийц! Что же ты молчишь, старик? Или для тебя любованье собой важнее, чем правда?

По кустам пронесся приглушенный ропот. Хельги продолжал:

– Вооруженные убийцы, нидинги, рыщут по вашим лесам, убивают людей, нападают на караваны и усадьбы, я пришел найти и покарать их.

Кто-то глухо хохотнул за спиною:

– С такой-то дружиной?

Ярл обернулся:

– Верно, моя дружина мала. Но ведь есть вы! Или вы не хотите покарать убийц?

– И ты знаешь, где они, князь? – Староста недоверчиво прищурил глаза. Однако он уже назвал Хельги князем. Хороший знак.

– Я пока не ведаю, где они прячутся, – поджал губы ярл. – Но точно знаю, куда они пойдут на этот раз.

– Куда же?

– На ваши селенья!

В толпе Келагастовых прошелестел возбужденный ропот.

– Я хочу выступить на вашей стороне. И пусть моя дружина мала – но это отборные воины, и, уж поверьте, они не будут лишними. Верно, Невлюд?

Воевода усмехнулся в бороду, подмигнул местным:

– Может, кто-нибудь хочет сразиться со мной потехи ради?

Быстро отыскался охотник – молодой красивый мужик, высокий и сильный. Улыбаясь в усы, он подошел к Невлюду, держа в руках две дубины:

– Что ж, сразимся. Только, чур, нашим оружием.

Келагастовы одобрительно загудели и, любопытствуя, обступили готовящихся к схватке бойцов. Расступясь, почтительно пропустили старосту... и ярла.

Бойцы разделись до пояса и теперь, подбрасывая вверх дубинки, играли мускулами под одобрительные крики болельщиков. Закружили друг против друга, выбирая момент для нападения, как рысь выбирает момент для прыжка. И вот наконец такой момент настал. Неуловимое движение – и дубины с треском сошлись! Полетели щепки, раззадорившиеся бойцы разошлись, снова заходили кругами. Первым напал местный – с криком завертев над головою дубину, неожиданно резко выбросил ее вперед, целя Невлюду в голову. Тот едва успел уклониться, присев, и даже чуть было не упал, опершись рукой о землю. И тут же сам нанес удар, целя сопернику по ногам – хотел раздробить коленную чашечку. И ведь раздробил бы, да враг оказался ловок – высоко подпрыгнул, перебросил дубину в левую руку и опустил... Воевода откатился в сторону, но быстро вскочил. Глаза единоборцев налились кровью.

– Думаю, такие бойцы еще понадобятся нам обоим, – шепнул Келагасту ярл. – Не следует увечить их на потеху толпе.

Выйдя вперед, он бесстрашно встал между бойцами:

– Мутузить друг друга дубинами – нехитрое дело. Попробуйте-ка лучше сбить с сосны во-он ту шишку.

– Запросто, – ухмыльнулся воевода. Похоже, такой расклад более чем устраивал и его соперника, слишком уж презрительно тот улыбнулся.

– Видишь шишку, Невлюд? – Хельги сжал плечо воеводы и тихо шепнул: – Прوماхнись.

Воевода вскинул глаза. Ярл многозначительно кивнул.

Пущенная Невлюдом дубина пролетела совсем недалеко от цели, но все же – мимо. Местный боец размахнулся... Это был отличный бросок – сбита шишка упала к ногам Келагаста.

Довольные крики огласили весь лес.

– Что ж, у тебя хорошие воины, староста. – Хельги улыбнулся, взял старика под руку. – Не хочешь ли посмотреть кое-что на берегу? Только не говори, что это вырезали твои люди.

Кивнув, Келагаст в сопровождении нескольких человек, в том числе и недавнего метателя дубины, вместе с ярлом отправился к реке.

– Мой сын, Чопак, – не удержавшись от гордости, староста кивнул на дубинщика. – Чопак по-нашему значит ловкий, – тут же пояснил он.

– Действительно, ловкий, – кивнул Хельги. – Похоже, тебе повезло с сыном.

Староста внимательно осмотрел поваленную в реку сосну, еще внимательней – руну. Пожал плечами:

– Елка какая-то.

– Подобные елки появились и около усадьбы Конди, и у Змеяна. А потом – сам знаешь, что было...

– Я дам воинов, – сдержанно кивнул старик. – встроим засаду.

Келагастова сторожа проторчала в лесу несколько суток. И без всякого результата! Словно бы издевались над ярлом и старостой невидимые душегубцы-нидинги! Ждите, мол, хоть до морковкина заговенья. Может, решили напасть позже... Староста посмеивался. Правда, хорошо хоть не обвинял уже больше ярла в убийствах. А ярл чувствовал в глубине души какую-то неясную, не осознанную еще тревогу. Словно впопыхах не заметил чего-то важного, пропустил, не счел нужным проверить. Что же?

На шестой день он подошел к пню с руной. Взяв в руки нож, потыкал вокруг, пошарил руками под корнями... Ничего! Никакого намека на схрон. Может быть, не успели еще, а может... а может, и вовсе не собирались устраивать! Тогда что же... Да и руна на пне как-то уж слишком хорошо заметна, и именно с реки, не с того берега. А чтоб было заметней, еще и сосна нарочно повалена, мол, обратите внимание, не проплывите мимо.

– Невлюд, – обернувшись, тихо позвал ярл. – Покличь людей, уходим. Грузитесь в лодки, а я попрошу помощи у Келагаста.

– К чему такая спешка, князь? – недовольно протянул воевода, пользовавшийся большим успехом у местных девок.

– Боюсь, скоро нам вообще некуда будет спешить, – с досадой ответил Хельги и сплюнул.

На высоком пне, словно издеваясь, сверкала в солнечных лучах руна. Последняя, в ряду прочих.

Глава 16

Бой в еловом лесу

*Так убегали
в страхе безмерном
перед Хельги враги
и родичи их,
как козы бегут
по горным склонам,
страхом гонимы,
спасаясь от волка.*

Старшая Эдда. Вторая песнь о Хельги, убийце Хундинга

Август-сентябрь 865 г. Шугозерье

Еще подходя к Горелому ручью, Хельги-ярл почуял неладное. Оправдывая название ручья, в воздухе и в самом деле пахло горелым. Переглянувшись, воины прибавили шаг, настороженно осматриваясь по сторонам, прошли топким берегом и, выйдя к северному краю Пильтяцкого озера, остановились, прислушиваясь. Запах гари здесь чувствовался гораздо сильнее, и ярл предостерегающе поднял руку. Враги еще могли быть здесь, притаились, быть может, во-он в том орешнике или за ольхою, выжидают удобного момента для нападения. Вытащив меч, Хельги осторожно пошел к ореховым кустам, небольшой отряд его последовал за ним. В орешнике никого не оказалось, как и за ольхою, как и на территории строящегося острога. Не оказалось живых – а вот мертвецов имелось достаточно. Погибли все – видно, нападавшие не брали пленных. Дружинники с окровавленными мечами, пронзенные стрелами артельщики – ярл узнал среди мертвых Овчара, рядом с ним, с копьем в животе, лежал Михря, совсем еще юный отрок, лицо его исказила гримаса боли, да так и застыла навечно.

– Наши бились достойно, – воевода Невлюд кивнул на трупы чужих – в кольчугах, в панцирях из бычьей кожи, они беспорядочно валялись среди защитников острога. Интересно – нидинги даже не забрали своих. Может быть, рассчитывали вскоре вернуться?

– Смотри, князь! – выбежал из-за кустов возбужденный Лашк.

Переглянувшись, Хельги с Невлюдом пошли за ним. Вокруг – слева и справа – дымились черные срубы, некоторые из них были сожжены полностью, другие лишь обгорели, но все равно почти месячная работа артельщиков пошла насмарку. Сразу за срубам, на берегу озера, было сложено большое кострище из тонких жердей и хвороста, сверху лежали тела погибших, среди которых еще оставалось место.

– Кто-то стащил их, – прошептал Невлюд. – Значит, не все погибли.

– Да, но где они? – Хельги обвел взглядом округу. – Может быть, услышали наши шаги и прячутся в ельнике? Подумали, что возвратились враги? Лашк, посмотри за теми кустами, а мы пройдемся вдоль озера.

– А похоже, не надо никуда идти, князь, – прислушался к чему-то Невлюд. – Кажется, гриди кого-то встретили.

Ярл кивнул – он тоже услышал радостные возгласы, доносившиеся со стороны ручья. Ускоряя шаг, все трое быстро пошли туда – меж кустами, среди окруживших их воинов, стояли Найден и Малена. Оба живы, и ни царапины.

– В момент нападения мы не были здесь, князь, – скорбно покачал головой Найден. – Возвратились к утру и увидели лишь пепелище.

– Значит, чужие напали ночью, – зло прищурился ярл. – Так поступают трусы. Впрочем, чего же еще ждать от нидингов?

– Поначалу мы хотели догнать чужаков, – подала голос Малена. – Но не смогли даже определить, куда они ушли.

– И решили дожидаться тебя, князь, – продолжил тиун. – А пока натаскали хворосту для погребального костра.

– А Ладислава? – не выдержал Хельги. – Никифор, Дивьян? Что-то я не видел их среди трупов.

– Никифор с Ярилом еще третьего дня ушли на Шугозеро, – сообщил Найден. – Покуда не возвращались, да они и собирались несколько дней погостить, звала Ладислава, видно, скучновато ей там.

– Да уж, – грустно усмехнулся ярл. – Зато здесь куда как весело! Что ж, давайте складывать погибших... Хотя, – он задумался, – не будем терять время. Лашк и ты, Найден, пройдемся по окрестным лесам с частью воинов. Невлюд, остаешься за старшего.

Воевода поклонился.

Найден с Лашком и трое выбранных ярлом воинов молча ожидали приказа.

– Если не вернемся к ночи – погребайте без нас, – бросил Хельги Невлюду. – Пошли.

Небольшой отряд прошел южным берегом озера и углубился в лес. Жарко светило солнце, весело щебетали в кустарнике птицы, где-то рядом, в бору, стучал дятел.

«Хорошо б управиться к вечеру», – шагая, думал ярл, и еще думал: куда же они, в конце концов, идут? Чувствовал, что, поддавшись эмоциям, делает что-то не то, вернее – не так, слишком уж непродуманно быстро, как недавно Найден с Маленой.

– Дивьяна надо было взять, – запоздало прошептал Хельги. – Он тут наверняка все места знает. Найден – не местный, хотя вдоль рек и он провести может. Лашк? Лашк!

Белоголовый весянин быстро догнал ярла, уставился вопросительно, моргая глазами.

– Знаешь этот лес? – поинтересовался ярл.

Парень кивнул.

– Расскажи, есть ли там особенно глухие места? Но такие, чтобы можно было быстро туда добраться... или оттуда выбраться, что все одно, впрочем.

– Места здесь везде глухие, – Лашк почесал затылок. – Быстро отсель выбраться сложно, кругом урочища, буреломы.

– Но где-то ведь прячутся чужаки! Наносят удары и уходят, причем довольно быстро. – Ярл вдруг запнулся. – Река! Нет ли поблизости какой-нибудь реки, достаточно широкой, чтобы можно было плыть на челнах? На вместительных челнах?

– Да есть такая река, как не быть, – ответил весянин. – Явосьма-река, порожистая, весной в талую воду – не проплывешь, такие воронки крутит... хотя и иные реки злы в весеннюю-то пору, хоть те же Паша с Капшою.

Хельги не слушал его, пытаясь ухватить какую-то ускользающую мысль.

– Реки, реки... – быстро шептал он. – Весной по талой воде не проплывешь... Так вот почему весной почти не было нападений! Можно было б и раньше догадаться... А куда эта Явосьма-река впадает?

– В Пашу-реку, как раз возле селения Келагаста. Да ты и сам ее видел, князь.

Ярл встрепенулся:

– Веди к Явосьме!

– А мы туда и идем.

Прошли вдоль ручья, обогнули болото, выбрались на звериную тропу, которая вывела их на лесистые склоны. Места вокруг и в самом деле тянулись глухие, дикие. Ни селений, ни

охотничьей тропки, сосны и те попадались редко, одни березы да ели. Близ болотин, в траве, оранжевела морошка, наливалась спелостью брусника, в местечках посуше чернели огромные шляпки грибов, гнилые, червивые – собирать, видно, было некому.

Явосьма-река открылась неожиданно, как поднялись на высокий холм, покрытый густой высокой травой.

Найден сорвал на ходу ромашку, оглянулся.

– А хороши здесь покосы, князь! – произнес он и едва не свалился в глубокий овраг с текущим по дну узким говорливым ручьем.

– Что там вверх по течению, Лашк? – остановившись на крутом берегу, подозвал проводника Хельги.

Парень пожал плечами:

– Не знаю, не бывал никогда. Говорят, другая река – Тутока, но врать не буду.

– А внизу?

– Внизу?.. – Лашк задумался, зашевелил беззвучно губами. – Внизу – Сомовик-озеро, посреде глухого елового бора, а уж дальше – Келагастовы земли.

– Ну, Келагастовы земли, думаю, исхожены все, а вот это глухое озеро, Сомовик?

– Келагастовы и там бывают, – кивнул проводник. – Нечасто, но бывают. И наши бывали.

– Значит, идем берегом до озера Сомовик, – приказал ярл. – Смотрим по сторонам внимательно – ищем тропку или мостки, быть может, запрятанный челн, вернее, челны... Эх, нам бы самим челн!

– Так, может, плот, князь? – подал идею Найден. – Вечереет уже, – он кивнул на низкое солнце, – до ночи к Сомовику так и так не успеем, а тут остановимся – за вечер плот сладим, секиры-то, чай, найдутся у гридей?

– Да найдутся, – усмехнулся один из воев. – Так рубить деревья, князь?

– Рубите, – махнул рукой Хельги. – И в самом деле, что мы тут ночью увидим? Повечеряем, да спать. Костра разжигать не будем... Хотя, – он посмотрел на овраг, – в овражке, думаю, можно.

За дело принялись споро. Вырубив подходящие стволы, принялись тесать. Распоряжался Найден – видно, знакомое было для него дело.

– Не, это гнилье ты выбрось, – качал головой он. – Да и ту трухлявень – сломится на первом же камне. Вон, видишь, деревце? Его и рубите. Тонкое? Так на слегу как раз пойдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.